

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

Намсараева Саяна Баировна

**Институт наместников цинского Китая
в Монголии и Тибете
в XVIII веке**

Специальность: 07.00.03 – Всеобщая история

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

МОСКВА

2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	1
I. Глава. Система управления вассальными землями в империи Цин	50
1.1. Цинский император и его двор – главное звено в системе управления вассальными землями	50
1.2. Лифаньюань как главный механизм в системе управления вассальными землями	63
II. Глава. Институт наместников в Тибете	90
2.1. Первые эмиссары цинского двора в Тибете	92
2.2. Становление института амбаней в Тибете и их функции	99
2.3. “Тибетские Уложения” 1752 и 1792 гг. и укрепление института амбаей	110
2.4. Амбани и буддийские иерархи Тибета	117
2.5. О роли института амбаней в Тибете в системе управления “вассальными” землями Цинской империи	126
2.6. Падение статуса амбаней в конце правления Цинской империи	70
III. Глава. Институт наместников в Монголии	133
3.1. Наместники в Южной Монголии	136
суйюаньский <i>цзянцзюнь</i>	138
хулунбуирский <i>фудутун</i>	140
чахарский <i>дутун</i>	145
жэхэский <i>дутун</i>	145
3.2. Наместники Северной Монголии:	148
улясутайский <i>цзянцзюнь</i>	148
ургинский <i>амбань</i>	155

кобдоский амбань	166
3.3. Наместники в Западной Монголии:	171
сининский амбань	171
илийский цзянцзюнь	176
3.4. Институт наместников в Монголии в системе управления “вассальными” землями Цинской империей	185
Заключение	189
Источники и литература	197
Приложения:	
i. Список наместников Монголии	213
ii. Список амбаней Тибета	225
iii. Родовая и знаменная принадлежность амбаней Тибета	230
iv. Биография цинского сановника Баньди, наместника в Тибете и Монголии	233
v. Терминологический указатель	245
vi. Карта Южной и Северной Монголии периода правления династии Цин.	247

ВВЕДЕНИЕ

По мнению историков-востоковедов, особенно зарубежных, XVIII столетие занимает особое место в мировой истории и истории Китая. Цинская империя в XVIII веке была наиболее могущественным государством в дальневосточном регионе. После захвата китайского престола в 1644 г. и подавления длительного сопротивления китайского народа в 70-х – 80-х гг. XVII в. в юго-западных провинциях и на Тайване, маньчжурская династия Цин (1644-1912) продолжила активную территориальную экспансию. В ходе многочисленных походов цинскому двору во второй половине XVII - первой половине XVIII веков удалось значительно расширить границы бывшей китайской империи Мин. Цинская империя претендовала на исключительное господство не только в Монголии, Джунгарии, Восточном Туркестане и Тибете, но и в сопредельных с ними районах Центральной и Средней Азии. Этому периоду помимо ожесточенных военных столкновений характерны рост торгово-экономических и дипломатических контактов Цинской империи с государствами и народами региона, в первую очередь, с Россией, которая также переживала период подъема, “расширения границ и освоения территорий” в Сибири и на Дальнем Востоке.

Оценивая значение XVIII века в истории Китая, китайский историк Дай И¹ и другие историки характеризуют его “эрой процветания”, при этом особое значение они придают “расширению границ и освоению территорий” (*кай цзян то ту*), масштабы которых для XVIII века были беспрецедентны. В процессе консолидации территории, осуществленной

---

¹ - На международной конференции в Пекине “Китай и мир в XVIII веке” в 1995 году ведущий специалист по истории цинского периода профессор Дай И сделал доклад на тему “Сопоставление развития Китая и Запада в XVIII веке”. Подробнее о конференции см. Б.Г. Доронин “Китай и мир в XVIII веке”. - “Восток” (Москва) 1996, № 5, (59,168-170).

правителями Цинской империи, китайские историки выделяют 4 этапа: 1) подавление императором Сюань Е восстания “3-х вассалов-князей” *сань фань* (в 1681 г.) и включение Тайваня в состав Китая (в 1683 г.); 2) албазинская война и Нерчинский договор 1689 г.; 3) завоевание Джунгарии в 1755-1758 гг.; 4) установление контроля цинских властей над Тибетом в XVIII в. (129, 84).

Другим достижением XVIII века стало утверждение политической стабильности на обширной территории цинского Китая. Американский исследователь А. Феерверкер также отмечает, что в этот период *“Китай был уверенным в себе, процветающим государством, в котором царил внутренний мир и которому никто не осмеливался бросить вызов на его границах”*².

Принято считать, что маньчжуры полностью заимствовали предшествующие методы управления и соответствующие государственные институты династии Мин. Между тем историческая практика показывает, что цинские законодатели относительно вассальных земель внесли немало новшеств, как в центральную систему управления, так и в организацию местной, периферийной администрации, при этом нередко отказываясь от китаецентристских взглядов. Для организации административного управления на захваченных территориях Цинской империи характерны следующие этапы: первоначальный этап завоевания новых земель, период военного администрирования и затем период гражданского управления. На вновь завоеванных землях, как правило, устанавливалась система “переходного” управления. Наиболее наглядно такая форма управления оправдала себя применительно к Монголии и Тибету по сравнению с другими регионами, оказавшимися в сфере влияния цинского Китая. С этой целью в системе государственного аппарата

---

² - Feuerwerker A. State and Society in eighteenth-century China: The Ch'ing Empire in its Glory. Ann Arbor, 1976. P.vii. (цит. по 84,105).

империи Цин было создано специальное учреждение - Лифаньюань (Палата по делам вассальных владений) по управлению землями Монголии и Тибета, а затем и другими “вассальными” землями.

Для управления “вассальными” землями цинские законодатели широко использовали местные традиционные формы управления под военным надзором со стороны специально назначаемых чиновников высшего ранга, представлявших и защищавших интересы цинского двора и центрального правительства. Эти чиновники, или военные наместники принимали деятельное участие в расширении границ империи, начиная с периода военных действий и территориального захвата и заканчивая формированием сложного бюрократического аппарата для эффективного управления новыми землями и народами, включенными в состав Цинской империи. Институт военных наместников (*цзянцзюней и амбаней*) занимал важное место в системе управления Монголией и Тибетом, так как также позволял учитывать и региональные особенности в помощь деятельности Лифаньюань на местах.

Стоит пояснить, создание специальной системы управления захваченными и приграничными землями под управлением военных наместников, отличающееся от управления собственно китайскими землями, не является нововведением в государственном устройстве Цинской империи. В разные периоды истории Китая создавались особые военно-надстроечные единицы (генерал-губернаторства). Их возникновение связано с периодами “военизации” управленческой структуры Китая особенно во времена междоусобиц и иноплеменных вторжений, когда высшие позиции в государстве занимали военные чины или когда гражданские чины (начальники областей и округов) получали одновременно и звания полководцев (*дуду, цзянцзюнь* и пр.) и имели в своем распоряжении военные отряды. Один из таких первых периодов “военизации”, по мнению А.А.Бокщанина, относится ко времени

существования династии Северная Вэй (IV- VI вв.) (43,292-293). В это время существовало прямое военное управление многими подвластными районами (*цзюньчжэнь*), ставшими военно-административными единицами помимо существовавших 26 округов. В дальнейшем, например, в империи Тан (VII-X вв.) уже существовали военные губернаторства (*дудуфу*), учрежденные в стратегически важных районах страны. Военные губернаторы (*дуду*) имели в своем подчинении военных и гражданских чиновников, поэтому власть военных губернаторов носила и военный и гражданский характер. Подконтрольная территория военного губернатора могла охватывать до полусотни уездов или округов. Соответственно “гражданские” начальники этих административных единиц были подконтрольны военному губернатору. В приграничных районах империи или же на вновь завоеванных территориях учреждались особые военно-территориальные образования - пограничные округа или наместничества (*духуфу*). Наместники (*духу*) имели в подчинении приблизительно такой же штат военных и гражданских чиновников. Северные режимы периода Южных и Северных династий обычно держали значительные силы вдоль Великой Стены, зоны расположения которых назывались оборонительными округами *чжэнь*. Пограничные округа могли быть в составе военных губернаторств, совпадать территориально или существовать отдельно. В период династии Тан (VII-X вв.) на границах существовали военные районы *дудуфу*, большие военные районы *дадуфу* (44, 64). В империи Сун (X-XIII вв.) пограничные гарнизоны были подчинены комиссарам *аньфуши* военных округов. При династии Мин (XIV-XVII вв.) также существовала система постоянных тактических группировок на границах под началом специально и на постоянной основе назначенных военных чиновников *цзунбингуаней* или *чжэньшоу* с чрезвычайными полномочиями – правом руководства военными делами и гражданского администрирования. При династии Цин (1644-1911 гг.)

пограничные округа (наместничества) в основном располагались вдоль северной границы, они могли иметь самостоятельный статус либо быть в ведении соседнего генерал-губернаторства. Например, амбань Тибета был подотчётен генерал-губернатору провинции Сычуань, а сининский амбань находился под началом генерал-губернатора провинций Шэньси и Ганьсу. Всего к 1850 г. в империи Цин 18 провинций *шэн* (в том числе столичная) были объединены в 9 генерал-губернаторств (45, 334).

Пограничные округа могли дробиться на более мелкие образования, превращаться в военные губернаторства и отдельные провинции в случае успешного “преобразования” буферной зоны, либо ликвидироваться в зависимости от ослабления внешнеполитической активности и потерей контроля над окраинными районами. По мнению С.В.Волкова, наличие на границах подобных военно-территориальных образований – пограничных округов было в целом характерно для традиционной дальневосточной системы государственного управления (46, 64).

Изучение процесса становления института наместников в Монголии и Тибете в XVIII веке помогает глубже понять своеобразие именно такой формы управления цинским двором “вассальными” территориями. С возникновением института военных наместников на приграничных землях цинского Китая связан не только переход от территориальной экспансии к образованию единой системы государственного управления, но и стабилизация политической ситуации в стране в целом.

Актуальность темы исследования определяется слабой изученностью в мировой науке данной проблемы, а также тем особым вниманием, которое уделяют историки КНР проблемам государственного строительства в Китае, тесно связанным с политикой правительственных органов в отношении нацменьшинств в КНР в различные периоды истории китайского общества.

Избранная тема до сих пор не была объектом научного исследования, и новизна её разработки заключается в том, что впервые в российском востоковедении предпринята попытка комплексного изучения системы управления “вассальными” территориями в Китае при династии Цин на примере Монголии и Тибета. Главное внимание в данной работе уделено проблеме становления и функционирования института наместников в Монголии и Тибете в XVIII веке, при этом дается сравнительный анализ специфических черт и особенностей функционирования системы наместников в Монголии и Тибете в соответствии с характером внешнеполитической доктрины Цинской империи. Систематизация, анализ и обобщение данных разноязычных источников позволяет выявить характер и специфику содержащихся в них исторических сведений. В свете вышеизложенного диссертант ставит главной целью своего исследования выявление форм, методов и способов осуществления управления Монголией и Тибетом при решении цинским двором внешнеполитических задач в “приграничных” (*бяньцзян*) землях империи.

Цель исследования достигается путём разрешения ряда задач, из которых важнейшие представляются в следующем виде:

- Выявление характерных черт системы управления “вассальными” землями в империи Цин с учетом особенностей политики цинского двора в отношении Монголии и Тибета.
- Определение исторических предпосылок и причин формирования института наместников в Южной, Северной и Западной Монголии и в Тибете в XVIII веке.
- Определение роли и значения института наместников в системе военно-административного контроля цинского двора в отношении вассальных земель империи Цин.

Объектом исследования является система управления вассальными землями в империи Цин, во главе которой стоял богдохан-император,

управлявший делами с помощью Военного Совета (*Цзюньцзичу*) и Лифаньюань. Основной акцент сделан на становлении и функционировании института наместников в Монголии и Тибете веке с учетом роли маньчжурского императорского двора и центральных государственных учреждений в системе управления вассальными землями империи Цин.

Хронологические рамки исследования условно ограничены XVIII веком, в рамках которого в общих чертах можно проследить возникновение, и функционирование института наместников в разных частях Монголии и Тибете, которое затем в XIX в. получило свое юридическое оформление в цинском законодательстве.

В настоящем исследовании не предполагалось рассматривать в сколь-нибудь полном объеме функционирование института наместников на всех приграничных территориях во весь период правления династии Цин, так как это проблема требует самостоятельного научного исследования. Сложность разработки проблемы института цинских наместников на приграничных территориях Китая усугубляется прежде всего тем, что данная тема затрагивает многие исторические аспекты в плоскости пограничных вопросов между Россией и Китаем, Китаем и Индией, а с изменением современной геополитической ситуации в Азии, и с другими странами Центральной Азии.

Источники и литература

При подготовке настоящего исследования наиболее важным представлялось изучение китайских, тибетских, монгольских (включая тувинские) и русских источников, работ китайских, отечественных и западных исследователей цинского Китая XVIII века, а также специальных исследований по истории Монголии и Тибета этого периода.

Прежде чем перейти к описанию источниковедческой базы исследования и к характеристике источников по интересующей нас теме, в первую очередь, китайских, необходимо сказать, что Цинская династия, как ни одна из предшествующих китайских династий, оставила огромное число письменных источников официального и неофициального характера. В соответствии со сложившимися нормами для китайского государственного историописания цинская историография преимущественно занималась составлением исторических трудов. В течение длительного времени цинская историография служила единственной базой для многих поколений китайских авторов и зарубежных исследователей, но многие исследователи цинского периода указывают на необходимость критического отношения к документам официального историописания. По мнению Б.Г. Доронина, цинское государственное историописание, во многих случаях предстает как *“своеобразная интерпретация исторического процесса”* (57, 238).

Целесообразно представить варианты систематизации источников этого огромного массива цинского историописания, предложенных отечественными востоковедами.

Один из вариантов выделяет в историописании цинского периода три основные группы: императорские хроники по годам правлений (*шилун*), официальные истории (*чжэньши*) и неофициальные истории (*ешу*) (55;55; 57). Другой вариант, основанный на классификации по степени важности источников, предложенный А.Д.Воскресенским, позволяет систематизировать источники следующим образом:

- I. Архивные документы и материалы.
- II. Официальные *хроникально-летописные повествования* (типа *“шилун”*)
- III. Различные собрания документов, в свою очередь распадающиеся на следующие подгруппы: собрания законов

(уложения) “хуэйдянь”, “хуэйдянь шили”, и “цзэли” (правила или Уложения), собранные по ведомствам (или департаментам), например, “Либу цзэли” (Уложение Палаты церемоний) или “Лифаньюань цзэли” (Уложение Палаты по делам управления вассальных земель); документальные подборки “фаньлюэ” (стратегические планы) и “цзилюэ” (усл.перевод “стратегические записи”), создававшиеся по следам событий после каждой крупной военной кампании с целью прославления военных успехов императора³, “фанчжи”, “дифанчжи”, “туцзин” – местные хроники, историко-географические описания определённых территорий (существует более 8 500 наименований), а также “цзоу гао” (или “цзоу и”) – собрания докладов чиновников по различным вопросам, объединённых либо темой, либо именем автора.

- IV. Авторские сочинения. В этой группе материалов выделены следующие подгруппы: авторские исторические сочинения (собственно “истории”), а именно “чжэньши” (официальные истории); авторские сочинения “генеалогии” (“няньпу” и “цзяпу”), подборки материалов литературно-эссеистического характера “вэньцзи” и “еуци” “вольные” неофициальные записи), как правило, охватывающие определенную тему. К этой же подгруппе отнесены произведения мемуарно-дневникового характера (дневниковые записи “жицзи” и записи “бицзи”, воспоминания и мемуары “хуэй’и лу”) и т.д. (47,13-16).

---

³ - Например, некоторые из 20 подобных подборок: “Пиндин чжуньгээр фаньлюэ” (“Стратегические записи усмирения джунгар), “Пиндин шомо фаньлюэ” (“Стратегические записи усмирения земель к северу от пустыни”).

При характеристике китайских источников, использованных в нашей работе, мы будем придерживаться данного варианта систематизации.

I. Отечественные и зарубежные исследователи единодушно подчеркивают особую важность *“Цин шилу”* как многообразного исторического источника, которому посвящены как специальные работы (47), так и отдельные характеристики в исторических введениях и разделах монографий (50;63; 83). *“Цин шилу”* представляет собой собрание хроникальных записей и официальных документов за период с 1583 по 1912 гг. по эрам правления цинских императоров, составленное на трех государственных языках Цинской империи: китайском, монгольском и маньчжурском языках. Изначально *“Шилу”* (Записи деяний) не предназначались для публикации, а готовились для узкого круга лиц: императора, некоторых высших государственных сановников и являлись для правящей элиты сводом обширных знаний по вопросам внешней и внутренней политики. Все важные моменты внешней политики цинского двора нашли свое отражение здесь полнее, чем в каких-либо других письменных источниках цинского периода. Но, как отмечают отечественные исследователи цинского периода, *“оценки тех или иных событий “Шилу” строго официальны и подчас тенденциозны”* (50,11), поэтому многие исследователи, указывая на недостатки *“Шилу”*, как исторического памятника (своеобразная датировка событий, тенденциозность в подборе материала, ряд неточностей в именах, титулах), говорят о необходимости критического отношения к данному источнику с советом *“не допускать переоценки собрания”* (48,17 и 83,7). Значительным подспорьем для пользования этим источником являются составленные полностью или в большей части на основе документов *“Шилу”* специализированные тематические сборники. Сюда следует отнести изданный в 1982 г. 10-томный сборник *“Цин шилу. Цзаницу шиляо”* (*“Исторические материалы о тибетцах. Циншилу”*) (36). Интересующий нас

период (XVIII в.) представлен хрониками деяний императоров Сюань Е (девиз правления Канси с 1662 по 1722 гг.), Инь Чжэна (девиз правления Юнчжэн с 1723 по 1736 гг.), Хун Ли (девиз правления Цяньлун с 1736 по 1796 гг.) и частично первые годы правления императора Юн Яня (девиз правления Цзяцин с 1796 по 1821 гг.).

Хроника “*Шилу*” легла в основу “*Цинши гао*” (“Черновая история династии Цин”), написанной также в традициях официальных династийных историй уже после падения династии Цин. Несмотря на то, что этот источник представляет собой сокращенное переложение материала “*Шилу*”, составителями (Чжао Эр-сюнь и еще около 60 историков) в “*Цинши гао*” были включены материалы, не вошедшие в “*Шилу*”. Тематический принцип компоновки материала в “*Цинши гао*”, в отличие от хронологического изложения событий в “*Шилу*”, значительно облегчает пользование источником. Материалы скомпонованы по четырем основным разделам: *бэнь-цзи* (основные или “коренные” записи), *чжи* (трактаты), *бяо* (“хроники”) и *лечжуань* (жизнеописания). Например, в разделе *лечжуань* (жизнеописания) помимо биографий выдающихся сановников и военачальников цинского двора, содержатся интересующие нас подразделы “*фань бу*” (“вассальные племена”), “*шу го*” (“зависимые государства”), содержащие сведения о монгольских племенах, других народах Средней и Центральной Азии. В разделе “*бяо*” (“хроники”) подраздел “*цзянчэнь няньбяо*” содержит важные сведения, изложенные в хронологическом порядке, из биографий сановников и военачальников, прославившихся на службе на границах империи. Но, характеризуя материалы “*Цинши гао*”, китайские историки также отмечают некоторые недостатки этого источника, советуя “*исправлять ошибки, сверяя с материалом “Цин шилу” и “Дунхуа лу”*” (38, 3).

Следующее сочинение, вернее хроники “*Ши чао Дунхуа лу*” (“Записи близ ворот Дунхуа о десяти императорах”), также основана на

материалах *“Шилу”* и представляет сокращенное переложение последней (47,15). Китайские историки объясняют возникновение хроник *“Дунхуа лу”* тем, что пользоваться *“Шилу”* мог лишь ограниченный круг лиц, что подтверждает “закрытый” и полусекретный характер *“Записей деяний”*. Поэтому при императоре Хун Ли в середине XVIII в. придворные историки во главе с Цзян Лянци начали составлять более доступное издание (33,1), которое было продолжено в середине XIX в. историком Ван Сяньцянем. Как и в *“Шилу”* материал расположен в хронологическом порядке и охватывают период с 1583 по 1861 гг., соответственно многие документы и материалы приведены в сильно сокращенном виде. На основе материалов хроник *“Дунхуа лу”* цинский чиновник Чжан Цицин уже в годы республиканского Китая составил специальный сборник событий по Тибету по годам правления цинских императоров с 1636 по 1908 гг., состоящий из 24 цзюаней. Хроника событий с 1862 по 1908 гг. была им взята из продолжения хроники *“Дунхуа сюйлу”* (*“Продолжение записей близ ворот Дунхуа”*). Автор-компилятор Чжан Цицин, чиновник *хоулу* в канцелярии Сычуаньского губернатора, был направлен в Тибет в 1906 г. в свите нового амбана Лянь Юя, и, возможно, по его поручению стал делать подборки из хроник *“Дунхуа лу”* касавшие Тибета для служебных нужд. По крайней мере, в период службы в Лхасском ямыне он написал несколько трудов справочного характера по верованиям тибетцев, водных путях и дорогах провинций Сычуань и Тибета (33,1). В 1983 г. этот сборник был опубликован под названием *“Циндай цзаниши цзисяо”* (*“Избранные материалы о важнейших событиях в Тибете в период правления династии Цин”*) (33). Преимущество работы с данным сборником состоит в удобстве и сравнительной лаконичности изложения событий с наличием сводной таблицы основных событий (33,561-617), что позволяет легко ориентироваться в канве многочисленных событий тибетской истории.

II. Эта группа источников представляет различные собрания законов, такие как *“Да Цин хуэй-дянь”* (“Свод узаконений великой династии Цин”), состоящий из “Сводов узаконений” пяти различных цинских императоров, куда вошли законы, указы, распоряжения и прочие законодательные документы. К ним относятся дополнительные акты и постановления *“Да Цин хуэйдянь шили”* (“Собрание узаконений и дополнительных постановлений великой династии Цин” или другой вариант перевода названия “Высочайше утвержденные исторические примеры из Свода законов великой династии Цин” (50,13)”, составленный в 1819 г., к этой группе источников относятся *“цзэли”* (правила или Уложения), собранные по ведомствам (или департаментам), составившие сам свод *“Да Цин хуэй-дянь”*.

Существует несколько известных переводов *“Да Цин хуэй-дянь”* на русском языке. Частичный перевод *“Канси хуэйдянь”* с маньчжурского на русский был выполнен А.Леонтьевым под заглавием *“Тайцзин гурунь и ухери коли, то есть все законы и установления китайского (а ныне маньчжурского правительства”* и был издан в Санкт-Петербурге в 1781-1783 гг. Однако неполный перевод (было переведено лишь 85 цзюаней из 162) и неточный перевод, приближенный к пересказу, признан отечественными востоковедами *“малопригодным для исследования”* (50,13).

Известен перевод с китайского Н.Я.Бичурина, оригиналом которого послужил вариант *“Да Цин хуэй-дянь”*, составленный в 1818 г. и изданный в 1821 г. в 80 цзюанях. Однако этот текст перевода, известный как *“Изложение китайского законодательства”*, также не признан буквальным переводом цинского свода (103,13), так как переводчик опустил материалы, касающиеся деятельности ряда второстепенных ведомств. В любом случае, это перевод представляется наиболее полным, созданным путем выборки и компиляции материалов из соответствующих глав почти без изменения текста. В труде *“Изложение китайского*

законодательства”, вошедшем с дополнениями в книгу “Китай в гражданском и нравственном состоянии” (2), представлены важнейшие законодательные акты, определяющие характер и структуру ведущих правительственных учреждений и ведомств Цинской империи, таких как Цензорат (*Дучаюань*), осуществлявшем контроль за деятельностью чиновников, “Дворцовое управление” (*Нэйуфу*), “Княжеское правление” (*Цзунчжэньфу*) и т.д. Н.Я.Бичуриным были переведены и частично откомментированы постановления из следующих уложений: “Уложения Палаты Чинов” (*Либу цзэли*), “Уложения Палаты Финансов” (*Хубу цзэли*), “Уложения Палаты Обрядов” (*Либу цзэли*), “Уложения Палаты Военной” (*Бинбу цзэли*), “Уложения Палаты Уголовной” (*Синбу цзэли*) и “Уложения Палаты по делам зависимых территорий” (*Лифаньюань цзэли*). Сравнение переводов Н.Я.Бичурина с его книгами и статьями о Китае позволило А.Н.Хохлову сделать вывод, что ““*Да Цин хуэй-дянь*” являлся главным, если не единственным документальным источником для русского ученого”(103,27).

“Лифаньюань цзэли” (Уложение китайской палаты внешних сношений) – основной свод законов, изданный в империи Цин для управления окраинными вассальными владениями, публиковался на трех языках: маньчжурском, монгольском и китайском. “Уложение” содержало нормы гражданского и уголовного права, устанавливало административную систему, порядок налогообложения, земельные отношения, определяло статус ламаистского духовенства и т.д. Этот многообразный и ценный исторический источник широко используется в исторической и историографической литературе, но все же назвать его полностью изученным нельзя. Так, до сих пор не решен вопрос о датировке различных изданий “Уложения”. Известно, что первый вариант свода законов вышел в свет в 1789 г. в составе 209 статей. В нем были заключены новые законодательные акты цинского правительства, принятые им

преимущественно после захвата Джунгарского ханства и владения ходжей в Восточном Туркестане в 50-х гг. XVIII в.

Что же касается второго издания “Уложения”, то время его выхода в свет определяется примерно с 1815 по 1818 гг. Работа над третьим изданием “Уложения” была начата по повелению императора Мин Нина (девиз правления Даогуан с 1821 по 1850 гг.) в 1826 г. и завершена два года спустя. Четвертое издание “Уложения” было начато в 1835 г. и вышло в свет в первом варианте в 1838 г., а затем с дополнениями и уточнениями в 1843 г.

Первым российским и европейским исследователем, обратившимся к “*Лифаньюань цзэли*”, стал Н.Я.Бичурин (Иакинф). Известны его переводы с китайского на русский язык больших фрагментов первого варианта “Уложения”, составленного в 1789 г., вошедших в часть его трудов о Монголии и включенных в его “Статистическое описание Китайской империи”, вышедшее в свет в 1842 г. (1). По мнению А.Н.Хохлова “*Несмотря на некоторые погрешности, перевод Бичурина давал довольно подробное представление о законодательстве цинского Китая относительно Монголии*” (104,12). Им же был сделан и перевод новых законов “*Лифаньюань цзэли*” касавшего монгольских и тибетских законов, вошедших в состав второго варианта “Уложения” 1818 г. Для нашей работы особо ценными стали комментарии Н.Я.Бичурина о характере изменений этих законов с текстами новых постановлений, вошедших в состав “Уложения” 1818 г. по сравнению с более ранними. Например, его вывод что “*по новому уложению, изданному в Пекине в 1818 году, открывается, что в течение 26 лет последовало большое изменение в составе военных сил*” в Тибете в сторону уменьшения (1,381) или представленный анализ “*изменения прежнего гражданского управления Тибета*” по 12 новым статьям. Новые Монгольские законы и Тибетские

законы были опубликованы в части “Прибавления” к “Статистическому описанию Китайской империи” (1, 374-383).

Полный текст “*Лифаньюань цзэли*” был переведен на русский язык С.В.Липовцовым и издан в Санкт-Петербурге в 1828 г. (20). Перевод с маньчжурского оригинала на русский, сделанный С.В. Липовцовым, относится ко второму изданию “Уложения”, которое согласно указу императора Юн Яня (девиз правления Цзяцин с 1796 по 1820 гг.), было начато в 1812 г., а завершено и опубликовано в 1818 г. Не найдя логической связи в компоновке 526 статей в 67 цзюанях по темам и содержанию в маньчжурском подлиннике, С.В. Липовцов расположил их в следующем порядке. Часть первая: Устройство Лифаньюань. Во вторую часть вошли “*Уложение гражданское, Устав Воинский и Почтовое Правление, Уложение Уголовное, Постановления о духовенстве ламского исповедания, Постановления о Тибете и Сношения с Россиею*” (20, Предисловие, xi). Сравнивая прежнее “Уложение” 1789 г. и “Уложение” 1818 г., С.В.Липовцов пишет, что из 209 статей старого “Уложения” были признаны пригодными в делах не более 30, “*все прочия остаются бесполезными*” по причине давних обстоятельств (20, Предисловие, xiv). Периодичность (раз в 5-10 лет), с которой начиналась подготовка нового издания “Уложения”, соответствовала установленному цинским двором порядку регулярного пересмотра и исправления законодательства главных ведомств империи. Сопоставление различных изданий “Уложения”, предпринятое С.Д.Дылыковым (22,121) и А.В.Поповым (90,206), дает весьма интересные сведения об эволюции цинского законодательства и изменении политики маньчжурского двора в Монголии, в частности. Общая структура и тематика разделов законодательства в 1-и, 2-м и 3-м изданиях “Уложения” не изменялась. Редактировались, исправлялись и унифицировались правовые акты касающиеся судопроизводства и наказаний за преступления. Например, в 4-м издании по сравнению с 3-м

исправлено 203 законодательные статьи, а 126 дополнены новыми положениями или включены заново. С.Д.Дылыков, сравнивая варианты Уложений 1789 и 1815 гг., отмечает ужесточение системы наказаний (22,121). А.В.Попов также делает вывод, что многие законы были изменены в сторону ужесточения по сравнению с положениями предыдущих изданий “Уложения”. Например, ужесточены наказания за самовольную распашку пастбищ в Монголии, переработке подверглись законы о составлении в Монголии подушных списков рекрутов, установлены более строгие наказания за утайку и самовольную продажу князьям и чиновникам рекрутов, подлежащих ежегодной воинской переписи (90, 207). Сравнение этих вариантов позволяет более детально представить характер и эволюцию цинского законодательства применительно к Монголии и Тибету.

В нашей работе наибольший интерес представляли те статьи “Уложения”, которые были посвящены устройству и составу управления Палаты, так как предоставлялась возможность дополнять и сравнивать сведения о штатном расписании чиновников Лифаньюань в разные годы, возникновении новых должностей, подразделений по материалам имевшегося в нашем распоряжении китайского текста “*Лифаньюань цзэли*” (35, цзюань *тунли*, б.м.б.г.) и сведений, приводимых Чжан Дацзэ в работе “Исследование государственных органов периода правления династии Цин” (144) о более раннем периоде деятельности Палаты. Эти сведения позволяют в общих чертах проследить эволюцию данного учреждения, изменение акцентов в деятельности по годам.

Статьи “Уложения” в переводе С.В.Липовцова, содержащие сведения о деятельности наместников в Монголии (“главноуправляющих”) и Тибете (“тибетские амбани-правители”), разбросаны по всему тексту “Уложения” и носят характер предписаний наместникам с их правами и обязанностями. Наиболее полно и детально прописаны функции амбаня в

Синине в специальном разделе “Обязанности Главноуправляющего Амбана в Синине” (20, т.1 с.63-71) и функции амбаней в Тибете, которым фактически посвящены все Постановления о Тибете (20, т.2, с.241-271). Сведения из статей раздела “Сношения с Россией” (20, т.2, с.279-296) служат характеристикой деятельности ургинских амбаней. Обязанности других “главноуправляющих” наместников в Монголии (в Или, Тарбагатае, Хулунбуире, Жэхэ и пр.) большей частью упомянуты в Уставе воинском (в разделах о походах, военных смотрах, сеймах, почтовых станциях, охране границ) и Уголовном Уложении.

При написании данного исследования нами также были использованы источники, относящиеся к разряду местных хроник “*фанчжи*”, “*дифанчжи*”, “*туцзин*” и др. Это историко-географическое описание “*Хулуньбуир чжилюэ*” (“Описание Хулунбуирских земель”) (31), вошедшее в трехтомный сборник “*Дахуэр цзыляо цзи*” (“Собрание исторических материалов по [истории] дауров”), изданное в Пекине в 1996 г. Хроника “*Хулуньбуир чжилюэ*”, как характеризуют ее составители “Собрания”, представляет собой “[рукопись] маньчжурского времени” без указания времени составления и ее автора (31,381). Скорее всего, по нашему мнению, судя по верхней границе упоминаемых событий время составления относится к концу XIX в. Сведения этой хроники дополняются сведениями из другого сборника “*Эвэнькэ цзычжици гайкуан*” (“Историческое обозрение эвенкийского хошуна”) (в Хулунбуирском аймаке Внутренней Монголии – Н.С.)(28) о местных событиях в период и после подписания Нерчинского договора 1689 г.

Другая подгруппа источников - “*цзоу гао*” (доклады чиновников), представлена докладами чиновников с императорской резолюцией красной тушью *чжупи* в сборнике архивных документов “*Циндай Цинхай мэнгуцзу дан’ань шиляо*” (“Архивные материалы о цинхайских монголах периода правления династии Цин”) (32). Помимо докладов императору

генерал-губернатора *цзунду* провинций Шэньси-Ганьсу, *цзунгуаня* Сининского гарнизона, амбаня в Синине, здесь в хронологическом порядке, начиная с 1733 г. по 1911 г. представлены около 90 документов, представляющих распоряжения Цзюнцичу, списки чиновников Лифаньбу в *ямыне* сининского амбаня, послужные списки монгольских тайчжи. Интересующий нас период представлен лишь несколькими документами периода правления императора Инь Чжэна о последствиях восстания кукунорских монголов в 1733 г. (док. 1,2,3), и необходимости введения законодательного начала в управлении местными монголами (док.3,4,5,6). Примечательно, что составители сборника приносят извинения за употребляемые в документах того времени не “политкорректные” выражения по отношению к тибетцам и монголам как “дикие варвары” (*е фань*) или “преступные варвары” (*цзэй фань*) (32, 2). В целом, документы дают обильный фактологический материал об управлении Сининским округом и жизни цинхайских монголов.

К этой же группе различных собраний документов мы склонны отнести следующие компилятивные сборники без авторской или редакторской обработки: сборник биографий “*Циндай чжу Цзан дачэнь чжуньлюэ*” (“Краткие биографии цинских амбаней в Тибете”) (38), сборник “*Циндай чжу Цзан дачэнь даши*” (Хроника основных деяний амбаней в Тибете периода правления династии Цин” (30). Эти два сборника похожи по принципу тематической подборки записей в хронологическом порядке о деятельности амбаней в Тибете из “*Цин шилу*”, “*Цинши гао*”, “*Циндай цзанши цзияо*”, “*Дацин хуэй-дянь*” и “*Вэйцзан тунчжи*” (“Описание Тибета”).

В качестве справочного материала мы использовали сборник “*Мэнгу шиси*” (“Генеалогия монгольских родов”) (29), составители которого (Гао Вэндэ и Цай Чжичунь) на основе данных монгольских и китайских хроник

составили родословные князей всех монгольских родов с ссылками на источники.

IV Группа *авторских сочинений* представлена работами цинских историков и некоторыми историками гоминьдановского периода, работы которых, особенно по тематике управления приграничными землями, можно рассматривать в русле традиционного цинского историописания.

Известное сочинение “*Мэнгу юму цзи*” (“Записки о монгольских кочевьях”) было переведено на русский язык П.С.Поповым и издано в Санкт-Петербурге в 1895 г.(9). Авторами этого сочинения считаются цинские историки Чжан Му и Хэ Цютао, издавшие этот труд в 1867 г. на основе более ранних сочинений цинского сановника монгола по происхождению Сун Юня (105,7), бывшего ургинским амбаном и илийским наместником в разные годы (см. Приложение). “Записки о монгольских кочевьях” содержат огромное количество географических описаний различных монгольских аймаков, границы которых в силу отсутствия каких-либо понятных географических координат, трудно определить. Полезными для нас оказались некоторые данные из биографии цинского сановника монгольского тайчжи Баньди и описание почтовых путей с перечислением почтовых станций в Южной и Северной Монголии.

Другое авторское сочинение “*Сикан цзиши ши бэн шичжэ*” (“Комментарии к историческим записям о событиях в провинции Сикан”) (37) написано в 30-х г. XX в. китайским чиновником Хэ Цзюэфэйем, исполнявшим обязанности представителя гоминьдановской администрации в провинции Сикан (ныне уезд Литан провинции Сычуань – Н.С.), образованной в 1928 г. Им собраны сведения из исторических источников о Западном Тибете (области Кам, куда относится и уезд Литан). Помимо пересказа основных событий, происходивших в Тибете, в период императорского Китая, есть сведения о местных событиях, таких как приезды амбаней, об управлении местными родовыми старшинами *тусы*,

деятельности тибетского амбана и сычуаньского генерал-губернатора Чжао Эрфэна в Сикане.

В ходе исследования использованы также тибетские и монгольские хроники.

В группу тибетских источников входят хроники *“Пагсам Джонсан”*, написанные амдосским ученым Сумба-кханбо Ешей-Балдоржа в середине XVIII в., и хроника *“Дэбтэр-чжамцо”*, также написанная амдосским ученым, настоятелем монастыря Лавран Браггон- Шабдрун-Гончок-Дамба-Рачжая в XIX в. Перевод *“Пагсам Джонсан”* на русский язык с обширными комментариями принадлежит Р.Е.Пубаеву (11). Этот памятник написан в традициях тибетской историографии, большая часть хроники посвящена истории распространения буддизма в Тибете и Монголии. Для нас была полезна вторая часть хроники, в которой наряду с событиями религиозной жизни упоминаются и события политической жизни до середины XVII века в Тибете и Цинхае в восприятии тибетского монастырского ученого. Автором лаконично сообщается о джунгарских и китайских вторжениях, китайских карательных экспедициях 1723-1724 гг. и причиненных ими разрушениях.

Хроника *“Дэбтэр-чжамцо”*, памятник тибетской историографии XIX в. в переводе на русский язык Дугарова Р.Н. (4), также посвящена истории Кукунора и содержит сведения по истории монголов Куку-нора и тибетцев Амдо, кукунорском восстании 1723 г. Эти хроники наряду с другими источниками помогли воссоздать историческую канву того времени.

К группе монгольских источников относятся монгольские и тувинские хроники, своды монгольских законов доцинского и цинского периода.

Монгольская летопись XIX в. *“История Эрдени цзу”*, в переводе на русский А.Д.Цендиной (5), посвящена истории известного монастыря

Эрдени цзу в Северной Монголии, помимо сведений религиозного характера о монастырской жизни, летопись содержит сведения об ойрато-халхасских войнах в 30-е гг. XVIII в., когда монастырь подвергся разрушению и в дальнейшем в конце XVIII в. был восстановлен частично на средства, выделенные Лифаньюань при надзоре ургинского амбана за расходованием средств, выданных на строительство цинской администрацией. Тувинская монголо-язычная летопись *“Родословная бугдийн-дарга”* XIX в. (13) рассматривается нами как часть многовековой монгольской традиции. Российские исследователи отмечают отличительные особенности тувинского летописания и рассматривают эти летописи как важный источник по изучению истории Тувы цинского периода (96,219). Родословная *“Родословная бугдийн-дарга”* содержит сведения о формировании и функционировании специфического института управления, сложившегося во второй половине XVIII в. в Туве в период маньчжурского господства - институте *бугдийн-дарга* под началом улясутайского цзянцзюня.

Группа монгольских законов представлена, в первую очередь доцинским собранием *“Их цааз”* (“Великое уложение”), переведенным на русский язык С.Д. Дылыковым (6). Это собрание представляет собой монголо-ойратское уложение и имеет ценность как доцинское монгольское уложение, принятое на съезде халхаских и ойратских князей в 1640 г. Другое уложение - *“Цааджин бичиг”* (“Монгольское уложение”), также переведенное С.Д. Дылыковым (20), представляет собой первый официальный свод маньчжурских законов для монголов 1627-1694 гг., подготовленный в Лифаньюань (22,8). Это свод законов был издан в 1696 г. по приказу императора Сюань Е на маньчжурском, монгольском и китайском языках и почти полностью (112 статей из 152) вошел в состав *“Лифаньюань цзэли”* 1789 г. (21,13 и 22,9).

Третий сборник законов *“Халха Джилум”* – ценный памятник монгольского феодального права XVIII века. В него включены 24 законоположения, принятых на съездах (сеймах) монгольских владетельных князей Северной Монголии с 1709 по 1770 гг. Эти законы, представлявшие больше правовые обычаи северных монголов, затем с некоторой корректировкой вошли в Уложение Лифаньюань. Для нас это источник ценен тем, что многие положения в нем были приняты при присутствии и участии цинских наместников цзянцзюней и амбаней. Сопоставление статей этих трех уложений дает наглядное представление об изменении монгольского законодательства в сторону ужесточения под давлением усиления маньчжурского господства.

Следующая группа источников представляет сборники документов и архивных материалов, объединяющая разноязыкие (китайский, русский, и другие языки) сведения о международных отношениях в Центральной Азии в XVII-XIX вв. Значительное число ценных маньчжуро-китайских, монгольских, российских и арабских документов стало доступным благодаря их публикации в сборниках **“Международные отношения в Центральной Азии. XVII-XVIII вв. Документы и материалы.”** (7, т.1-2), сборнике в двух томах **“Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы”** (14; 15), двухтомном сборнике **“Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы”** (16;17), сборнике **“Русско-китайские отношения в XIX в. Материалы и документы”** (18) и сборнике документов **“Русско-монгольские отношения. 1685-1691.”** (19). Эти нарративные источники освещают важные вопросы истории международных отношений в Центральной Азии и в особенности русско-китайских отношений, как в случае подборки документов серии **“Русско-китайские отношения”**. В эти сборники вошли выборочно документы Сибирского приказа, Посольского приказа (по тематическим коллекциям **“Монгольские дела, “Зюнгарские дела”** и т.д.) и фонда Сената (переписка

Сената с Лифаньюанем). Особо важными для нас были материалы сборника, взятые из китайских сочинений, таких как *“Да Цин личао шилу”* (“Хроника правления великой династии Цин”), тематических собраний *“Циндин пиндин чжуньгээр фанлюэ”* (“Высочайше утвержденное описание умиротворения джунгар”) и *“Юйчжи циньчжэн пиндин шомо фанлюэ”* (“Составленные по высочайшему повелению описания похода императора по усмирению [населения] северных пустынных земель”), *“Пиндин лоча фанлюэ”* (“Стратегические записи усмирения [русских] демонов”) и др. При работе со сборником *“Международные отношения в Центральной Азии. XVII-XVIII вв. Документы и материалы”* (где представлены документы и на арабском языке) (7) нас прежде всего интересовали документы и материалы, освещающие продвижение цинских рубежей на запад к Монгольскому Алтаю, Хами и Турфану и становление военного администрирования присоединенными землями, в процессе которого были образованы улясутайское наместничество, наместничества в Или и Кобдо. Подготовка к войне против Джунгарского ханства, строительство ряда крепостей вдоль джунгаро-халхаской границы (Кобдо, Улясутай и др.), улучшение коммуникационных линий, увеличение воинского контингента, организация службы пикетов вдоль границы, - все это требовало эффективной организации и управления приграничной территорией, что в конечном итоге и стало причиной формирования наместничества в Улясутае, Кобдо, Или, Тарбагатае. Публикуемые в сборнике русские и китайские источники повествуют о разгроме и преследовании джунгарских войск в 1756 г., карательной кампании в Восточном Туркестане в 1759 г. и проведении затем на этих территориях широких военно-колониционных мероприятий – перестройке аппарата управления краем, строительству укреплений, насаждению военно-пехотных поселений, размещению пикетов, основная часть которых выполняла военно-полицейские функции.

Несомненным достоинством серии сборников “Русско-китайские отношения” (14;15;16;17;18) является наличие в каждом томе вводной статьи и археографического введения, анализирующих состояние русско-китайских отношений в рассматриваемый период. Документы, вошедшие в каждый из томов, свидетельствуют о постепенной и трудной эволюции русско-китайских отношений, формировании русско-китайской границы и налаживании торговых связей, в которых большая роль отводилась деятельности ургинских амбаней.

Сборник документов “Русско-монгольские отношения. 1685-1691.” (19) освещает русско-монгольские отношения до 1691 г., времени вхождения Северной Монголии в состав Цинской империи, содержит сведения о подготовке и заключении Нерчинского договора 1689 г., сложной ситуации, сложившейся в южных районах Забайкалья в связи с военными действиями цинских войск в 1690 г. против джунгарского хана Галдана Бошокту.

Документы этих сборников в целом послужили воссозданию объективной исторической картины, представляют позиции и точки зрения всех участников исторических событий.

Из документов мемуарного характера на русском языке ценным источником явился отчет Я.П.Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства (24), открытого после заключения Пекинского договора 1860 г. Отчет содержит сведения о создании и работе русского консульства в Урге, товарообороте между двумя странами, организации охраны границ, где также представлено авторское мнение об ургинских амбанах и их личные характеристики.

Также нами были частично привлечены мемуарные “*Записки монгольского языка ученика Григория Федорова сына Шарина о бытности своей в китайском государстве апреля с 14 1778 г. по 8-е число февраля*

1780 г.” (100), в которых он рассказывает о своих злоключениях по ту сторону границы (“ ..зделался пьяным до беспамьятства, каким образом вшел в форитат и очутился за границей, этого всего не помню...” (цит. по 100, 186), как его привели на допрос к *дзаргучи* (монг. чиновник), затем направили для дознания чиновнику Лифаньюань, потом отправили к правителю Урги амбаню Солиню. Эти записки очень интересны, так как в них Григорий Шарин очень живо повествует о своих “злоключениях”

В XVIII-XIX вв. в Тибете побывали буддийские паломники и путешественники из России, которые оставили работы мемуарного характера о своих путешествиях. Записки Г.Ц.Цыбикова “Буддист-паломник у святынь Тибета” (23) помимо подробного очерка тибетско-китайских отношений также дают впечатления очевидца о прохождении караванами с паломниками китайских караулов во время пересечения Северной Монголии, Алашани и Тибета. Кстати, эти дневниковые записки были переведены на китайский язык в Лхасе в 1993 г. (27) и получили высокую оценку китайских историков. Редактор издания Ван Сяньцзюнь пишет: “*В настоящее время, у нас в стране опубликовано очень много статей и книг, знакомящих нас с произведениями западных исследователей Тибета, среди них немало переводов сочинений западных путешественников, однако описание путешествия Цыбиковым “Буддист - паломник у святынь Тибета” заслуживает особого внимания среди всех других. Несмотря на то, что с момента первого издания до последующего прошло более 70 лет, однако многочисленные сведения изложенные в книге о Тибете конца XIX столетия и начала XX века до сих пор сохранили и не утратили научной ценности.*” (27,3).

Записки экспедиции Рерихов, вышедшие под названием “По тропам Срединной Азии” (12), относятся к более позднему периоду – двадцатым годам XX в. , но тем не менее представляли для нас интерес, т.к. дают описание пересечения рубежей бывшей Цинской империи на западном

участке – Хотане, Кашгаре, Урумчи и Цинхае и впечатления от общения с китайскими пограничными чиновниками.

Из источников на английском языке, к сожалению, нами было привлечено лишь несколько работ. Это материалы миссии Дж. Богля (25), побывавшего в Тибете в 1774-1775 гг. и неудачных переговорах с тибетскими чиновниками, опасавшимися предпринимать что-либо без санкции амбаней и резолюции из Пекина. Книга о путешествии в Тибет индийского ученого С.Ч.Даса (26), так же как и Г.Цыбиков тайно побывавшем в 1881 г. в Лхасе, могут быть отнесены к источникам XVIII-XIX вв., в силу определенной замедленности развития цинских окраин.

Таков круг разноязыких источников, положенный в основу нашего исследования.

В отечественной историографии мы не обнаружили специальных работ, посвященных институту цинских наместников в Монголии и Тибете в рассматриваемый период. Однако упоминания о них содержатся во множестве работ, посвященных истории международных отношений в Центральной Азии в XVII-XVIII вв. Уже давно (примерно с конца XVIII в.) российские исследователи обращаются к изучению истории своих восточных соседей. Значительное место в своих трудах русские исследователи уделяли бурным событиям, связанным с историей завоевательных войн маньчжуров в Монголии, Джунгарии, Тибете и Восточном Туркестане. Среди таких работ прежде всего представляют интерес переводы и исследования Н.Я.Бичурина (1;2;3), А.Н.Позднеева (89), П.С.Попова (94).

Российские исследователи советского и постсоветского периода внесли большой вклад в изучение внешних связей цинского Китая с Монголией, Джунгарским ханством, Восточным Туркестаном и народами Средней Азии. Это теме посвящены исследования комплексного и обобщающего характера – “Внешняя политика государства Цин в XVII в.”

(50). Важным является раздел книги, посвященный характеристике наиболее важных китайских источников и изложению основных принципов внешней политики империи Цин в XVII веке. Л.И. Думан (автор раздела и редактор сборника) подчеркивает, что основой цинской политики была традиционная китаецентристская политика “Китай-варвары”, которая позволяла правителям Китая рассматривать любой народ и любое государство как нуждавшихся в “опеке” Китая. Исследование “Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в.” Б.П. Гуревича (54). Кстати, в этой работе есть специальная глава, посвященная созданию цинского наместничества в Синьцзяне. Вопросы установления маньчжурского господства и его последствия для Китая представлены в сборнике “Маньчжурское владычество в Китае”, статьи которого были полезны для нас (62 и 79). Отдельные монографии представляют исследования по тематическим и “региональным” проблемам. Истории взаимоотношений Джунгарского ханства, главного соперника Цинской империи в установлении господства в Центральной Азии, посвящены работы И.Я. Златкина “История Джунгарского ханства (1635-1758)” (65), В.С.Кузнецова “Цинская империя на рубежах Центральной Азии” (вторая половина XVIII- первая половина XIX в.) (72), А.И. Чернышева “Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в.” (105), В.А.Моисеева “Россия и Джунгарское ханство в XVIII в.” (82), и монография А.Д.Дубровской “Судьба Синьцзяна”(60), которая посвящена истории создания провинции Синьцзян.

Вопросам истории русско-китайских отношений посвящены работы В.С. Мясникова “Империя Цин и Русское государство в XVII в.” (83) и его некоторые статьи (84;85). В монографии на основе русских, маньчжурских и китайских документов и публикаций, дается обстоятельный анализ русско-китайских дипломатических отношений, представлена характеристика цинской дипломатии как стратагемной, т.е.

широко применяющей приемы и методы китайского военного искусства. Развитию дипломатического сотрудничества и вопросам формирования русско-китайской гарниции на ее различных участках посвящены работы А.Д.Воскресенского “Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 г.” (48), Е.Л.Беспрозванных “Приамурье в системе русско-китайских отношений” (40), и недавно изданная коллективная работа “Границы Китая: история формирования” (53), в которой содержатся сведения об участии амбаней в приграничных переговорах, определении линии границы и т.д. Приграничной торговле в Кяхте, находившейся в ведении ургинских амбаней, посвящены ряд статей А.Н.Хохлова (101;102).

В ходе нашего исследования мы обращались также к монографиям отечественных историков-востоковедов, посвященных изучению формирования традиционной внешнеполитической доктрины, истории отношений цинского Китая с некоторыми зависимыми от него государствами и народами, в первую очередь, Монголии и Тибета. Это работа С.Н.Гончарова “Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун (1127-1142 гг.” (51), исследование А.С. Мартынова “Статус Тибета в XVII-XVIII веках” (77) и его статьи (75;76), работа И.С. Ермаченко “Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии” (64) и К. Хафизовой “Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV-XIX вв.) (99). В этих работах рассматриваются такие ключевые понятия как “данническая система”, “варварство и цивилизация”, представлены примеры несоответствия декларируемых внешнеполитических установок с реальной политической практикой на примере взаимоотношений с Тибетом и Монголией.

Для уяснения эволюции государственных органов, курировавших внешние связи Китая, для нас были важны исследования А.А.Бокщанина, представленные в “Очерке истории государственных институтов в

китайской империи” (43), работа справочного характера “Современная политическая организация Китая” И.С.Бруннера и В.В.Гагельстрема (45). Монография С.В.Волкова “Служилые слои на традиционном Востоке” (46) рассматривает организацию государственного аппарата в Китае и китайскую культуру государственной службы, ставшей основой “*государственной службы дальневосточной системы*”(46,3). Если работа С.В.Волкова рассматривает китайскую бюрократическую модель общества, то работа Е.И.Кычанова “Кочевые государства от гуннов до маньчжуров” (73) посвящена анализу кочевой модели государственного устройства. Эти работы теоретического и обобщающего характера помогли нам выявить одну особенность института наместников в Монголии и Тибете – сочетание, насильственное соединение различных систем управления (бюрократической, кочевой) под началом наместника.

Отечественная историография, посвященная истории Монголии, в частности Монголии в составе Цинской империи, достаточно обширна. Помимо известных и ранее упоминавшихся работ И.С. Ермаченко (63;64), С.Д.Дылыкова (6;21;22;62), Р.Н.Дугарова (61), для нашей работы были полезны работы Г.С.Гороховой “Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII – начало XX вв.) (52), дающие общий обзор и некоторые характеристики положения Монголии в составе Цинской империи. Работы А.В.Попова, базирующиеся на китайских источниках цинского периода, были очень полезны для нас, т.к. в них более подробно и полно представлена характеристика цинских органов управления (включая маньчжурских наместников) в Северной Монголии в XVIII–XIX вв. (91;92), представлен анализ эволюции цинского законодательства в отношении монголов (90;93). Статья А.В. Попова “Китайская Палата внешних сношений, маньчжурские наместники и аймачные власти в Халха-Монголии в середине XVIII – начале XIX в.” (91) напрямую связана с нашей темой исследования. Эти авторы признают, что

основным правительственным органом, осуществлявшим управление Монголией и Тибетом, была Палата по делам вассальных владений (Лифаньюань). На местах власть цинского двора представляли военные наместники, которые, обладая широкими полномочиями, осуществляли жесткий контроль над местной администрацией монгольских аймаков и хошунов, местными правителями - князьями и буддийскими иерархами.

Очень интересной для нас была небольшая по объему работа тувинского исследователя А.А.Сандан, которая на основе тувинских монголо-язычных летописей (“Родословная бугдийн-дарга” и др.), знакомит нас с историей управления Тувы в составе Цинской империи (96). Упоминания о *бугдийн-дарга*, как подчиненных улясуйского, а затем алтайского *цзянцзюня*, и их функциях в роли цинских чиновников мы находим в работе Е.А.Белова “Россия и Монголия (1911-1919 гг.) (39).

О тесной связи религии и политики на примере буддийской церкви в Монголии и Тибете написано ряд исследований отечественных востоковедов. К сожалению, работа Т.Д. Скрынниковой “Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия XVIII - начало XX в.” (97), опубликованная в 1988 г., оказалась почти единственной работой аналитического характера, посвященной роли буддийской церкви Северной Монголии в монголо-китайских и тибето-китайских отношениях, вышедшей через 100-летний интервал после работы А.М.Позднеева (89). Больше внимание отечественные исследователи уделили проблеме взаимоотношений духовных лидеров Тибета - далай-лам и панчен-лам с китайским императорским двором. Помимо известной работы А.С.Мартынова “Статус Тибета в XVII – XVIII вв.”(77) недавно были опубликованы работа Е.Л.Беспрозванных “Буддизм и политика: лидеры Тибета в XVII- XVIII вв.” (41) и более расширенная монография этого же автора “Лидеры Тибета и их роль в тибетско-китайских отношениях XVII – XVIII вв.”(42). Достоинством работ этого автора, на

наш взгляд, стало наиболее полное использование тибетских, китайских и монгольских источников, существующих в переводе на русский и английский языки, а также произведений отечественной, западной и, частично, китайской (в переводе на английский) историографии по данной теме.

К работам отечественных востоковедов по тибетско-китайским связям мы отнесли работу Т. Шаумян “TIBET. The Great Game and Tsarist Russia” (119), опубликованную в 2000 г. в г.Дэли (Индия) на английском языке. Эту работу отличает обширное привлечение материалов дипломатической переписки между колониальными властями Индии и Китая по вопросу “открытия” Тибета для англичан, материалов англоязычной и китайской прессы. Материалы этой книги помогли нам воссоздать картину деятельности амбаней в Тибете в период ослабления цинского влияния в Тибете в начале XX в.

Многие специально не упомянутые работы были привлечены нами в качестве вспомогательной литературы справочного характера. Это словари, энциклопедии (44, 150;110), ежегодники КНР (71), общие исследования по истории стран Востока (67, 68, 88), некоторые работы по истории Забайкалья (98; 106). Исследование Н.П.Матхановой “Генерал-губернаторы Сибири” (79) позволило шире взглянуть на тему института наместников, ознакомиться с обязанностями генерал-губернаторов Сибири.

Таким образом, отдельные аспекты данной темы получили определенное освещение в трудах российских востоковедов; вместе с тем следует отметить, что указанная тема не рассматривалась в целом и в хронологической последовательности, а лишь входила в качестве составной части в то или иное исследование.

Зарубежную историографию по изучаемому вопросу можно разделить на несколько групп: китайскую (включая современную тайваньскую), тибетскую, монгольскую и западную (европейская и американская) историографию.

Зарубежные западные исследователи, также как и отечественная историография по интересующей нас теме, в большинстве случаев широко использует в своих исследованиях сочинения цинской историографии.

Двухтомная биографическая энциклопедия “Eminent Chinese of the Ch’ing period (1644 - 1912), под редакцией А.В.Гаммеля (A.Hummel) (111), создана на основе цинских хроник и публикаций, а также ряда работ китайских и западных историков. Биографии цинских государственных деятелей содержат ценный фактический материал по персоналиям выдающихся сановников Цинского империи, многие из которых в разные годы назначались императорскими наместниками в разные края Монголии и Тибета. Основные сведения из официальной цинской историографии военачальника Баньди (биография которого дана нами в Приложении) были нами привлечены из этой биографической энциклопедии.

Почти целиком на китайских источниках основана книга американских авторов под редакцией Дж.К.Фэрбанка “The Chinese World Order” (108), в которой детально проанализированы различные аспекты системы взаимоотношений Китая с сопредельными странами как отношений сюзерена с вассальными соседями.

Были полезны произведения западных исследователей, посвященные изучению государственного устройства Цинской империи. Книга Ся (Hsieh) “The Government of China (1644-1911)” (109) содержит специальную главу “Department of Territories”, целиком посвященную деятельности Лифаньюань. В ней наибольший интерес представляют суждения и выводы, касающиеся национальной политики и кадрового состава Палаты.

Вопросы истории Тибета и тибетско-китайских отношений оказались в центре внимания западной историографии с конца XIX - начала XX вв. Это было вызвано, в первую очередь, активной политикой западных держав в Азии, попытками Англии включить в свои колониальные владения и Тибет. Поэтому некоторые авторы оказались там в составе экспедиционных отрядов, такие как Дж.Богль (G.Bogle) (25), А.Уодель (A.Waddel) (120) и У.Рокхилл (W.Rockhill) и впоследствии написали свои работы истории Тибета. Работа У.Рокхилля "The Dalai Lamas of Lhasa and their Relations with the Manchu Emperors of China (1644 - 1908)", изданная в 1910 г. (117), пожалуй, стала первой книгой в западной историографии, посвященной отношениям тибетских духовных лидеров и цинских правителей на основе анализа китайских и тибетских источников. Огромный интерес к Тибету в России, преследовавшей свои цели в соперничестве европейских держав в Азии в н. XX в., вызвал появление этого труда в русском сокращенном варианте, но уже под авторством П.К.Козлова и под названием "Тибет и Далай-лама" (69).

Позже, к середине XX в. исследования по истории тибетско-китайских связей получили более детальный, тематический характер. Появились работы Л.Петеха (Petech Luciano) "The Dalai – Lamas and Regents of Tibet: A Chronological Study" (114) и "China and Tibet in the early XVIII century. History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet" (115), в которых содержится не только упоминание о существовании императорских амбаней в Тибете, но и даются первые характеристики данного института, в первую очередь как посредников между цинским императором и Далай-ламой. Следует отметить, что в этих работах усиление присутствия цинского протектората напрямую связано с усилением позиций амбаня и расширением его властных полномочий в управлении Тибетом.

Пожалуй, единственной специальной работой об амбанях Тибета

после исследования Л.Петеха (Petech Luciano) “The Dalai – Lamas and Regents of Tibet: A Chronological Study” (114) стало исследование чешского ученого Ж.Колмаша (J.Kolmash) “The Ambans and Assistant Ambans of Tibet (A Chronological Study)” (112), изданное в 1994 г. в Праге. Данное исследование основано на китайских источниках, западной и китайской современной исторической литературе, где эта проблема, получила наибольшее освещение. Для нас эта работа, несмотря на небольшой объем авторского предисловия, была очень важна, т.к. в ней даны краткие характеристики института абаней, подсчитано общее количество абаней, даны комментарии к включенным в это исследование спискам абаней (173). Списки абаней, сведения об их родовой и знаменной принадлежности, как мы выяснили при сравнении, почти совпадают с подобными списками, приведенными в работах современных китайских исследователей. Списки Ж.Колмаша содержат поименные сноски на биографическую энциклопедию А.В.Гаммеля (A.Hummel) (111), работы западных и китайских исследователей в случае, если тот или иной амбань упоминался в этих работах. В списках, составленных Ж.Колмашем, монгольский род *борчжигит* отнесен к маньчжурским родам, хотя известно, что это монгольский аристократический род, к которому принадлежал Чингис-хан (29,49).

Тибетская историография тибетско-китайских отношений невелика и, в основном, представлена работами тибетских эмигрантских кругов, оппозиционно настроенных к властям КНР. Самая крупная работа, рассматривающая историю Тибета с древности до событий XX в., это исследование тибетского историка Ц.Шакабпы (Shakabpa) “Tibet: a Political History” (119). Тибетский историк отвергает идею зависимости Тибета от Китая в цинский период, а отношения далай – лам с цинскими императорами строились, по его мнению, на основе религиозной формулы

“лама-милостынедатель”, поэтому амбани Тибета предстают не как сопровитатели Тибета, наделенные властными полномочиями, а лишь как послы цинского императора при дворе далай-ламы, правителя Тибета.

Современная монгольская историография, давая общую картину системы управления Монголией периода цинского правления, особенно в трудах Нацагдоржа (153), Санждоржа (155), Насанбальжира (154), по-прежнему уделяет основное внимание социально-экономическому, угнетенному положению Монголии в составе Цинской империи, проблеме борьбы монголов против маньчжурского ига (152). Общий критический тезис, характерный для этих работ: *“Маньчжурское господство губительно отразилось на жизни монгольского народа, не только на его культурном, но и на его физическом состоянии”* (68, 257).

Примечательно, что мнение о “губительном господстве маньчжуров” разделяет основатель тайваньского монголоведения Сэцэн Жагчид (монгол по происхождению, ныне работает в США), применительно не только к монголам, но и другим народам Цинской империи: *“маньчжуры крайне малым числом за сто с лишним лет поработили монголов, китайцев, тибетцев, уйгуров и другие народы, тем самым, достигнув апогея своего развития. Монголы же под их управлением из воинственного и смелого народа постепенно становились слабыми и приближались к своей гибели”* (142, 214). Исследователи монгольского происхождения из АРВМ (КНР) в условиях существующей в КНР цензуры, по иному расставляет акценты, предпочитая говорить о важном значении монгольского языка в Цинской империи, особом привилегированном положении монгольской знати и ее большой роли в развитии российско-китайских отношений цинского периода (123, 70).

Монгольская историография критически относится к позиции китайской официальной историографии, представляющей монголов

исконно как один из народов Китая. Считая, что включение Монголии в состав Цинской империи в истории монгольской государственности всего лишь один из исторических этапов “упадка”, монгольские историки предпочитают писать о времени “подъемов” в истории Монголии, когда Китай вошел в состав Монгольской империи (XVII в.), не ограничивая свои исследования пределами территории современной Монголии. Заметна тенденция рассмотрения истории единого монгольского этноса в различных территориальных и государственных образованиях в различные исторические периоды, начиная от империи Чингисхана, Юаньской империи. В работе Гэрэлбадраха Ж. “История территории и границ Монголии” ареал монгольских кочевий с послеюаньского периода включает в себя следующие земли: *“южная линия - от Белой стены (Великая китайская стена – Н.С.), южного подножия Алашаньских гор, бассейн озера Кукунор, Цинхайские горы, долина реки Цайдам, западные Саяны, на севере – до слияния рек Орхон и Селенга, на востоке – до южного подножия хребта Хинган, бассейна рек Нон и Лууха (Ляохэ), на западе - Илийский Тарбагатай и хребет Алатау”* (151, 256). Этот ареал монгольских кочевий практически совпадает с границами монгольских кочевий, описанных в цинском источнике “Мэнгу юму цзи” (9), такая же территория размещения монгольских знамен под началом цинских наместников обозначена китайскими историками как *“монгольские земли периода цинского владычества”* (Циндай Мэнгу дицю) (147,105).

Интересующая нас тема была частично освещена в работе Гонгора Д. “Краткая история Кобдо” (151), в которой появление цинского наместника в Западной Монголии рассматривается как окончательное порабощение Монголии, после разгрома Джунгарского ханства, присоединения Южной и Северной Монголии к Цинской империи. Очень полезной в нашей работе была монография известного монгольского историка Содномдагва Ц. “Административное устройство Северной

Монголии в период маньчжурского правления”, опубликованная в 1961 г. (156). Здесь практически впервые из известных нам произведений зарубежной историографии, не считая китайскую, дано краткое описание характера деятельности цинских наместников в Северной Монголии: улясутайского, кобдоского *цзянцзюней*, ургинских амбаней.

К сожалению, японская историография по данной теме оказалась вне поля нашего зрения, хотя японская историография довольно активно разрабатывает вопросы истории Монголии. По работам китайских историков мы выяснили, что существует ряд работ японских историков, посвященных истории создания ургинского наместничества, но пока нам не удалось получить их. Мы смогли привлечь лишь исследование известного японского монголоведа Вада К. (кит. Хэтяньцин) в переводе на китайский язык “Очерки по истории Монголии во времена династии Мин” (125) и использовать карту монгольских кочевий цинского периода из исследования К.Вада, данную в Приложении. Карта составлена на основе цинских карт “Ляодун бяньту” и “Датун бяньту” и показывает территорию расселения монголов в период маньчжурского владычества (125).

Как видно из нашего историографического обзора, интересующая нас тема получила недостаточно полное освещение в трудах как российских, так и зарубежных востоковедов. Если в западной историографии эта тема (вернее ее часть, касающаяся амбаней Тибета) представлена лишь несколькими специальными работами в хронологическом, а не аналитическом изложении, то в отечественной и монгольской историографии большее внимание получила тема наместников в Монголии, которая входила в качестве составной части в то или иное исследование.

На этом фоне китайская историография данного вопроса выглядит более разработанной. Это объясняется наблюдающимся за последние 10-15

лет подъемом в области изучения погранично-территориальных проблем Китая, составной частью которых является наша исследуемая тема. К разработке комплекса проблем связанных с этнографией, историей приграничных земель привлечено много исследователей по всей стране, вводится в оборот широкий круг новых источников на китайском, маньчжурском, монгольском и тибетском языках. Лидерство в этой сфере исследований принадлежит специализированному Научно-исследовательскому центру по изучению истории формирования границ Китая при Академии общественных наук⁴, в котором работают ведущие специалисты в области изучения *“политики центрального правительства в приграничных землях и малочисленных народов, населяющих их”* известные историки Ма Жухэн, Ма Дачжэн, Чжао Юньтян.

В характеристике современной китайской историографии по изучению приграничных территорий Китая цинского периода, мы условно выделяем два направления работ по данной проблематике. Первое направление представлено работами общего характера, которые включают в себя темы по истории формирования границ Китая, органов управления приграничными землями при династии Цин и приграничной политике императорского двора. Второе направление представляет специализированные *“узко-территориальные”* исследования в рамках общей темы. Это работы по изучению Монголии, Тибета, Синьцзяна, истории русско-китайских отношений. Подобным принципом систематизации и некоторыми качественными характеристиками мы воспользовались по материалам работы А.Д.Воскресенского *“Китайские исследователи конца XX в. о погранично-территориальных проблемах и русско-китайских отношениях”*⁵ (49), опубликованной в рамках

---

⁴ - Новое название Центра *“Чжунго бяньцзян шици яньцзю чжунсин”* можно перевести как центр по изучению географии и истории приграничных земель Китая.

⁵ - В оглавлении книги эта статья имеет другое название *“Пограничные проблемы Китая в работах китайских исследователей конца XX века”* (53,3).

коллективной работы отечественных востоковедов “Границы Китая: история формирования” (53).

Отечественные востоковеды при анализе современной китайской историографии по теме приграничных исследований выявили две характерные тенденции в традиционной концепции “единого многонационального Китая” - идеологической и методологической основой этих исследований. Одна - *“стремление построить научную модель формирования нынешнего “единого многонационального Китая”, признающая, что современный Китай сформировался в результате длительного и сложного процесса исторического развития”* (49,51). Поэтому процесс эволюции границ Китая и соответственно приграничных территорий предстает как длительный и противоречивый процесс. Характерно исследование Чжао Юньтяня “История эволюции органов управления приграничными народами в Китае”, изданная в 1993 г. (148). Эта тенденция больше характерна для работ последнего периода, конца 80 – 90-х годов XX в., когда в китайском обществоведении произошли некоторые качественные изменения, повлиявшие на превалирование научного подхода над идеологическим⁶.

Вторая тенденция представляет более раннюю историографию, которая безапелляционно выдвигала тезис о том, что Китай издревле существовал как единое многонациональное государство, поэтому все народы, чья история была связана с соседством с ханьцами (например, монголы и тибетцы), и территории ими населявшиеся рассматриваются как территория Китая. Подобная точка зрения среди привлеченных нами работ общего плана представлена в исследовании Ван Ханьчяня и Линь Дайчжао

---

⁶ - Российский китаевед А.С.Ипатова, характеризуя современную историографию КНР, отмечает, что на рубеже 80-90 годов в исторической науке КНР в контексте начавшихся в стране перемен наблюдается качественное улучшение исследований, расширяется источниковедческая база, стало больше использоваться зарубежных источников и литературы, расширился круг изучаемых проблем (66,243).

“Исторические очерки политической системы Китая с древности до середины 19 века”(135). Можно добавить, что эта тенденция также особенно заметна в работах, посвященных теме “Китай и внешний мир в новое время”. Поэтому взаимоотношения цинского Китая, например, с Россией и деятельность военных наместников в Тибете и на приграничных территориях с Россией представляются с позиций негативной оценки России как потенциального агрессора, стремившегося расколоть “единство многонационального Китая”. Это особенно заметно в некоторых книгах по истории Тибета: Ван Юаньда “Россия и китайский Тибет в новое время” (136), Ван Фужэня “Highlight of Tibetan History” (121), Се Чжунгуаня “История института буддийской церкви в Китае” (133); а также некоторых работах по истории Монголии Чжао Юньтяня (144; 145) и Ма Жухэна (127) раннего периода.

К работам общего направления мы относим работы по приграничной политике цинского правительства и эволюции специальных государственных органов управления, курировавших вассальные владения, и по истории создания Лифаньюань. Основные положения политики “центрального правительства” на вассальной периферии изложены в работах Ма Жухэна и Ма Дачжэна “Приграничная политика династии Цин” (128) и работах Чжао Юньтяня (127; 147). Весьма ценной представляется работа Чжан Дэцзэ “Исследования о государственных органах династии Цин” (143). Эта книга на широкой источниковедческой базе дает сведения о всех центральных государственных учреждениях, включая Лифаньюань. В небольшом исследовании Хэ Юя (126) определяется положение Лифаньюань среди других органов центрального подчинения и представлена схема, дающая представление о связях Палаты с центральными и региональными органами управления. Работы известного историка Чжао Юньтяня характеризуют деятельность Лифаньюань на периферийных окраинах Цинской империи (144;148). В целом, китайские

историки единодушно называют Лифаньюань “самым первым в истории Китая центральным органом, ведавшим управлением малочисленными народами Китая” (135, 230).

Проблема роли института наместников в Монголии и Тибете во всей системе управления приграничными землями также поставлена в публикациях Ма Жухэна и Ма Дачжэна (128) и двух работах Чжао Юньтяня “История эволюции органов управления приграничными народами в Китае” (148) и “Политическая религиозная система управления Монголией в период правления династии Цин” (146), в которых даются краткие очерки истории возникновения каждого наместничества в Монголии и Тибете. При многих достоинствах этих исследований (широкой источниковедческой базе с комментариями, использовании трудов западных и российских ученых) в некоторых из них присутствует желание представить цинское господство как несомненное благо для народов захваченных и присоединенных территорий.

В последние десятилетия в КНР заметно возрос интерес к истории национальностей, проживающих на приграничных землях. Это стимулировало специализированные региональные исследования по истории и культуре народов, проживающих в том или другом районе, в первую очередь, монголоведения и тибетологии. Мы уже упоминали выше об издании тематических подборок цинских архивных материалов по истории монголов и тибетцев не только из центральных, но и периферийных архивов, таких как “Цин ши-лу цзанцзу шиляо”, “Циндай цзан ши цзияо” или подборки архивных материалов, опубликованных в г.Ланьчжоу (32), г.Лхасе (33,38), г.Хух-хото (28).

Монголоведение и тибетология как раз представляют второе направление специализированных, территориальных исследований в рамках изучения истории приграничных земель цинского периода. В этом направлении исследований изучение института цинских наместников в

Монголии и Тибете получило большее внимание. Историк Фан Баолян в работе “Исследование истории монголо-тибетских связей” (124) в своей работе делает вывод, что возникновение института амбаней в Монголии и Тибете было связано, в первую очередь, с военным разрешением джунгарской (ойратской) проблемы, активным вытеснением ойратов из Северной Монголии, Цинхая, Тибета и Синьцзяна, укрепления пограничной линии новых рубежей империи. Пытаясь дать целостную характеристику института наместников в Монголии, Чжао Юньтян и Ма Дачжэн единодушны в том, что становление института наместников явилось ключевым звеном в формировании военно-административного управления на всей территории Монголии и вместе с тем главным этапом в унификации управления всеми монгольскими землями в составе Цинской империи (146 и 148). При этом они также указывают на то, что формирование русско-китайской границы ускорило этот процесс на северных и западных рубежах.

Тибетологические исследования в рамках этой темы более разнообразны, так как исследователи помимо китайских источников привлекают и источники на тибетском языке. Например, работы Я Ханьчжана (китайца по происхождению, получившего монастырское образование в тибетском монастыре в Ганьсу), посвященных жизни и деятельности главных буддийских иерархов далай-лам и панчен лам. В двух его исследованиях “Биографии панчен-эрдени” (139) и “Биографии далай-лам” (122) привлечены тибетские источники. Автор рассматривает всех религиозных лидеров и других персонажей тибетской истории с точки зрения лояльности к китайскому “центральному” правительству и демонстрирует несколько великоханьский подход.

Составители сборника биографических подборок цинских амбаней в Тибете (38) Цзэн Гоцин и У Фэнпэй написали работу “Образование и эволюция института амбаней в Тибете” (141), которая представляет

появление институт амбаней как закономерное явление в политике цинского двора в Тибете.

В целом, для современной историографии КНР при исследовании приграничной истории характерно некое одобрение политики цинского режима, которое наблюдалось в более ранней китайской историографии (74,263).

Обществоведы КНР рассматривают исследования своих тайваньских коллег как неотъемлемую часть обществоведческих исследований КНР, представляя их как региональные исследования “*провинции Тайвань*” (130,17).

Пограничные проблемы продолжают исследоваться гоминьдановскими авторами после образования КНР на Тайване, рассматриваются такие вопросы как правительственная политика (начиная с цинского периода или еще более раннего) в пограничных районах, структура пограничной администрации по районам (85,17). В книге “*Политика центрального правительства по отношению к Монголии и Тибету в годы народной республики*” (129), подготовленной Монголо-Тибетской комиссией и изданной в 1984 г., эта структура представлена в следующем виде: “*После создания Лифаньюань, центральная власть учреждала органы управления, представлявшие центральную власть в городах на приграничных землях. Были созданы: 2 ямына дутунов, семь ямынов цзянцзюней, три ямына пограничных чиновников в ранге баньши дачэнь, один ямын цзунду (генерал-губернатор), два ямына сюньфу, один ямын цаньцзан дачэна*” (129, 11-12).

Политика поддержки гоминьдановским правительством в лице Монголо-тибетской Комиссии ⁷ исследований по истории приграничных

---

⁷ - Монголо–Тибетская Комиссия (МТК)- особая правительственная структура в ранге министерства, созданная Гоминьданом в 1928 году, по своим функциям напоминает деятельность Лифаньюань цинского периода. В 1984 году при МТК была создана группа по монголо-тибетским исследованиям, которая взяла на себя функции

земель объясняется программными положениями Гоминьдана о создании единой китайской нации *чжунхуа миньцзу*, в которой монголам и тибетцам отводится одно из важных мест (129,3). Это сказалось на активизации монголоведных и тибетологических исследований на острове. За последний десятилетний период на Тайване, по подсчетам местных исследователей, вышли в свет около 370 крупных и мелких публикаций по монголоведению и более 1 000 по тибетологии. Хорошей тенденцией стало написание совместных работ и проведение совместных конференций по истории Китая исследователями Тайваня и КНР (137). Сопоставляя количество опубликованных работ по исследованию “приграничных земель”, тайваньские ученые делают вывод, что в КНР преобладают работы по филологическим дисциплинам, истории, географии и религии, тогда как на Тайване больше внимания уделяется истории, религии и политике. По мнению тайваньцев, ученые КНР “*больше внимания уделяют древности, пренебрегая современностью, а тайваньцы наоборот – пренебрегают древностью, увлекшись современностью*” (137,17). По мнению тайваньцев, “*тибетология в КНР обслуживает политические цели и там нет возможности свободно посвятить себя исследованиям*”, существует давление марксистско-ленинской идеологии, считают, что “*нельзя применять выводы и методологию западного учения к тибетологии*” (137,16). Звучит критика отсутствия междисциплинарных исследований, поэтому “*там тибетология – это марксистско-ленинская материалистическая тибетология*”. Думается, что такая же оценка распространяется и на монголоведение в КНР. Делается вполне

координации всех монголоведных и тибетологических исследований, организацию конференций и редакционно-издательскую деятельность. Под эгидой МТК группа издает серию брошюр по научным проблемам монголоведения и тибетологии, уже вышло более ста книг этой серии. Комиссией также финансируется Монголо-тибетский культурный центр, созданный в 1993 году. В библиотеке Центра насчитывается более 15 000 книг по монголоведению и тибетологии, фонды регулярно

закономерный вывод, что изучение приграничных земель (в частности, монголоведение и тибетология) на Тайване отстает от количественных показателей КНР, но оно более современно по методам исследований; проводится больше междисциплинарных исследований, и вообще, тайваньские исследователи более свободны в творческом выражении (137, 17). От себя мы бы добавили, что тайваньские исследователи также до недавнего времени находились под давлением официальной гоминьдановской идеологии, которой в период нахождения у власти на Тайване были присущи декларативные имперские черты, отрицание легитимности создания КНР. Например, современная карта Китая, изданная на Тайване, не отображает политических изменений в Азии в XX веке: территория Монголии (*вай Мэнгу*) не обозначена как территория независимого государства, территория Тувы также находится в пределах Республиканского Китая.

Тайваньские исследователи в своих работах по истории приграничных проблем особенно цинского периода широко привлекают недоступные для ученых КНР архивные фонды Гугуна, вывезенные на Тайвань из Пекина в период гражданской войны. Это более 400 000 различных документов цинского периода - материалы Военного Совета (*Цзюньцзичу*), Государственной Канцелярии (*Нэйгэ*), вся документация китайского ямыня в Лхасе цинского периода и периода Гоминьдана. Это хорошо видно по работам Ян Цзямина “Военная система управления Тибетом в период правления династии Цин” (140) и Сяо Цзинсуна “Амбани Тибета периода правления династии Цин” (132). Воплощая принцип *“открытости документов и материалов, открытости в исследованиях, открытости перед миром”* (137, 201), тайваньскими учеными были подготовлены 33-х томный “Указатель архивных

пополняются, стоит отметить, что собрано многое из того, что было издано в мире по монголоведению и тибетологии.

документов на монгольском и тибетском языках цинских хроник, хранящихся в Гугуне”, “Общий указатель архивных документов цинского периода”, “Указатель названий архивных документов цинского периода”⁸ (130,201).

Несмотря на критику применяемой методологии, ученые Тайваня и КНР едины в высокой оценке политики династии Цин в *“расширении границ и освоении территорий”* Китая, представляя эту политику как вершину имперской политики за всю историю Китая (140,2). *“Цинское правительство вело такую политику в Тибете и Монголии, которую ни династии Юань, ни династия Мин не могли достичь”*, - считает тайваньский историк Ян Цзямин (140,3). Выражая несколько националистический взгляд, он и его коллеги полагают, что Цинской империи удалось создать некий совершенный и эффективный аппарат управления приграничными территориями. Это отчетливо прослеживается в работах Ян Цзямина *“Военная система управления Тибетом в период правления династии Цин”* (140) и Сяо Цзинсуна *“Цинские амбаны в Тибете”*(132). Последний даже делает вывод, что *“данная система [управления приграничными землями] была эффективной, потому что на границах в 30 тысяч ли в течение двухсот лет было спокойно. Чего [прежде] в истории не бывало”* (132,7).

Как видно из рассмотренной нами отечественной и зарубежной историографии вопроса, интересующая нас тема получила наибольшее внимание и изучение в работах китайских авторов (КНР и Тайваня), которые рассматривают политику династии Цин в приграничных районах как достижение, которого ни одна из предшествующих династий не смогла достичь, а аппарат по управлению вассальными землями (Лифаньюань и

---

⁸ - Подробнее о монголоведении и тибетологии на Тайване см. Намсараева С.Б. *“Монголоведение и тибетология на Тайване”* (87).

институт наместников) эффективным, обеспечивавшим господство цинского двора над вассальными владениями.

Для дополнительной иллюстрации нашего исследования представлены следующие Приложения: Список наместников Монголии в хронологическом порядке по наместничествам; хронологический список амбаней Тибета с указанием родовой и знаменной принадлежности (номер, данный в скобках, после имени амбаня соответствует порядковому числу в основном списке амбаней Тибета). В случае необходимости (неточности и противоречия в датах, должностях и пр.) наши комментарии даны в Примечаниях к этим Спискам. Используемые в тексте монгольские, китайские и маньчжурские термины дополнительно пояснены в Терминологическом указателе.

При изучении обширной литературы и переводах источников на русский язык мы столкнулись с разницей трактовки географических терминов “Западная Монголия” и “Северная Монголия” среди российских монголоведов и китаистов. Поэтому считаем необходимым пояснить, что рассматриваемая территория Монголии в период правления династии Цин подразумевает территории расселения монголов на востоке – до Маньчжурии вплоть до Ивового палисада; на юге – территории проживания южно-монгольских родов до Великой стены и вдоль нее на запад; на западе – территория бывшего Джунгарского ханства до Алтая и Или; на севере - Танну-Урянхай и территория южнее российско-китайской границы, установленной по Нерчинскому договору 1689 года. На карте монгольских кочевий периода правления династии Цин предлагаемый нами перевод основных географических пунктов, мест расположения ставок военных наместников, названий монгольских родов и сеймов дан в соответствии с картографической практикой, сложившейся в российской исторической науке.

Названия маньчжурских, монгольских родов и имена амбаней даны в

китайской транскрипции. В тех случаях, когда известен другой вариант или более привычный для историков–монголистов монгольский вариант названия рода или имени человека, то этот вариант дан в скобках после китайского варианта произношения. Например: китайское произношение монгольского рода *Уцидэ* соответствует монгольскому названию *Учжид*.

Глава I.

Система управления вассальными землями в империи Цин

1.1. Цинский император и его двор – центральное звено в системе управления вассальными землями

Взаимоотношения китайской империи с соседями всегда имели большую специфику. В той или иной степени к вопросу внешнеполитической доктрины, лежавшей в основе этих взаимоотношений, обращались такие отечественные ученые, как А.А.Бокщанин, В.П.Васильев, С.Н.Гончаров, Л.И.Думан, А.С. Мартынов, В.С.Мясников и многие другие. Затрагивалась эта тема и в западной синологии (108).

Исследователи внешнеполитической доктрины Китая пришли к выводу о наличии двух основных традиционных моделей взаимодействия Китая с соседями, а именно китаецентристской модели и модели договорных отношений. Признавая наличие этих двух моделей, исследователи не имеют единого мнения по вопросу их иерархичности и соподчинения (51). Замечено, что первая модель взаимодействия (китаецентристская) применялась в отношениях с более слабыми соседями, которых можно было подчинить, что более характерно для периодов расцвета и силы Китая. Вторая модель (договорная) помогала взаимодействию с более сильными соседями, что было свойственно больше для сложных кризисных периодов в истории Китая или нетипичных случаев. В зависимости от внешнеполитических задач и сложности их решения эти модели выступали как взаимозависимые, дополняли друг друга и служили одной цели – обеспечить стабильность Китая отношениями с соседями ради поддержания внутреннего порядка в стране (51,6-8).

Китаецентристская концепция, ставшая основой официальной внешнеполитической доктрины старого Китая, имела свое представление принципов мироустройства (эгоцентрическая картина Среднего царства (*Чжунго*) в варварском окружении), систему понятий и категорий, выражавших данное миропонимание через взаимоотношения ключевых противопоставляемых терминов, таких как “центр Поднебесной” (*Чжунго*) и “периферия” (*вайфань*). Полярность этих терминов подразумевает качественное различие между жителями Поднебесной (как цивилизованных) и народами окраин (как не цивилизованных). Поэтому превосходство Китая над “варварами” мыслилось не как узко политическое, а как тотальное, как превосходство во всем, как превосходство цивилизации над варварством. Термин *вайфань* (*вай* – внешний, *фань*-изгородь, ограждать, окраинные земли, вассальные земли) в использовании цинскими источниками, как было уточнено (48,56-57), имел следующие три основных значения:

- 1) жители подвластных зависимых владений;
- 2) народы государств, номинально подчиненных Китаю (“внешние” вассалы, жители окраинных земель). Этот термин закрепился в цинское время в отношении жителей Монголии, Тибета, Цинхая, жители некоторых земель в центрально-азиатских княжествах со смешанным монгольским и уйгурским населением.
- 3) жители независимых чужеземных государств, лишь поддерживающих связи с Китаем (“иностранцы”)

Как видно из многозначности этого термина, “вайфань” подразумевает и жителей вассальных владений и подданных независимых государств как “потенциальных” вассалов, которые теоретически рано или поздно должны будут попасть в категорию “вассалов”.

Взаимоотношения в системе “Чжунго-вайфань” происходили посредством связующего звена в виде так называемой дани *гун*.

Традиционной даннической системе в китайской традиции отводилось большое место, так как это рассматривалось как признание вассалами “мироустроительной” функции императора (77,43), его морального права приобщать их к цивилизации. Известный американский ученый Дж. Фэйрбанк, анализируя систему взаимоотношений Китая с сопредельными странами, делает вывод, что император всеми силами пытался “*включить весь мыслимый мир в рамки китайского даннического порядка вещей*” (108, 332). Поэтому на приезд варваров с данью ко двору всегда обращалось особое внимание и устанавливался особый надзор.

С давних времен при китайском императорском дворе существовали должности или учреждения специально для встречи данников и организации для них аудиенции у императора. На протяжении многих династий это выглядело следующим образом:⁹

Династия	Должность либо учреждение, ответственное за внешние связи	Примерный перевод
Цинь III в. до н.э.	<i>дянькэ</i>	Чиновник по делам местных князей и данников инородцев
Хань (II в. до н.э. - II в. н.э.)	<i>дянькэ, дахунлу</i>	Чиновник по приему инородцев
Троецарствие (Вэй, III век, Цзинь, III – V в.,	<i>дахунлу</i>	Чиновник по приему инородцев

⁹ - Сведения взяты из книги “Чжунго гудай чжэнчжи чжиду шилюэ” (Исторические очерки политической системы Китая с древности до середины XIX века) (135) и исследования А.А.Бокщанина “Очерк истории государственных институтов в Китайской империи” (43).

Сев. Ци – VI век)	<i>сыцин</i>	
Суй (VI-VII вв.)	<i>дахунлу, сыцин</i>	Глава ведомства, сановник
Тан (VII-X вв.)	<i>тунвэнь сыцин, сыбинь сыцин</i>	Начальник подворья по приему народов, имеющих одинаковую письменность, начальник гостевого подворья
Ляо (X-XIII вв.)	<i>даванюань, чжюань</i>	Глава ведомства, председатель Тайного совета при императоре
Юань (XIII-XIV вв.)	<i>сюань чжэн юань ли</i>	Чиновник управления по делам буддизма.
Мин (XIV-XVII вв.)	<i>чжукэсы при Либу</i>	Отдел по приему иноземных гостей при Министерстве церемоний

При династии Мин вопросами, связанными с приемом данников и иноземных послов, занималось Министерство церемоний (*Либу*), где, помимо специального отдела по приему гостей “*чжукэсы*”, была создана особая служба, отвечавшая за связи с вассальными странами (110,92), она называлась “*сыигуань*”. Ч.Хаккер (С.Hucker) назвал ее “College of Translators” – служба переводчиков (110,92). Так, посольство И.Петлина в 1618 году встречали чиновники “*чжукэсы*” из Либу “и определили на постой на посольском дворе” (14,62), где жили миссионеры-иезуиты и другие иностранцы. Чиновникам полагалось обучать прибывших ритуалу и

процедуре приема у императора, организовывать пиршества в честь приезда данников и посольств иноземных государств.

Цинские императоры, придя к власти, внешне полностью копировали дипломатический церемониал империи Мин, основанный на китаецентристской модели отношений с соседями. По представлению маньчжурской аристократии, тщательное следование китайской внешнеполитической традиции укрепляло “легитимность” маньчжуров на правление страной.

В реальной политике маньчжуры имели богатый опыт применения модели договорных отношений в традициях кочевых народов (в виде клятвенных союзов), которая на раннем этапе экспансии обеспечила им союзников в лице южно-монгольских княжеств и позволила начать военные действия против Чахарского ханства и минского Китая. На раннем этапе маньчжуро-монгольские отношения складывались как военно-политический союз путем установления традиционных посольских связей и “мира, основанного на родстве”, заключения брачных союзов. В исторических исследованиях обоснованно указано на то, что маньчжурских правителей к “союзу” с монголами мог подвигнуть столь существенный в практике международных отношений на Дальнем Востоке в XVI – XVII вв. фактор, как этническая общность, сходство доктрин государственности, внешнеполитических представлений, культурных традиций, которые в свою очередь, отличались от соответствующих идеологических представлений “традиционного” Китая (50,132-135; 64, 175).

Именно на договорное начало ранних маньчжуро-монгольских отношений указывает то, что в 1636 году съезд 46 южномонгольских и восточномонгольских княжеств, после разгрома Чахарского ханства и смерти Лигдэн хана, возвел Абахая на великоханский престол с титулом *богдо-хан* – правителя монгольских земель, а все ее земли были объявлены собственностью *богдо-хана*. Обретение маньчжурским императором

юаньской печати, которая передавалась монгольскими правителями из поколения в поколение, должно было обеспечить легитимность притязаний цинского двора не только на господство над всеми монгольскими землями, но и обеспечить ему *“конституирование своей династии в качестве прямого наследника Юаньской династии”* (77,75).

Маньчжуры по примеру своих предшественников – завоевателей Китая чжурчжэней, киданей, монголов – широко привлекали к себе на службу китайскую знать, поэтому по мере усиления маньчжурского государства в принцип договорных взаимоотношений с монголами начали проникать черты традиционно китайской модели взаимоотношений. Поэтому, как указывает В.С.Мясников, *“к середине XVII века цинская дипломатия являлась по существу маньчжуро-китайской дипломатией: маньчжурской по целям и задачам, китайской в основном по формам, методам и средствам”* (83, 33).

В дальнейшем маньчжурские правители стали успешно применять во внешнеполитической практике сочетание китаецентристской модели и модели договорных отношений (включая модель договорных отношений кочевых народов в виде “клятвенных союзов”, сеймов, съездов) в зависимости от развития ситуации. Это можно проследить на изменении принципа взаимоотношений с южномонгольскими, а затем и северомонгольскими княжествами. Съезд 46 южномонгольских и восточномонгольских княжеств в 1636 году был еще образцом договорных отношений маньчжурской дипломатии, как и первые посольские контакты маньчжурского двора с халхаскими князьями. Так, на первое халхаское посольство от Цэцэн хана в январе 1636 г. с выражением желания “жить в мире” Абахай в марте того же года направил в Халху ответное посольство с дарами Цэцэн хану и другим халхаским князьям, практические ежегодные посольства от Тушэту хана с дарами, начиная с 1637 г. по 1644 г. получали ответные дары от маньчжурских императоров. При правлении

Абахая были приняты первые маньчжурские законы для союзников – монголов Южной и Восточной Монголии начиная с 1627 г., которые в дальнейшем пополнялись и видоизменялись. Исследования отечественных и монгольских ученых показывает, что в их основе лежали правовые обычаи монголов, оформленные в законодательном виде, такие как “Уложения второй половины XVI в.”, а также “Великое Уложение 1620 г.” (6,112).

С укреплением положения маньчжуров в Южной Монголии и успехами в завоевании Минской империи, особенно после провозглашения Фулиня (девиз правления Шуньчжи с 1644-1662 гг.) китайским императором 1644 г., как пишет И.С.Ермаченко, “*характер-маньчжуро-китайских отношений резко изменился*” (50,144-145). После серии военных конфликтов маньчжурских войск в Северной Монголии в конце 40-х начале 50-х гг. XVII в. во взаимоотношениях с халхаскими князьями прослеживается некоторый отход от равноправной договорной основы, цинская сторона требует заключить союз по принципу признания зависимости северо-монгольских князей от цинской династии с условием принятия условий традиционной китайской даннической системы в виде обязательной и регулярной дани, приезда на аудиенцию, направления ко двору в качестве своеобразных заложников младших сыновей халхаских князей⁷ (50,147). В случае невыполнения и нарушения условий союза цинская сторона предусматривала систему наказаний ультимативного характера в виде прекращения посольских, торговых связей. Начиная с 1655 г. часть халхаских владетелей Восточной Халхи (Тушэту хан, Цэцэн хан, Даньцзин лама, Мэргэн нойон) и некоторые западнохалхаские князья

---

⁷ - Институт заложничества (институт *аманатства*) служил своеобразной гарантией заключенного мира, гарантировал от внезапного нападения союзника, гарантировал регулярные посольские и даннические отношения. Подробнее об институте аманатства см. К.Хафизова “Китайская дипломатия в Центральной Азии” (XIV-XIX вв.) (99).

(Дзасакту хан, Лубсан тайджи, Цэцэн нойон) были вынуждены пойти на удовлетворение большей части этих требований (50,151). С момента принесения клятвы о заключении союза отношения Цинской империи с Восточной Халхой развивались в русле даннических отношений, характерных для китайской внешнеполитической практики.

В этот же период начали складываться связи маньчжурских правителей с Далай-ламой V. Обе стороны были заинтересованы в установлении взаимных контактов. Маньчжурские правители хотели использовать религиозное влияние Далай-ламы и его авторитет в монгольской среде в решении своих политических задач по подчинению монголов. А Далай-лама, в свою очередь, был заинтересован в лице маньчжурских правителей (новой политической силы в соседнем государстве) обрести покровителей учения, как это практиковалось в тибетско-монгольских отношениях Юаньского периода и существовало в последующий период в отношениях духовных лидеров Тибета с отдельными монгольскими князьями (Алтан-ханом, Лигдэн-ханом, Гуши-ханом). Во многих исследованиях показано, что маньчжуры с самого начала трактовали эти отношения как даннические, а визит Далай-ламы V в Пекин как визит вассала ко двору с данью (77, 119; 42,109). В дальнейшем маньчжурские правители неоднократно использовали влияние буддийских иерархов Тибета (Далай-ламы, Панчен-ламы) и Монголии (Джэбзун-дамба хутухты и многочисленных хубулганов) в решении политических задач.

В богатом дипломатическом арсенале цинского двора были использованы и традиционные монгольские политические приемы, такие как практика созыва съездов для решения важных дел в кризисные моменты. Что было продемонстрировано цинским двором при разрешении междоусобных раздоров в Халхе в 60-80е гг. XVII в. между владетельными князьями, подданными Цинской империи, ради решения внешнеполитических задач, связанных с подготовкой военных действий в

Приамурье и (83,191; 50,152). Цинский двор выдвинул идею и начал подготовку созыва примирительного съезда халхаских князей с использованием авторитета Далай ламы Тибета, которого император Сюань Е просил прислать влиятельного ламу на съезд для примирения халхаских ханов (77,140). Можно предположить, что примирительный съезд 1686 г., внешне прошел по модели монгольского объединительного съезда халхаских и джунгарских князей 1640 г., на который также были приглашены влиятельные ламы, представители Далай ламы Цаган номун хан и Зая пандита (6,3). Этот съезд выработал и утвердил монголо-ойратское уложение “Их цааз”, вошедшее в историю как образец доцинского монгольского законодательства (6).

При анализе характерных черт цинской дипломатии в XVII в., В.С.Мясников обратил внимание на то, что главной характерной чертой цинской дипломатии, воспринятой от традиционной китайской дипломатии, стала стратагемность – комплекс *“дипломатических и военных мероприятий, рассчитанных на реализацию долговременного плана, обеспечивающего решение кардинальных задач во внешней политике государства”* (83,51), в рамках которой широко использовались противоречия между монгольскими ханами. Такой подход был продемонстрирован, когда цинский двор занял явно “выжидательную” позицию, ожидая момента безвыходного положения своих “клятвенных союзников” в войне с ойратским ханом Галданом в конце 80-х гг. XVII в., чтобы склонить халхаских князей принять подданство Цинской империи. Массовое бегство халхасцев в пределы Южной Монголии и вторжение хана Галдана вглубь Монголии летом 1690 г. заставили цинские власти ускорить инициативу созыва очередного съезда халхаских и южномонгольских князей. Присутствие императора Сюань Е в сопровождении огромного маньчжурского и китайского войска, сложный ритуал проведения съезда преследовали цель продемонстрировать перед

участниками высший авторитет императорской власти и то значение, которое придавалось успешному проведению съезда. На Долоннорском съезде владетельных князей Халхи и Внутренней Монголии в 1691 году цинский император Сюань Е (монг. *богдохан Энхэ-Амугулан*) объявил всю территорию Внешней и Внутренней Монголии владениями Цинской империи, а всех монголов – своими подданными. При этом были ликвидированы старые традиционные монгольские титулы и введены новые маньчжурские и китайские звания в следующем иерархическом порядке: *цинъван, цзюньван, бэйлэ, бэйсэ, гуны (тушету-гун и тусалакчи-гун), тайджи*. *Богдо-хан* (император) утверждал право монгольских князей на владение монгольскими хошунами и получение из казны жалования. Доллонорский съезд 1691 г. владетельных князей Монголии, созванный по инициативе цинской стороны, можно рассматривать как результат долгой дипломатической деятельности стратагемного характера, ему предшествовала кропотливая подготовительная работа (переписка с халхаскими князьями, обсуждения на Государственном совете будущего статуса Халхи, мер нового административного устройства по образцу Южной Монголии, деления по знаменам, обсуждение порядка расположения князей по степени знатности, списка подарков, заранее подготовленный проект указа о вхождении Халхи в состав Цинской империи и т.д.) (50,159).

Как было отмечено отечественными исследователями, цинская дипломатия в ходе установления своего господства над Южной и Северной Монголией использовала широкий арсенал дипломатических средств (50,160), имевших свои истоки и в заимствованной китайской дипломатии со всеми нормами даннических отношений, и модели договорных отношений кочевых народов, в частности традиционные монгольские съезды.

Включение Халхи в состав Цинской империи вызвало необходимость распространения и унификации маньчжурского законодательства, первоначально предназначенного для знамен Южной Монголии. Первые маньчжурские законы для монголов 1627-1694 гг., были собраны в единый свод законодательных актов и изданы в 1696 г. императором Сюань Е в виде специального “Монгольского уложения” (“Цааджин бичиг”) (22) на трех языках государственных языках империи (монгольский, маньчжурский, китайский). Законы нового Свода ввели деление на единообразную систему “знамен” – *хошунов*, сочетавших в себе функции гражданского и военного управления. Территориальные границы каждого хошуна и каждый хошунный правитель – *дзасак* утверждались маньчжурским императором. Хошунный *дзасак* ведал всеми военными, административными и судебными делами в пределах своего хошуна. Палата внешних сношений (Лифаньюань) подбирала кандидатуры на должность хошунных правителей из числа монгольских князей и предоставляла их на утверждение императору. Руководство сеймов (*чулган дарга*), объединявших знамена по группам, играло роль промежуточного звена между Лифаньюань и хошунными дзасаками (статья 100). *Хошун* в военном отношении являлся основной тактической единицей, *хошунуны* делились на *сомоны* из 150 воинов (ст.99). Некоторые законы были направлены на поддержание постоянной боеготовности монгольских войск. Хошунные правители *дзасаки* должны были ежегодно собирать свои войска на смотры и проверять боеготовность, каждые три года проводить перепись мужского населения на своих территориях и подавать сведения в Лифаньюань (ст.61, 90 и 100). Особая статья рассматривала “*проявления храбрости и трусости в бою*” монгольскими князьями, за которые были предусмотрены награды или меры наказаний (ст.133, 146). Значительная часть законов “Цааджин бичиг” посвящена гражданскому и уголовному праву, определению мер наказаний, которые в дальнейшем были

детализированы и ужесточены законами “*Лифаньюань цзэли*” 1789 и 1818 г. Таким образом, территория Монголии и ее население, после вхождения в состав Цинской империи, оказалась под юрисдикцией Цинского государства, которое установило специальное законодательство для управления монгольскими делами в виде “Монгольского уложения”. Как установил С.Д.Дылыков, основой маньчжурских вариантов “Монгольского уложения” разных лет стали измененные и дополненные маньчжурами правовые обычаи монголов (62,13).

Императором, как верховным правителем монголов *богдыханом*, устанавливался особый порядок присвоения монгольским князьям титулов и званий, назначения на должности, определяя при этом их права и обязанности перед двором в соответствии с полученным титулом (с.101-104).

Особые отношения между императорским двором (маньчжурской знатью) и монгольскими князьями устанавливались путем заключения родственных браков. Такая практика, называвшаяся “мир, основанный на родстве” *хэ цинь*, применялась во внешнеполитической практике и китайских династий (51,22) и их северных кочевых соседей (киданей, монголов, маньчжуров). Более сильная сторона, занимавшая главенствующее положение, закрепляла его с помощью *хэ цинь*, выдавая замуж своих принцесс, тем самым утверждая свое старшинство (51,23).

Маньчжурская сторона широко использовала подобную практику, что привело к образованию особой категории приближенных императорскому трону - монгольских князей *эфу*⁸ (зятя императора), привилегии которых в зависимости от статуса маньчжурской принцессы оговаривались специальными статьями закона (6,110-112). По подсчетам китайских историков, со времени правления Нурхацы до периода

правления императора Хун Ли было около 100 *эфу* различного ранга практически из всех аймаков и сеймов Монголии (146, 223).

Другим способом укрепления “мира, основанного на родстве” стала практика “воспитания при дворе” *цзяоян* в качестве заложников младших сыновей монгольских князей. По указу императора Инь Чжэна (девиз правления Юнчжэнь) с 1731 года все сыновья монгольских князей с 15-летнего возраста должны были прибывать в Пекин и находиться на обучении, где к ним присматривались и из их числа подбирались кандидатуры в “зятя императора” (146,225). В биографии монгольского тайчжи и цинского сановника Баньди, данной в Приложении v, как раз упоминается, что он учился с детства в императорской школе для детей высших чинов из знаменных войск. В дипломатической практике Китая это явление называлось “воспитанием при дворе чужеземца” и в период правления династии Цин получила широкое распространение именно в практике отношений с монгольскими князьями. Различные дворцовые службы следили за подобающим воспитанием и образованием наследников монгольских князей, подбирали и устраивали браки между маньчжурами и монголами. Как объясняет историк Чжан Дэцзэ, эти браки образно назывались “из дворца” *ликай чаотин*, когда дочери императоры выдавались замуж за монгольских князей, и “во дворец” *цзин чаотин*, когда монгольские княжны выдавались замуж за маньчжуров (146,225).

Таким образом, цинский император, обладая титулом верховного правителя монгольских племен (*богдо-хан*), что подкреплялось обладанием печати юаньских императоров и кровнородственными связями с практические со всеми монгольскими родами, служил главной фигурой в управлении высшей монгольской аристократией и являлся полновластным иерархом над всеми монголами, что нашло отражение в маньчжурском

---

⁸ - В зависимости от статуса маньчжурской принцессы (дочь, рожденная от императрицы или от наложницы, дочь ближайшего родственника императора и т.д.),

законодательстве. Управление обширными монгольскими землями, многочисленными монгольскими родами император осуществлял посредством специально созданного учреждения Лифаньюань (Палата по управлению вассальными землями). В организации работы Лифаньюань по управлению Монголией маньчжуро-китайская дипломатия получила свое дальнейшее применение, что в дальнейшем послужило основой для формирования аппарата управления другими “вассальными народами” в Цинхае, Тибете, Джунгарии, Восточном Туркестане.

1.2. Лифаньюань как главный государственный механизм в системе управления вассальными землями

После провозглашения династии Цин всекитайской в 1644 г., большая часть государственных учреждений формируется по китайскому образцу, но было и немало отличий, отражавших особенности цинского правления и взаимоотношений с соседями. К числу нововведений в системе государственного устройства Цинской империи относится и Лифаньюань (Палата по делам вассальных владений).

Палата по делам вассальных владений была образована в 1638 году наряду с другими центральными учреждениями маньчжурского государства: тремя Палатами (*сань юань*), шестью приказами (*лю бу*) и Палатой цензоров (*Дучаюань*) (63, 153). Палата была создана на основе ранее существовавшего Монгольского приказа (*Мэнгу ямэн*), образованного в 1636 году после провозглашения новой династии Дай Цин. Появление этого учреждения в ранний период существования маньчжурского государства может служить подтверждением того, сколь серьезное значение имели в истории маньчжуров отношения с различными монгольскими княжествами. По мнению И.С.Ермаченко,

---

эфу подразделялись на 7 категорий.

необходимость реорганизации Монгольского приказа в Лифаньюань была связана с увеличением трудностей в деле управления присоединенным к Дай Цинской империи населением Южной Монголии (64,161). Северная Монголия, включенная в состав Цинской империи в конце XVII века, также перешла в ведение Лифаньюань.

Согласно императорскому указу, изданному при создании Лифаньюань в 1638 г., новому ведомству надлежало *“издавать законы, обязательные к исполнению на внешних вассальных территориях, устанавливать порядок наследования титулов и достоинств тамошних правителей, заведовать выдачей им кормового содержания, утверждать правила их приезда ко двору на новогоднюю высочайшую аудиенцию, а равно и на аудиенцию в летнем императорском дворце, определять порядок принесения сими правителями дани, устанавливать правила сбора сеймов правителями внешних вассальных территорий, упорядочивать в тех местах судопроизводство”* (цит. по 94, 195).

В своей деятельности Палата руководствовалась специальным Уложением *Лифаньюань цзэли*, которое наряду с Уложениями других ведомств империи входило в основной свод законов Цинской династии (*“Да Цин хуэй-дянь”*). В соответствии с традиционной китайской внешнеполитической доктриной, рассматривающей особую мироустроительную роль императора в преобразовании “варваров”, девиз Палаты, начертанный императором Инь Чжэнем (девиз правления Юнчжэн с 1723 –1735 гг.) на “Уложении” Палаты, гласил *“сюань хуа ся фань”*, что можно перевести как *“Распространять преобразующее влияние на дальние земли”* (147,2). В соответствии с установленным цинским двором порядку регулярного пересмотра (раз в 5-10 лет) и исправления законодательства главных ведомств империи, “Уложение” Палаты периодически дополнялось и фиксировало эволюцию цинского законодательства и изменении политики маньчжурского двора в Монголии, а затем и на

других вассальных землях. До сих пор не решен вопрос о датировке различных изданий “Уложения”. Первым российским и европейским исследователем, обратившимся к “*Лифаньюань цзэли*” стал Н.Я.Бичурин (Иакинф). Известны его переводы с китайского на русский язык больших фрагментов первого варианта “Уложения”, составленного в 1789 г., вошедших в часть его трудов о Монголии. Перевод полного текста “*Лифаньюань цзэли*” с маньчжурского оригинала на русский, сделанный С.В. Липовцовым, относится ко второму изданию “Уложения”, которое согласно указу императора Юн Яня (девиз правления Цзяцин с 1796 по 1820 гг.), было начато в 1812 г., а завершено и опубликовано в 1818 г. Не найдя логической связи в компоновке 526 статей в 67 цзюанях по темам и содержанию в маньчжурском подлиннике, С.В. Липовцов расположил их в следующем порядке. Часть первая: Устройство Лифаньюань. Во вторую часть вошли “*Уложение гражданское, Устав Воинский и Почтовое Правление, Уложение Уголовное, Постановления о духовенстве ламского исповедания, Постановления о Тибете и Сношения с Россиею*” (20, Предисловие, xi).

Структура Лифаньюань и функции основных подразделений.

Структура Лифаньюань и штатный состав сложились не сразу. В “*Лифаньюань цзэли*” (35, цзюань *тунли*), “Уложении Палаты” (20), справочнике И.С. Бруннерта и В.В. Гагельстрема (45) приводятся перечни чинов, составлявших штат Лифаньюань в разные годы. Китайские авторы (Чжан Дацзэ и др. (129,11-12)) приводит сведения о самом раннем периоде этого ведомства. Если в 1638 году штат служащих состоял из управляющего *чэнчжэна*, 2-х помощников в ранге *цаньчжэн*, 8-ми помощников управляющего делами (*фу лишигуань*) и 1-го внештатного советника (*цисиньлан*), то с 1644 г. Лифаньюань стал руководить министр в ранге *шаншу*, статус Палаты был приравнен к шести министерствам,

расширены полномочия и увеличено число сотрудников, добавлены должности делопроизводителей (*тачжуши*), заведующих канцелярией *сыу*, помощников *фуши*, писарей *битешу* (143, 145).

Согласно тексту “*Лифаньюань цзэли*” (35, цзюань *тунли*⁹), который мы отнесли к варианту 1818 г. или более позднего периода (из-за упоминания в тексте приезда на аудиенцию представителей четырех родов непальских гурков, принявших вассалитет в 1792 г.), состав руководящих должностей представлен в последующей очередности: “*дачэнь*, “курирующий дела” [Лифаньюань] (или “первый министр” в переводе С.Липовцова (20, т.1, V), *шаншу* (министр или “председатель”), три *шилана* (заместители или “советники”) из них *эвай мэngu шилан* (сверхштатный советник) избирается из монгольских князей” (там же).

Следующий уровень – начальники отделений *ланчжуни* и их заместители – помощники *юаньвайланы*. При *ланчжуне*, ведавшем отделением императорских родственников (*цзунши*) был один *юаньвайлан*, трем *маньчжу ланчжунам* (в маньчжурском отделении – Н.С.) полагался штат из 11 помощников, восемь *мэngu ланчжунов* (в монгольском отделении – Н.С.) имели 24 *юаньвайлана*. Эти чиновники прикомандировывались в штат Лифаньюань из Министерства чинов (*Либу*). Делопроизводители *чжуши* распределялись следующим образом: четыре *чжуши* при маньчжурском отделении, одиннадцать *чжуши* в монгольском отделении, один *чжуши* занимается делами китайских знаменных войск, один казначей *сыку*, по одному начальнику канцелярии *сыу* в монгольское и маньчжурское отделения (35, цзюань *тунли*, лист 1-3).

Другой многочисленный отряд чиновников более мелкого ранга был представлен письмоводителями-секретарями *битешу*. В монгольском и маньчжурском отделениях было по 38 и 55 *битешу*. Дополнительно

---

⁹ - “*тунли*” можно перевести как “общие положения”, “правила”.

битеши Лифаньюань направлялись по два человека по 8 монгольским знаменам, всего 16. (35, цзюань *тунли*, лист 1-3).

По данным Чжан Дацзэ, общее количество сотрудников к середине XVII в. было 198 человек, кроме них были курьеры, многочисленные охранники и т.д., числом более 140 служащих (143, 145). У П.Ч.Ся также без указания точного времени говорится, что “*в Лифаньюань было 65 маньчжуров, 90 монголов, 7 китайцев из знаменных*” (109, 323). Численность сотрудников не была строго фиксированной, и поэтому разные авторы называют разные цифры. К тому же, существовала практика временного командирования (сроком на год и более) чиновников из других ведомств в Лифаньюань, таких как Либу (Министерство чинов), Цензорат (*Дучаюань*) и т.д. (143, 155). Тем более что в период династии Цин “*практика двойного, а иногда и тройного совмещения должностей, была очень распространенной*” (109,400).

Особенностью этого учреждения и ее кадрового состава являлось, то, что почти весь личный состав набирался из маньчжуров и монголов, в отличие от других ведомств государственной администрации, где все должности были разделены между маньчжурами и китайцами. По данным П.Ч.Ся, по количеству “*монголы занимали больше должностей, чем их завоеватели*”. Но в действительности, все ключевые посты, такие как *шаншу* (министр), заместители министра, главы управлений и переводческих бюро, были в руках маньчжуров. Только один заместитель министра, названный *сверхитатным советником* назначался из монгольских князей. Фактически, по мнению П.Ч.Ся, “*та должность была своеобразной наживкой для подчинения монголов, и сверхитатный советник больше играл роль консультанта и советника по монгольским делам, нежели участвовал в выработке политики по отношению к монголам. Китайцы из числа знаменных исполняли лишь мелкие*

обязанности на должностях переводчиков, канцелярских переписчиков и т.д.” (109, 324).

Все монголы, принимавшиеся в штат рядовыми сотрудниками, выбирались из числа родовой знаменной знати. В привлечении к управлению (хотя бы номинальному) представителей монгольской знати выражалась особая политика Цинского двора в отношении монголов, их привилегированному положению среди других вассалов империи.

Сведения о первоначальной структуре Лифаньюань сообщаются китайскими историками (143,144). Структура Лифаньюань в 1661 г. состояла из 4-х основных отделов (управлений):

1. Управление по “зачислению на службу и записи заслуг” (*лу сюнь*);
2. Управление по приему гостей (*бинь кэ*);
3. Управление “умиротворенных окраин” (*жоуюань*);
4. Управление судебных дел (*ли син*).

По данным Чжан Дэцзэ и Чжао Юньтяня реорганизации структуры проходили довольно часто: в 1699, 1723, 1751, 1757,1764 и 1768 гг. (143,144;144,60), и со 2-й половины XVIII в. структура Палаты состояла из следующих служб:¹⁰

1. Управление Внутренней Монголии (*цици сы*)
2. Управление по приему владельцев Внутренней Монголии (*ванхуэй*)

---

¹⁰ - Названия управлений на русском языке взяты из справочника И.С.Бруннера и В.В.Гагельстрома (45). С.В. Липовцов в переводе “Уложения Китайской Палаты Внешних сношений” (20) дал такую же структуру, но не снабдил названия Управлений переводом на русский язык. Перевод иероглифических названий в соответствии с порядковыми номерами Управлений следующий:

- 1 Реестры знаменных войск.
- 2 Организация аудиенции при дворе.
- 3 Инспекция вассалов.
- 4 Умиротворение окраин.
- 5 Подношения с окраин.
- 6 Судебные дела.

сы)

3. Управление Внешней Монголии и Джунгарии (*дяньшу сы*)
4. Управление по приему владельцев Внешней Монголии (*жоуюань сы*)
5. Управление Восточного Туркестана (*лайюань сы*)
6. Управление Судебных дел (*лисин сы*)

Конкретно о характере обязанностей Лифаньюань можно судить, познакомившись с кругом обязанностей основных подразделений в соответствии с “Уложением Палаты” (20) и некоторыми сведениями, приведенными в исследованиях китайских авторов, обязанности основных подразделений выглядят в следующем виде:

1. Управление Внутренней Монголии (*цицзи сы*) занималось делами знаменных войск и дзасаков, возглавлявших 47 хошунов Южной Монголии, и делами “амурских народов” (народов Дунбэя) (143, 147). Управление давало рекомендации для награждения императором рядовых дзасаков княжескими титулами *чжэнго гун*, *фуго гун* (монг. *тушету-гун* и *тусалакчи-гун*) и *тайчжи* разных степеней. Чиновники этого Управления должны были присутствовать на съездах (сеймах) знаменных войск Южной Монголии, налаживать управление почтовыми станциями и почтовыми трактами на дорогах Южной Монголии. Обучать секретарей дзасаков вести списки казенных повинностей, составляли ежегодные отчеты для Лифаньюань. Управление имело 27 служащих (143, 147).

2. Управление по приему владельцев Внутренней Монголии (*ванхуэй сы*) было сформировано в 1757 году на основе Управления по приему гостей (*бинь кэ*), занималось только делами высшей знати Южной Монголии в ранге *цинъван*, *цзюньван*, *бэйлэ*, *бэйсэ*, а также императорскими зятьями *эфу* из их числа. Управление устанавливало

порядок и размеры выплаты жалованья дзасакам: например, *цинъваны* (обладатель высшего княжеского титула) получали 2 тысячи 500 лянов серебра и 40 кусков ткани в год, а *тайчжи* (обладатели низшего княжеского титул) получали 100 лянов и 4 куски ткани. Выплаты на содержание и подарки в соответствии с княжеским рангом *эфу* полагались и маньчжурским принцессам, живущим в Южной Монголии. Они получали в два раза меньше, чем их мужья (супруга *цинъвана* получала 40 лянов серебра и 5 отрезков на платье) и могли приезжать ко двору раз в 10 лет. Управление составляло списки приезда ко двору с ежегодной аудиенцией (*няньбань*) хошунных правителей Южной Монголии, занималось оповещением, сбором приглашенных на аудиенцию. Привозимые дары должны были соответствовать определенным требованиям качества и количества, распространенным Лифаньюань, в соответствии с рангом. Любопытно, что гости сами должны были привозить еду и питье на императорскую аудиенцию. Как пишет Н.Я.Бичурин: “*А столы, баранов и вино обязаны князья доставить. Князья 1-ой и 2-ой степени должны представить по три, князья 3-1 и 4-й степени по два, а прочие князья по одному барану. Недостающее число Обрядовая Палата (Либу- Н.С.) поставляет*” (2,323). Управление вместе с прикомандированным чиновником Министерства церемоний (*Либу*) также занималось обучением князей церемониалу и ритуалу приема с указанием точного расположения на аудиенции. Н.Я.Бичурин на основе “*Да Цин хуэй-дянь*” дает расположение гостей во время аудиенции (2,398-398), где указаны столы для монгольских князей в соответствии с их рангом. В “Уложении” Палаты строго оговаривалась церемониальная одежда, порядок представления наследников монгольских князей трону, правила пиршества с перечнем подобающей музыки и стихов (20, 227). На аудиенции *дзасакам* полагалось держать знаменный флаг, печать и грамоту, выданные императором при назначении на должность. Срок пребывания в столице был строго

ограничен, по получении подарка от императора предписывалось покинуть столицу и отправиться в свои кочевья. Количество служащих Управления – 24 человека (143,146).

3. Управление Внешней Монголии и Джунгарии (дяньшу сы) соответственно занималось делами Северной Монголии, Цинхая и Джунгарии, территории которых были отнесены к “внешним” хошунам, которые были объединены в 13 знамен. По тексту *“Лифаньюань цзэли”*, данное управление устанавливает порядок *“приезда ко двору ханов, ванов торгоутов и тумэтов из Цинхая, Тибета и тайчжи [от] четырех родов непальских гурка. Вручает им дары по установленному списку”* (35, цзюань тунли, часть вторая, 5). Непальские гурки, ставшие данниками китайского императора в 1792 г., из-за отдаленности проживания должны могли прибывать на аудиенцию раз в 5 лет. В обязанности данного Управления также входило *“выплачивать серебром расходы на платье, еду русским ламам- студентам (т.е. студентам Русской духовной миссии в Пекине – Н.С.), приехавших в Пекин”*, *“направлять [чиновников] сыюаней (монг. царгучей- Н.С.), битеши на смену в [канцелярии] в Ургу, Кяхту, Тибет, Синин, Кобдо, Улясутай”*. Управление выдавало разрешения *синпяо* жителям внутренних земель Китая (в основном это были торговцы), следующим в Улясутай, на пересечение границы между “внутренними” и “внешними” хошунами. Торговцы подавали прошение с указанием места назначения, временем планируемого отправления и возвращения, перечнем наименований и количества товара для обложения налогом, количеством сопровождающих караван поименно. При прибытии на место назначения, было необходимо зарегистрироваться в местной администрации, получить печать на *синпяо*, который затем предъявлялся пограничным пикетам при пересечении караулов на границе между хошунами. Управление также *“управляет делами восьми чахарских знамен, [делами] монгольских*

студентов гоцзыцзянь из [их] кочевий, приемом Далай-ламы и Панчен-ламы [в случае] приезда [в столицу]” (35, цзюань тунли, часть вторая, 6). В “Уложении Лифаньюань” в переводе С.В.Липовцова (20) к этому Управлению отнесены дела, связанные с ламами и хубилганами (*хофо*) в Монголии и Тибете. Маньчжурские императоры, обладая титулом “*Наивысший, великий властитель, владыка Неба, бодхисатва*” (118,116)¹¹, дарованным Далай-ламой, наделяли лам особой функцией “*смирять и преобразовать варварские нравы фаньцев*” (77, 59-60), чтобы стабилизировать монголов и тибетцев. Поэтому ламы рассматривались цинским двором как чиновники на императорской службе, обязанности которых были расписаны в Постановлениях “О духовенстве ламского исповедания” в “Уложении” Лифаньюань (20, т.2, 177-240). В соответствии с “Уложением”, Управление составляло списки лам по следующим группам: ламы проживавшие в столице и в Маньчжурии; живущие в приграничных районах Ганьсу и Сычуани; ламы Северной и Южной Монголии; ламы, проживавшие в Тибете, выплачивало жалованье высшему духовенству Монголии (настоятелям монастырей), определяло порядок приезда ко двору с местными дарами раз в год. Так, ламы монастырей на горе Утайшань должны были присылать ко двору грибы (20, т.2, 187-199). “Уложение” предусматривало особо почтительное обращение с буддийскими иерархами Тибета (Далай-ламой, Панчен-ламой) и Монголии (Джебзун дамба хутухта). Новшеством “Уложения” 1818 г. был введенный порядок избрания “перерожденцев” (*хутухт*) Монголии и Тибета во избежание распрей среди сторонников того или иного кандидата (20, т.2, 205-206). В переводе Н.Я.Бичурина избрание кандидатов

---

¹¹ - Этот титул был дарован императору Фулиню (девиз правления Шуньчжи) Далай-ламой V в 1653 г. во время пребывания в Пекине, в обмен на титул, дарованный императором Далай-ламе, “*Наиблагий самосуществующий будда Западного края, управляющий делами буддийского учения во всей Поднебесной, всепроникающий громовой скипетр, подобный океану лама*” (77,119).

происходило по следующим правилам: *“О выборе хутухт в Уложении Палаты Внешних Сношений (отрывок из “Уложения” Лифаньюань 1818 г. – Н.С.) сказано: да будет известно всем монголам и прочим народам, исповедующим ламайскую веру, что имеющие право доносить о смерти какого-либо хутухты с объявлением места его возрождения отнюдь не должны указывать на родившихся в то время детей мужского пола как в семействах, соединенных родством с Далай-ламами или Баньченем-эрдэни, так и на сыновей и внуков монгольских князей и тайцзи, управляющих дивизиями, в противном случае подвергаются за сие строжайшей ответственности. Дозволяется только указывать на сие строжайшей ответственности. Дозволяется только указывать на сыновей тайцзи, которые никаких общественных должностей не отправляют, или на сыновей простых монголов и тунгутов и объявить, что умерший возродился или сделался хубилганом в таком-то семействе”* (1,383). Управление состояло из 25 человек (143,147).

4. Управление по приему владельцев Внешней Монголии (жоуюань сы) было создано в 1661 году, состояло из 21 чиновника, и занималось делами высшей знати Северной Монголии в ранге *цинъван*, *цзюньван*, *бэйлэ*, *бэйсэ*, а также императорскими зятями *эфу* из их числа; определяло порядок приезда князей (ежегодно) и лам (раз в пять лет) ко двору и устройство аудиенции. В целом, круг обязанностей этого управления схож с обязанностями Управления по приему владельцев Внутренней Монголии. В “Лифаньюань цзэли” (35 цзюань *тунли*, 25) прописано, что *“[Управление] жоуюань сы направляет новых чиновников [на места] выслуживших срочную службу в Ургу, Кяхту, Тибет, Синин, Улясутай, Кобдо”* с уточнением, что *“три [чиновника в ранге] линцуй направляются к ургинскому баньши дачэню [заниматься] делами торгового народа, по одному [чиновнику] линцуй направлять в ургинский ямэн заниматься*

делами канцелярии, другого направлять в Кяхтинский ямэн, всех сменять раз в три года. [Кяхтинский линцуй] сопровождает вместе с одним битеши караван с российскими ламами - учениками (т.е. студентами Православной миссии в Пекине- Н.С.), [который следует] раз в 10 лет от Кяхты до Пекина и обратно (35, цзюань тунли, 25).

Обязанности, связанные с тибетскими делами до 1757 г., также находились в ведении этого управления наряду с “Управлением Внешней Монголии и Джунгарии” (139,358). Управление определяло размеры жалованья министрам (*калунам*) Тибетского правительства (*кашага*) и ламам (членам *кашага*). По сведениям, приводимым Я Ханьчжаном, в конце XVIII в. связи с подчинением Тибета Цинскому правительству было “создано ещё три приказа (*ши у*): приказ по делам непальских гурков, приказ по делам ойратов, приказ по тибетским делам”(95, 358).

5. Управление Восточного Туркестана (*лайюань сы*) учреждено в 1761 году после завоевания Восточного Туркестана в конце 50-х гг. XVIII в., и занималось делами мусульманских народов и *фаньцев* из тибетской области Кам (область Цзиньчунь на севере провинции Сычуань), которые административно не подчинялись Далай-ламе и Панчен-ламе. Чжан Дэцзэ добавляет, что управлением этой областью (Цзиньчуань) осуществлялось совместно с Военным министерством *Бинбу* (143, 152). Вероятно, это объяснялось тем, что население Цзиньчуани оказало упорное сопротивление цинским войскам и, фактически, в течение 5 лет цинские войска не могли подчинить население этой области¹². После подавления, фаньцам области Кам полагалось привозить дань раз в 6 лет. Чиновники Управления принимали ежегодные отчеты императорских наместников “в Илийской, Тарбагатайской областях” о количестве возведенных в

чиновничий ранг офицеров из монгольских знамен и беков из местного населения, сведения о временно и на постоянно прикочевавших и откочевавших родах и семействах, количестве вернувшихся пленных и перебежчиков, сведения о закупке скота у казахов, подарках наместникам от торгутов (20, т.1,73). Управление командировала одного из своих чиновников на 3 года в канцелярию илийского *цзянцзюня* в качестве помощника.

Управление ведало вопросами приема владетелей из 6 городов Восточного Туркестана (Кашгара, Яркенда, Аксу, Хотанан, Куча). Им полагалось раз в 6 лет приезжать на аудиенцию в Пекин (1,310). Дань, привозимая ими, состояла в золоте, кишмише, нефрите. Посольства препровождались в Пекин в сопровождении военного эскорта, предоставляемого илийским *цзянцзюнем*.

6. Управление Судебных дел было образовано в 1661 г., в штате было 17 человек. Управление ведало всеми судебно-уголовными делами на вассальных землях на основе статей специального “Уголовного уложения”, входившего в состав “*Лифаньюань цзэли*” (20, т.2, 75-175) и предусмотренного для внешних вассалов. Китайцев, замешанных в преступлении на фаньских окраинах, препровождали во “внутренние провинции” Китая, где их судили по статьям “Уложения Палаты Уголовной” (*Синбу цзэли*) и их дела не рассматривались в Лифаньюань Отдельно существовали “Мусульманские уложения” со статьями уголовных наказаний и “Уголовный кодекса для жителей округа Синин” с подробным перечнем штрафов и наказаний за различные преступления (124, 288).

Уголовное законодательство “*Лифаньюань цзэли*” для монголов основывалось на “Монгольских уложениях”, принятыми маньчжурами в

---

¹² - Этот эпизод более подробно описан в биографии Баньди, в Приложении.

разные годы, таких как “Цааджин бичиг” 1696 г. первый официальный свод маньчжурских законов для монголов, подготовленный в Лифаньюань (22,8). 112 статей из 152 статей “Цааджин бичиг” вошли в состав “*Лифаньюань цзэли*” 1789 г. (21,13 и 22,9). Статьи более позднего сборника монгольских законов “Халха Джирум”, состоящие из 24 законоположений, принятых на съездах (сеймах) монгольских князей Северной Монголии с 1709 по 1770 гг. затем также с некоторой корректировкой вошли в Уложение Лифаньюань.

Многие статьи, вошедшие в состав “Халха-Джирум”, по мнению С.Д.Дылыкова, принимались на сеймах для того, чтобы помогать внедрять законы “*Лифаньюань цзэли*” и распространять новое судопроизводство во всех аймаках Северной Монголии (62, 121-122), так как статьи “Халха-Джирум” более доходчиво расписывали новые положения “*Лифаньюань цзэли*” для сеймовых старшин. Исходя из этого тезиса можно предположить, что чиновники Управления Судебных дел с помощью наместников в Монголии инициировали принятие тех или иных положений для адаптации законов, уже прописанных в “*Лифаньюань цзэли*”. Это предположение подтверждает следующий отрывок из Закона 1746 г. из “Халха-Джирум”, принятого на съезде в Урге при участии Дзасакту хана, Цэцэн-хана, председателя сейма *да циньвана* Дэчинджаба, *циньвана* Эринчиндорджи, помощника *цзяньцзюня* Шицзы, трех секретарей *цзяньцзюня* в ранге *циньвана*, *бэйлэ* и *гуна*. Завершающая статья этого закона предписывала “*Кроме того, договорились впредь по всем другим делам руководствоваться государевым уложением всех четырех аймаках в одинаковой мере*” (19,43). Напомним, что при сеймовых обсуждениях обычно присутствовал чиновник Лифаньюань. По мнению исследователей истории Монголии, многие судебные дела в Монголии вплоть до 1919 г., а в Шабинском ведомстве ургинского Богдо-гэгэна до 1925 г., решались в основном по законам “Халха-Джирум” и “Их цааз” (22,13).

Сравнение монгольских законов первого и второго вариантов “*Лифаньюань цзэли*” (1789 и 1818 гг.) позволило С.Д.Дылыкову прийти к выводу, что “*отличительной особенностью [второго варианта] стало ужесточение системы наказаний*”(62, 121-122): появились наказания за преступления против религии, монастырям запрещалось иметь больше лам, чем положено по штату, утвержденному в Лифаньюань. Этот же вывод был сделан А.В.Поповым, что многие законы были ужесточены по сравнению с положениями предыдущих изданий “Уложения” Лифаньюань. Например, ужесточены наказания за самовольную распашку пастбищ в Монголии, переработке подверглись законы о составлении в Монголии подушных списков рекрутов, установлены более строгие наказания за утайку и самовольную продажу князьям и чиновникам рекрутов, подлежащих ежегодной воинской переписи (90, 207). Что, в общем, отражает ужесточение цинского законодательства в управлении Монголией.

Представитель Управления Судебных дел обычно состоял в штате цинских наместников в Монголии и Тибете, где на месте проводились судебные расследования. В Палату докладывали лишь о самых серьезных преступлениях, которые затем рассматривались совместно с Ревизионной Палатой (*Далисы*), Цензоратом (*Дучаюань*) и Министерством наказаний (*Синбу*).

Такова краткая характеристика основных Управлений Лифаньюань, которые представляли основные направления деятельности Палаты на подведомственных территориях и имели свои функциональные обязанности, прописанные в “*Лифаньюань цзэли*”. В помощь этим Управлениям также существовали вспомогательные службы (143, 155-160), обеспечивавшие функционирование Лифаньюань:

1) Канцелярия и Архив вели регистрацию всей корреспонденции, отвечали за хранение документации и печати Палаты. Согласно ведомственным

инструкциям, чиновникам Лифаньюань полагалось устанавливать круглосуточное дежурство для приема и обработки документов.

- 2) **Казначейство и Контрольное отделение** вели контроль за расходованием финансов Палаты, выдавали “столовые” деньги для прибывших в столицу на высочайшую аудиенцию, выдавали жалование владетельных князьям и прочим чиновникам, ответные дары от имени императора серебром и тканью. Отчет по расходованию серебра и ткани составлялся ежемесячно.
- 3) **Маньчжурское переводческое отделение** осуществляло перевод на маньчжурский всей документации, редактирование докладов трону (*цзоу чжэ*) и других документов, подготовленных в Лифаньюань. Так, грамота, привезенная Е. Перфильевым и С. Аблиным в 1660 г., имела следующую пометку Палаты, характерную для китаецентристского отношения к вассалам: “*В грамоте белый царь не соблюдает нашего календаря, многие выражения непочтительны*” (14,110). А грамота, привезенная Н.Г. Спафарием в 1676 г. для императора от русского царя и переданная в Лифаньюань, после перевода на маньчжурский язык звучала как “*набор извинений и просьб от низшего к высшему*” (14, 149). Как видно из примеров, все поступавшие документы переводились и редактировались в “соответствующей” манере обращения к императору от данника. Во главе отделения был маньчжур, заместителями назначались три монгола. В функции отделения входило составление личных дел и досье всех сотрудников ведомства, предоставление рекомендации в случае назначения на должность и аудиенции у императора (*иньцзянь*), составление поручений командируемым чиновникам. Палата направляла своих сотрудников либо в составе гарнизонных войск, либо в свиту военного наместника, как правило, в качестве секретаря или делопроизводителя. Такая командировка называлась “*цю пай*” (высочайше назначенная поездка).

- 4) *Монгольское переводческое отделение и китайское переводческое отделение* осуществляли перевод документации на китайский язык и хранение документов. Внутри китайского отделения имелось монгольское переводческое отделение, где документы соответственно переводились на монгольский язык. Во главе отделения стоял маньчжур, заместитель – китаец из числа китайских знаменных войск, 7 писцов маньчжуров и 6 писцов китайцев.
- 5) *Внутреннее и Внешнее подворья* были предназначены для прибывших из “внешних” и “внутренних” хошунов. При каждом подворье состоял чиновник-комендант (*цзянду*), под началом которого состояло 10 чиновников, которые организовывали прием и размещение гостей. Комендантами прикомандировывались служащие шести центральных министерств сроком на год. При каждом подворье стоял отряд охраны и сопровождения из знаменных войск во главе с офицером *дзангином*.
- 6) *Монгольское и тибетское учебные отделения* вели обучение монгольскому и тибетскому языкам. Учащиеся набирались только из состава знаменных войск. Кроме языков студенты изучали географию, историю Тибета и Монголии. При монгольском отделении насчитывалось 24 студента и три преподавателя – профессора в звании *цзяоси* из Академии Ханьлинь, три преподавателя в звании *цзунцай* (одно из высших ученых званий академии Ханьлинь). При тибетском отделении было 48 студентов и два *цзяоси*. Студенты тибетского отделения после изучения тибетского языка по окончании направлялись служить в Лхасский ямэн под началом цинского амбана в Тибете. Эти учебные отделения были прикреплены к Казенному училищу при Дворце Сяньань, где учились дети высших чинов знаменных войск (45,15).
- 7) *Русское подворье* было создано в 1694 г. специально для размещения русских торговых караванов, прибывавших в Пекин в соответствии с

Нерчинском договоре 1689 г. Торговые караваны направлялись периодически, почти через каждые 2-3 года (83, 261). В “Уложении” Лифаньюань были оговорены правила проживания и ведения торговли: *“Отныне, торговые караваны из России составом 200 человек, прибывающие в Пекин, должны останавливаться в Русском подворье. В течение 80 дней разрешается беспошлинная торговля”* (143, 154). Ограничение числа прибывающих с караваном отражало общий подход к регламентации пребывания в императорской столице иноземцев, будь то своих данников, либо иностранных посольств. Например, число свиты монгольских князей тоже ограничивалось, поименные списки заблаговременно подавались через канцелярии наместников в Монголии в Лифаньюань. При Русском подворье, также как и при других подворьях, находился комендант и охрана. При этом подворье было и отделение русского языка, но, по мнению П.С.Попова, *“школа русского языка, также как и школа тибетского языка, существовала на бумаге”* (94, 28).

Учебные отделения Лифаньюань, обучавшие студентов маньчжурскому, монгольскому, тибетскому языкам выполняли очень важную функцию, так как помимо грамоты отпрыски княжеских семей, присланные ко двору, обучались азам делопроизводства, перевода документации на государственные языки Цинской империи. Что было важно в их дальнейшей службе в качестве государственных чиновников по возвращении в кочевья или командировании к канцеляриям наместников. Чиновники Лифаньюань следили за обучением студентов, составляли досье на учеников, наиболее способные и преданные оставлялись для дальнейшей службы в других подразделениях Лифаньюань, из их числа затем подбирались кандидатуры в императорские зятя *эфу*. Это стало частью программы подготовки и “просвещения” монгольских князей в качестве чиновников императора, преобразованию “степной

аристократии”, нравы которой были далеки от идеалов китайской бюрократии.

Другие функции Лифаньюань

В своей деятельности Палата выполняла целый ряд функций внешнеполитического характера. При династии Мин внешние связи, в том числе и с вассальными территориями, контролировались Ведомством церемоний (*Либу*). Видимо, это положение сохраняется и в начале правления династии Цин. Свидетельство тому – совмещение должностей глав *Либу* и *Лифаньюань* до середины XVII века. В обзоре архивных документов династии Цин по управлению вассальными народами и внешним связям из каталогов *Лифаньбу*, хранящихся в 1-ом историческом архиве КНР (34), составителями приведен отрывок из указа императора Фулиня 1661 г. о разграничении деятельности *Либу* и *Лифаньюань*: *“Лифаньюань занимается только делами внешних владений. Задача эта чрезвычайной важности [раньше] находилась в ведении Либу, старый порядок признать несовершенным, в дальнейшем Либу не следует заниматься [этим]. Лифаньюань [будет] управлять делами “внешних” вассалов – князей, бэйлэ, гунов и т.д., делами церемониала, наказаниями за преступления. Задачи эти очень важные. Все чины Лифаньюань установить по общему правилу, как для 6-ти министерств. Шаншу Лифаньюань входит с докладом наравне со [всеми] шаншу министерств по одному церемониалу”* (34, 143). По рангу *Лифаньюань* было определено место после Ведомства работ (*Гунбу*). Однако и *Либу*, и *Лифаньюань* совместно продолжали выполнять функции дипломатических служб Цинской империи. *Либу* полагалось принимать посольства из государств, *“находившихся в восточном и южном направлении от Срединного государства, куда прибывали морскими путями”*, а *Лифаньюань* принимала посольства из *“северных и западных стран, посольства которых*

прибывали сухопутными дорогами” (34,143). Отделение Лифаньюань от Либу в середине XVII века превратило Лифаньюань в самостоятельное ведомство, приравненное к шести министерствам центрального аппарата

По мнению современного китайского исследователя Хэ Юя, *“ни Лифаньюань, ни Либу вместе не представляли единого механизма регулирования внешних сношений, не представляли собой подлинного органа для ведения международных отношений”* (126, 18). Зачастую между этими ведомствами возникала путаница. Известно, что с русскими послами в конце XVII - начале XVIII веков переговоры вели и главы Лифаньюань, и главы Либу. Так, Н.Г. Спафарий в 1676 г. сетовал, что глава Лифаньюань Амухулан переадресовывал его к главе Либу Мала, а на обращения с просьбой о свободном торге *“Амухулан говорил, что де то дело у Малы, а Мала говорил, что де у Амухулана”* (14, 416).

Для понимания специфической деятельности этого учреждения важно знать о степени участия Палаты в выполнении стратегических программ, рассчитанных на захват соседних территорий. Например, в плане Сюань Е (девиз правления Канси) по захвату Приморья, крупный чиновник Палаты Мала, *“специалист по русским делам”*, выполнял ряд поручений особого характера. В 1670 г. он возглавил разведывательный поход в район Нерчинска с целью сбора информации. Его дядя, Никань, был знатоком монгольской политики и в течение многих лет возглавлял Лифаньюань. Чиновники этого ведомства расспрашивали русских купцов, интересовались численностью воинских сил в даурских острогах, активно использовали перебежчиков и засылали шпионов с целью дезинформации. А в период вторжения в Приамурье в 1683 г. руководство операцией было возложено на ряд приближенных к императору лиц: главу Лифаньюань маньчжура Амухуланы, его преемника на этом посту Арани и Мала, уже переведенного в Либу (83, 144).

Материалы и документы по русско-китайским отношениям в XVII-XVIII веках дают обильный фактический материал о деятельности Лифаньюань по сбору информации, разведке, организации хозяйственного обеспечения ударных войск, службы почтовых сообщений на амурских землях, переписке с администрацией Нерчинска, Албазина, засылке шпионов, допросах перебежчиков и т.д. Арани и Мала были в составе маньчжурского посольства на Нерчинских переговорах. Арани выполнял чрезвычайно важные дипломатические и военные задания императора: еще в 1686 г. он был направлен на объединительный съезд халхаских князей, в 1688 г. возглавил миссию в Джунгарию к хану Галдану, чтобы восстановить мирные отношения между ойратами и Халхой, а на самом деле он должен был *“провести глубокую стратегическую разведку в связи с предстоящими военными акциями против Галдана, удержать ойратских ханов от сближения с русскими”* (83, 228). В 1690 г. он же возглавил маньчжуро-монгольскую армию при разгроме хана Галдана (64, 144).

Примечательно, что чиновник Лифаньюань входил в состав Комиссии Сочинения династийной истории в качестве эксперта по монгольским делам (55, 82). Ведь Палата представляла собой своеобразный банк данных о монгольских землях, откуда каждый год поступали отчеты о местных происшествиях: переселение семейств, пленении, торговых караванах, смене тайшей и т.д. Можно предположить, что чиновники Лифаньюань были привлечены к созданию других официальных исторических трудов, например, таких как *фанлюэ* (описания войн), новый вид официальных трудов, возникший в конце XVII века. Известно, что в Лифаньюань была сделана подборка документов о переговорах с русским послом Н.Г. Спафарием, подготовлен *“Журнал осады Алабазина и переговоров с Ф. Головиным в Нерчинске”* (83, 9), позже вошедших в изданное в начале 90-х годов XVII века *“Пиндин лоча фанлюэ”* (Описание усмирения русских). Думается, что и *“Цин чжэн*

пиндин шамо фанлюэ” (Описание государева похода и усмирение населения территории к северу от пустыни), посвященное действиям цинских войск в Халхе и борьбе против монгольского хана Галдана, создавалось не без участия Лифаньюань. Первоначально “описания войн” создавались под эгидой Государственной канцелярии (*Нэйгэ*) (56, 83), к которой прикомандировывались чиновники Лифаньюань (20, т.1, 18).

Таким образом, помимо основных обязанностей по осуществлению административного контроля на вверенных территориях и над родовой знатью, и некоторых других (участие в написании историографических трудов, обучение монгольских князей и т.д.), Палата выполняла ряд специфических задач, выходящих за рамки основных обязанностей, как правило, дипломатического и разведывательного характера.

Все многообразие функций, выполняемых Лифаньюань, можно свести к двум основным группам:

1. *Функции внутривполитического характера* – управление и осуществление административного контроля над вассальными землями (Монголии, Цинхая, Тибета, Синьцзяна) и народами, жившими на этих территориях.

2. *Функции внешнеполитического характера* – поддержание связей с 17 странами, рассматриваемыми в качестве данников и “потенциальных” вассалов. В ведении Лифаньюань находились связи с Россией, Непалом, Бутаном, Сиккимом (34, 143) и другими странами.

Сочетание столь разнородных функций в деятельности одного учреждения являлось, по существу, воплощением в жизнь внешнеполитической доктрины цинского правительства, согласно которой все народы, окружавшие империю, должны были склониться перед авторитетом и властью императора Срединной империи. В 1711 г. император Сюань Е (девиз правления Канси) произнес: *“Теперь картографическое управление доносит: на востоке, вплоть до таких*

районов как Корея, Рюкю, Сиам, а на юге – вплоть до Аннама, на западе, вплоть до Цинхая, урянхайцев и тибетцев, на севере вплоть до Халха, Элутэ, России, а также Хами и мест обитания таких народов как тангуты, и вплоть до земель, где обитают оленеводы и собаководы, от всех этих мест идут на утренний прием государю и приносят дань, стремясь, опережая друг друга, выразить свое чистосердечие.

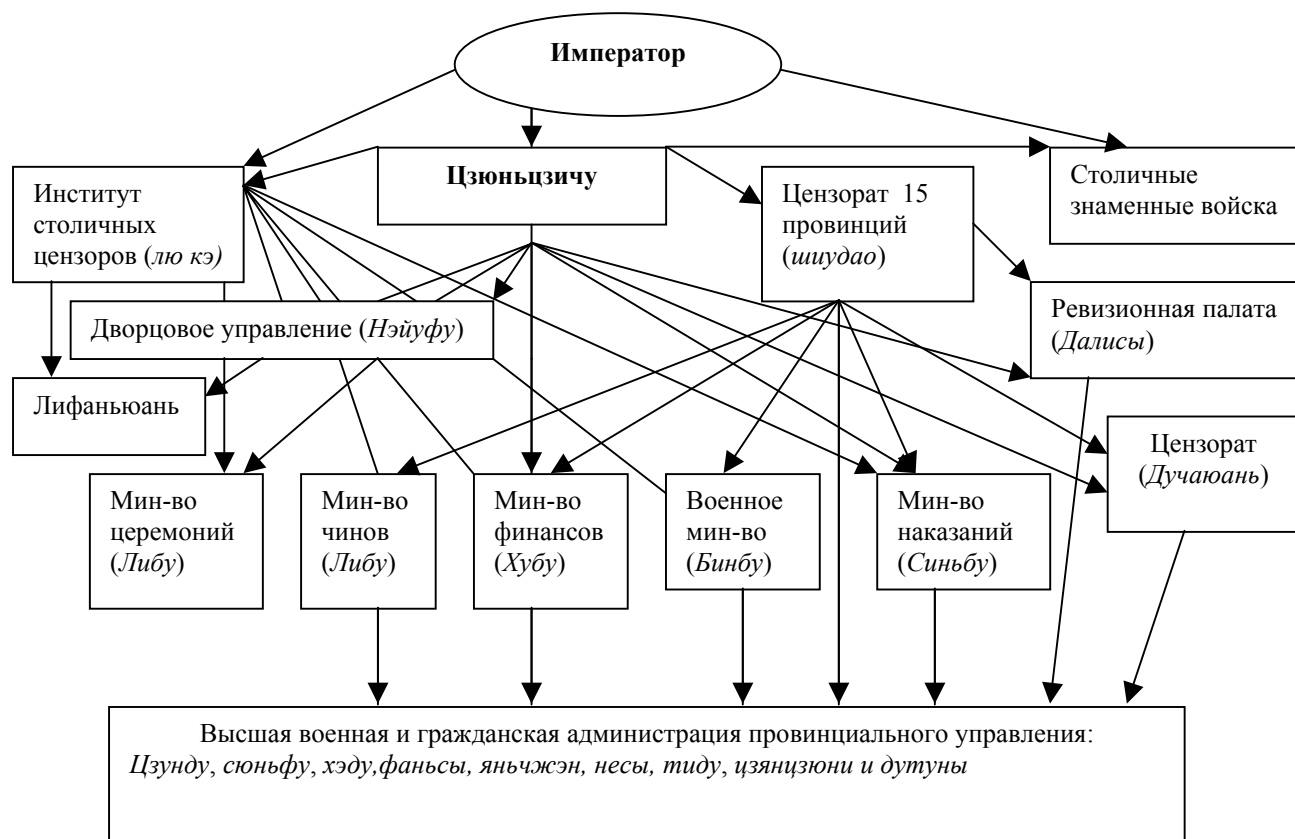
У кого еще имеются просвещение и слава, столь далеко простирающиеся и гремящая громче, чем в эти дни ?!” (16,124).

Стратегическое значение региона, который находился в ведении этого центрального органа, многообразие и важность выполняемых им функций, - все это предопределило особое положение этого ведомства в системе государственных органов центрального подчинения. Формально Палата подчинялась Государственной Канцелярии (*Нэйгэ*), но с ростом авторитета и влияния Военного Совета (*Цзюньцзичу*) важнейшие дела Лифаньюань решались на заседаниях *Цзюньцзичу*. В “Каталоге архивного фонда документов *Цзюньцзичу* на маньчжурском языке” (138) есть материалы, относящиеся к сфере деятельности Палаты, в том числе документы о международных связях Китая и об управлении “малыми народами” – подданными империи, перечни даров императору от иноземных посольств, об управлении почтовыми сообщениями и т.д. В Лифаньюань готовились особые доклады “*цзоу чжэ*” (доклад, сложенный гармошкой) (143, 153), которые без предварительной цензуры шли напрямую к императору - привилегия дарованная ограниченному числу органов государственной власти. Что говорит о том, что Палата находилась под началом Военного Совета и лично императора.

Для наглядного представления места Лифаньюань в системе государственных органов в XVIII веке (период правления императоров Инь Чжэн и Хун Ли) мы воспользовались схемой из работы современного

китайского автора Хэ Юя “Об особенностях центральной власти при династии Цин” (126 ,20).¹³

В целом, деятельность Лифаньюань на подведомственных территориях во многом дублирует деятельность центральных органов империи, сочетая в себе и исполнительные, и законодательные, и контрольные функции. В системе иерархии административных ведомств Лифаньюань отводилось место наравне с шестью министерствами (*лю кэ*). Палата в своей деятельности была тесно связана со всеми центральными ведомствами государственного аппарата. Фактически Палата играла роль 7-го министерства, хотя формальный статус министерства Палата получила лишь в 1906 году. В связи с переменами в традиционной структуре

¹³ - Высшая военная и гражданская администрация провинциального уровня была представлена следующими чинами: *цзунду* - генерал-губернатор, руководивший двумя (один-тремя) провинциями. Под его началом стояли губернаторы *сюньфу*, возглавлявшие провинции *шэн*. Чиновники *несы* заведовали судебными делами, *фаньсы* управляли казной провинции. Далее следовали “провинциальные интенданты”: *цаоду* отвечали за поставку хлеба, чиновник *яньчжэн* управлял соляной монополией, *хэду* – инспектор по укреплению Хуанхэ и по содержанию императорского канала. Военное руководство

государственного аппарата в конце XIX – начале XX вв. некоторые центральные учреждения империи, например, Нэйгэ утратили свои позиции, а Палата свои позиции не только не утратила, но и заметно расширила свои функции, являясь по-прежнему до конца существования империи одним из центральных звеньев администрации.

События XIX века - “Опиумные” войны, насильственное открытие Китая, подписание неравноправных договоров, - все это вынудило цинскую администрацию изменить структуру внешнеполитических ведомств. Созданный в 1861 году *Цзунлиямэнь* (Главное управление по иностранным делам) должен был заключать договора, регулировать таможенные пошлины, посылать и принимать дипломатических представителей, разрешать споры между населением и миссионерами. Создание внешнеполитических служб практически не изменило функции Лифаньюань, Палата по-прежнему *“заведует делами всех монгольских, тибетских и магометанских племен, живущих в Монголии, Тибете и местностях, сопредельных с Тибетом и Синоном”* (45, 134). После переименования Лифаньюань в Лифаньбу в 1906 г. произошли некоторые структурные изменения: в 1911 г. был создан Отдел Конституционных реформ, *“чтобы следить за своевременным проведением конституционных мероприятий в вверенных землях”* (45,41) в период подготовки к переходу к конституционному правлению в Китае. Названия документов в каталоге архивных документов Лифаньбу показывают, что в деятельности Лифаньбу появились новые обязанности: строительство железных дорог на территории Монголии, разработка природных месторождений, наблюдение за миссионерской деятельностью христианских миссий на периферийных землях, арестах участников движения *ихэтуаней* на монгольских землях, деятельности Англии и России в Тибете и т.д. (34, 144).

подразделялось на *тиду* – командующих китайскими “зелеными” знаменами войсками и *цзянцзюней* и *дутунов*, возглавлявших монгольские и маньчжурские знаменные войска.

Итак, к середине XVIII века Лифаньюань как самостоятельное ведомство приравнивалось к шести главным ведомствам (*лю бу*) Цинской империи. По мере укрепления позиций династии Цин в Китае происходили перемены в сфере деятельности данного органа власти. Кроме собственно монгольских земель, в его ведении постепенно оказались и завоеванные цинскими войсками земли Джунгарии, Восточного Туркестана и Тибета, огромной дугой опоясывавшие территорию собственно Китая. Свой окончательный облик как важного государственного учреждения Лифаньюань обретает во второй половине XVIII века, когда Цинская империя после широкой территориальной экспансии достигает наивысшего могущества. В общем виде это учреждение сохраняет свою организационную структуру вплоть до административных реформ в Китае в начале XX века, когда на месте прежних ведомств возникают министерства (*бу*), в том числе и *Лифаньбу*.

Большинство китайских авторов (Чжао Юньтянь, Ма Дачжэн, Ма Жухэн, Фан Баолян и др.) рассматривают роль Лифаньюань в рамках всей системы управления приграничными землями, которые *“составляли от 50 до 60 % всей территории Цинской империи”* (127;135;145). Чжао Юньтянь, автор многих работ по истории приграничных территорий Китая считает, что *“создание Лифаньюань имело большое значение для последующих поколений и ознаменовало собой полное завершение формирования механизма управления приграничными землями в Китае”* (145, 9). Другие, напротив, считают, что именно с создания Лифаньюань цинский двор начал строить систему управления приграничными землями. *“После создания Лифаньюань, центральная власть начала учреждать органы управления, представлявшие центральную власть в городах на приграничных землях. Были созданы: 2 ямына дутунов, семь ямынов цзянцзюней, три ямэна пограничных чиновников в ранге баньши дачэнь, один ямын цзунду (генерал-губернатор), два ямына суньфу, один ямын*

цаньцзан дачэна” (129, 11-12). Эта точка зрения нам более близка, так как она представляет хронологический и, в какой-то мере, эволюционный подход к истории создания цинской модели управления пограничными землями.

Китайские авторы единодушно высоко оценивают роль Лифаньюань. Ряд оценок звучат как “одобрение” политики цинского режима в отношении других народов, создавшего специальное учреждение для управления “малыми народами” (*шаошу миньцзу*), неханьским населением на приграничных землях. Наиболее одиозные считают это выражением покровительства и заботы цинского двора, особенно упоминая об *“оказании помощи бедствующим народам в период неурожая”* (35,230). Для китайской историографии, в целом, характерна националистическая позиция в оценке деятельности Лифаньюань, как вклада Цинской империи в создание “единой китайской нации”. Концепция “единой китайской нации” была методологической базой многих исследований по новой истории Китая в конце 80-х годов (49,51), времени написания большинства работ, в которых затрагивалась история Лифаньюань (126;135;143;144;145;147).

Глава II. Институт наместников в Тибете

Китайско-тибетские отношения до XVIII в., по мнению отечественных и зарубежных исследователей, строились на основе обычной китаецентристской схемы и не выходили за рамки номинального вассалитета (41;77;115). Политика Минского Китая в отношении Тибета была сдержанной и осторожной. Заботясь о безопасности северных границ, которым постоянно угрожали вытесненные из Китая монголы, минские императоры, считавшие себя преемниками Юаней в отношении Тибета, довольствовались спокойствием на китайско-тибетской границе и регулярно принимали посольства от глав различных буддийских сект Тибета. Граница между Минским Китаем и Тибетом не была четко обозначена и существовала в виде пограничной буферной зоны.

Внутриполитическая ситуация в Тибете не была стабильной, страна находилась в состоянии религиозно-политической борьбы различных родовых кланов (Пхагмоду, Цзанба, Ринпунг), в которой принимали участие и соперничающие друг с другом главы различных буддийских сект Тибета. Внешняя политика Тибета носила пассивный характер, но в периоды внутренних кризисов враждовавшие группировки искали политических и военных союзников вне пределов страны: к монгольским князьям чаще обращались за военной помощью, разнообразные “посольства с данью” к минским императорам преследовали в основном торговые цели (42, 303). Китайско-тибетские отношения в конце 70-х г. XVI в. осложнились возникновением религиозно-политического союза между правителем монгольского государства Алтан-ханом тумэтским и главой одной из соперничающих религиозных буддийских сект *гелукпа*. Отношения установились по формуле “лама-милостынедатель”, которая практиковалась в юаньские времена, когда “духовному наставнику” (главе

тибетской секты *сакьяна*) юаньского императора была обеспечена религиозная и политическая власть. Эти отношения были основой протектората династии Юань над Тибетом. Влияние секты *гелукпа*, благодаря покровительству Алтан-хана, быстро распространилось в монгольской среде и стало доминировать как религиозное учение в Северной и Южной Монголии.

Политическое соперничество двух основных религиозных школ *гелукпа* и *кармана* внутри Тибета привело к войне в 40-е г. XVII в. между их последователями. Монголы *хошоуты* во главе с Гуши-ханом, поддерживавшие *гелукпу*, разгромили войска тибетских правителей области Цзан, покровительствовавших *карману*, захватили Куку-нор (Цинхай), тибетские области Цзан и Кам. Таким образом, в Тибете была установлена теократия секты *гелукпа* во главе с Далай-ламой V, обеспеченная военной поддержкой и протекторатом *хошоутов* в лице Гуши-хана и его потомков. Хошоутские правители были объявлены “правителями Тибета”, оставаясь правителями обширных областей в Цинхае и Амдо.

В исследованиях А.С.Мартынова, посвященных маньчжуро-тибетским связям, (75;77) говорится, что до начала XVII в. Тибет находился “не только за пределами императорского управления, но, пожалуй, даже за пределами маньчжурских интересов. Китайско-тибетская граница с реально-политической точки зрения гораздо больше напоминала межгосударственную, чем внутригосударственную границу” (76,155).

Отношения Тибета с будущими правителями Китая (маньчжурами) начались еще до того, как династии Цин стала всекитайской. Гуши-хан и Далай-лама V установили отношения с маньчжурским двором еще при Абахае, и поддерживали эти отношения при его преемнике императоре Фулине (1644-1661). Цинские императоры сделали уникальное исключение

из доктрины универсальной монархии, признав особый статус Далай-ламы как политического лидера тибетцев и духовного лидера монголов. Император Фулин так объяснил цель приглашения Далай-ламы V в Пекин “...*Халха все еще не подчинилась [нашей империи], так как чужеземцы-монголы прислушиваются только к словам ламы*” (7,1, с. 126). Авторитет Далай-ламы V на монгольских князях был столь велик, что мог быть использован как стабилизирующий и умиротворяющий фактором в монгольской среде. Поэтому Далай-лама был важен для цинских дипломатов и военачальников, прежде всего, в связи с их задачей укрепления контроля над Северной Монголией и войне с Джунгарским ханством. Во внутритибетской политике цины должны были обеспечить политическое лидерство Далай-ламы и стабильную “процинскую” ориентацию в Тибете.

2.1. Первые эмиссары цинского двора в Тибете

Первое проявление внимания цинского двора к внутритибетским делам относится к началу XVIII в.

Внутри Тибета к концу XVII в. – началу XVIII усиливалось внутреннее напряжение, тибетские лидеры хотели покончить с *хошоутским* правлением. После смерти Гуши-хана в 1654 году, его потомки (поочередно Даян-хан, Далай-хан, Лхабзан-хан) ограничились лишь военным присутствием *хошоутов* в Тибете, а гражданская власть в помощь Далай-ламе V в управлении была вверена в руки *диба* (помощника в гражданском управлении). В 1674 году обязанности *диба* стал исполнять Саньчже Чжамсо, известный тем, что в течение 15 лет скрывал смерть Далай-ламы V. Будучи регентом, он сконцентрировал в своих руках реальную власть над Тибетом и хотел стать единовластным правителем Тибета, изгнав главу *хошоутов* Лхабзан-хана. Потомок Гуши-хана Лхабзан-хан в 1705 году в результате вооруженного конфликта убил *диба*

Саньчже Чжамцо и низверг Далай-ламу VI Цаньян Чжамцо, обвинив его в неподобающем для монаха поведении. Хошоуты восстановили свое полное господство в Тибете. К этому времени (1706 г.) относится первый приезд цинских посланников *тунлина* Си Чжу и *сюеши* Шиланя, отправленных в Тибет императором Сюань Е, чтобы разобраться во внутритибетских событиях: убийстве регента Саньчже Чжамцо, изгнание Далай-ламы VI (Цаньян Чжамцо), полномочном воцарении хошоутского Лхабзан-хана, который считался давним подданным маньчжурского трона (33, ч.1,6). В императорском послании рекомендовалось сместить Далай-ламу VI и выслать его в Пекин (122, 79). Лхабзан хан последовал этому совету и конвоировал его в Куку-нор, где он исчез при тайных обстоятельствах. Эту рекомендацию можно рассматривать как одно из первых проявлений вмешательства цинского двора по избавлению от Далай-ламы с сомнительной репутацией.

Дальнейшие политические события в Тибете (волнения в Цинхае и Тибете в связи с интронизацией в качестве Далай-ламы VI ставленника Лхабзан хана¹⁴) потребовали направления в 1708 г. следующего посланника цинского двора. В 1709 году в Тибет направились *Нэйгэ сюеши* Ладухунь, которому император Сюань Е приказал, чтобы он “*вместе с цинхайскими тайчжи в присутствии Лхабзан-хана выяснил, действительно ли найден истинный перерожденец Далай-лама VI*” (141, 4). Император Сюань Е, прочитав доклад Ладухуня, выразил неудовольствие по поводу того, как Лхабзан-хан управляет Тибетом, “*непрерывно ссорясь с цинхайскими тайчжи*” (141, 4) и направил в 1709 г. следующего (третьего) посланника *шилана* Лифаньюань маньчжура Хэшоу. В указе императора было сказано: “*Непозволительно, чтобы Лхабзан-хан один [занимался] управлением Тибета, следует направить одного чиновника в Тибет совместно [с] Лхабзан-ханом управлять делами. Повелеваю направить шилана Хэшоу*

управлять тибетскими делами” (36, цзюань 236, л.18).

В тексте указа новое назначение Хэшоу звучит как “управляющий тибетскими делами” (*гуаньли Сицзан шиу чжэ*). Исследователи тибетской истории (китайские и зарубежные) считают, что именно Хэшоу “*был первым, после которого начали специально посылать сановников в Тибет для несения службы*” (33, 64; 114,16). Записью о деяниях Хэшоу начинается “Хроника великих деяний амбаней в Тибете в период правления династии Цин” (30). По мнению китайского историка Цзян Гоцина, отправка Хэшоу в Тибет была связана с более ответственным поручением в сравнении с задачами предыдущих посланцев. Его задача состояла в том, чтобы “*управлять тибетскими делами*”, в то время как задачи предыдущих посланцев ограничивались лишь тем, чтобы “*помочь Лхабзан-хану в управлении*”. Такого же мнения придерживается и Л. Петех: “*Задача Хэшоу состояла в том, чтобы помочь Лхабзан-хану навести порядок в Тибете и составить карту всех земель, подчиненных непосредственно Далай-ламе*” (114,15).

Но миссия Хэшоу не была результативной, так как Хэшоу, без военной поддержки цинских войск, был полностью зависим от Лхабзан-хана и миссия по “соуправлению” провалилась (41,153). Хэшоу был отозван назад, так как на тот момент обстановка в Тибете на какое-то время стабилизировалась. Основной вывод, императорского двора можно сформулировать в следующем виде: присутствие императорских эмиссаров и их участие в тибетских делах через посредников (хошоутских правителей) игнорировалось без военного обеспечения.

Следующие эмиссары цинского двора прибывали в Тибет для выполнения своей миссии уже сопровождении значительной военной силы.

Политические события в треугольнике маньчжуро-тибетско-

---

¹⁴ - Как слышал Г.Цыбилов, это был сын Лхабзан-хана (23, 118-373).

монгольских отношений в 10 и 20-е гг. XVIII в. происходили очень интенсивно. Джунгарское ханство, переживавшее период своего политического и военного расцвета, во главе с Цэван-Рабданом успешно вело военные действия против цинских войск и имело притязания на захват не только Северной Монголии, но и Тибета. Частые распри и войны тибетцев друг с другом с привлечением войск соперничающих джунгарских и хошоутских родов показывали, что хошоутский правитель Тибета Лхабзан-хан уже не может контролировать ситуацию в Тибете. В 1717 г. джунгары захватили Тибет и Лхасу, изгнали Лхавзан хана и хошоутские войска. Период более чем 70-летнего хошоутского протектората в Тибете был завершен, а вопрос с Далай-ламой оставался открытым: ставленник Лхабзан-хана был убит, трон Далай-ламы оставался незанятым, монголы и тибетцы хотели обрести нового духовного лидера.

В этих условиях цинский двор делает ставку на нового претендента, известного как гумбумский *хубилган*, пользовавшегося доверием кукунорских монголов (122, 50). Поэтому новая политика цинского двора в отношении Тибета была ориентирована на усиление своих позиций через нового Далай-ламу. В императорском эдикте от 1719 г. император Сюань Е дает следующее предписание: *“Видя такое положение дел, легко прийти к заключению [как следует поступить]. Что касается нового перерожденца, то ему следует даровать титул Далай-ламы и вручить ему диплом и печать. На следующий год, когда появится зеленая трава, нужно сопроводить его в Тибет и приказать ему занять трон Далай-ламы”* (цит. по 115,167). Доставка Далай-ламы в Тибет планировалась как ширококомасштабная военная акция с привлечением кукунорских монголов против джунгаров, монгольских князей Южной и Северной Монголии. Используя предлог возвращения нового Далай-ламы, установить с помощью монголов цинский протекторат над Тибетом.

Следующая миссия цинского двора под предлогом возвращения

реинкарнции Далай-ламы в сопровождении армии из знаменных войск и тибетского ополчения была удачной. Хроника “Пагсам-джонсан” отразила данное событие: “...кукунорские и китайские генералы вместе с войсками в гош железной мыши (1720 г.) привезли из Гумбума в тибетский Уй далай-ламу Галсан-Чжамцо, и с того времени Китай подчинил своей власти Тибет. Шан-Кханченпу (т.е. Канченнас) назначили правителем, в результате чего на протяжении 7 лет в Цзане и Уй сохранялся мир” (11,49). Джунгары, проиграв в военной кампании цинам, ушли из Тибета в Джунгарию. Трехлетний джунгарский протекторат был сменен цинским протекторатом.

После интронизации гумбумского хубилгана в качестве Далай-ламы VII, цинские представители в 1721 г. начали первые преобразования в управлении Тибетом. Должность регента *диба* была упразднена, как узурпирующая власть в руках одного человека. А в помощь Далай-ламе в управлении страной, было создано постоянное правительство *кашаг*, состоящее из одних тибетцев. В *кашаге* состояли 4 министра *калона*: Канченнас, Наподба, Лумпанас и Бьярраба, представлявшие разные области Тибета и, соответственно, региональные кланы. В Лхасе был поставлен военный китайский гарнизон, командир которого должен был контролировать правительство и вмешиваться в случае необходимости. Но он вскоре был отозван, т.к. после смерти императора Сюань Е, новый император Бинь Чжэн, хотел сократить государственные расходы из-за постоянных военных действий с Джунгарским ханством.

В период административных преобразований и изменения границ в Тибете с 1723 году по 1725 году с войсками побывали член Государственной канцелярии (*Нэйгэ сюеши*) Орай, в то время одновременно совмещавший пост помощника министра (*шилана*) Либу. В 1723 году император Инь Чжэн, в первый год вступления на престол, издал указ: “Ланчжуна [ведомства] Лифаньюань Орая ввести в состав

Государственной канцелярии, назначить его шиланом в Либу и направить на службу в Тибет”(140,156). Целью его миссии было огласить императорские указы о составе *кашага* и введении в его состав Полханаса. Вслед за ним в 1724 г. в Тибет прибыл генерал Баньди, возглавивший карательный поход в Тибет вместе с генералами Оци и Чжоу Инь, чтобы локализовать размах антицинского восстания хошоутского князя из Кукунора Лубсан Данзана¹⁵ в Цинхае и Амдо, закрыть пути его возможного отступления и бегства в Тибет (4,50). Баньди вместе с Ораем начали организацию обороны, чтобы обезопасить рубежи от вторжения джунгаров: выставил пикеты на дорогах, ведущих в Тибет с севера из Цинхая, с востока из Ганьсу, стали организовывать регулярные караулы.

Годом позже член Нэйгэ Баньди и генерал Эци были вновь отправлены в Тибет, чтобы огласить решение императора о новых границах Тибета. Прибытие Баньди в Лхасу было записано в тибетских хрониках (115,92). В 1725 г. территория Амдо (Северо-восточный Тибет) была передана в управление сининскому амбаню. Часть Восточного Тибета (Кам) была передана под контроль сычуаньского губернатора. (122, 57).

Другой секретной стороной миссии Баньди было разобраться в доносах и жалобах членов *кашага* друг на друга, поступавших на имя императора. Выслушав всех членов *кашага*, Баньди рекомендовал им добиться компромисса, однако цинская сторона явно предпочитала Канченнаса. В 1727 г. он был пожалован китайским титулом *цзунли* главой

---

¹⁵ Лубсан-Данзан – возглавил антимагьжурское восстание, длившееся с 1722 по 1725 гг. Хошоуты, после оказания помощи в интронизации Далай-ламы VII, ожидали восстановления хошоутского протектората над Тибетом. Поводом к восстанию послужило столкновение между цинскими чиновниками и кукунорскими монгольскими князьями во время интронизации Далай-ламы VII в Лхасе. Монгольские князья были оскорблены неучтивым поведением чиновников, прикуривавших от огня священных светильников (52, 101). К восставшим примкнули 200 тыс. тибетцев, в ходе восстания в Цинхае были изгнана цинская администрация, китайское население вырезано, и восстановлено местное самоуправление. Император Юнь Чжэн выдвинул огромную армию в карательный поход, которая в течение года творила суд и расправу (11, 138).

кашага, что обидело других министров (115, 94-95). Назревал новый политический конфликт внутри Тибета, грозивший существованию китайского протектората. Местная форма тибетского самоуправления в виде *кашага* также как и власть регента *дибы* (более ранняя форма управления Тибетом) не обеспечивали эффективного управления страной. Далай-лама был юн и находился под влиянием своего отца, Соднома Доргая, представлявшего религиозные интересы в *кашаге*. Цинская сторона задумала по рекомендациям Баньди и генерала Эци заменить членов *кашага* на других. Поисками других кандидатов должны были заняться новые посланцы императора, прибывшие в Тибет в 1727 г., Мала и Сэнгэ, которых цинские источники и китайская историография рассматривают в качестве первых амбаней в Тибете.

По подсчетам китайских историков Цзэн Гоцина и У Фэнпэя, “до того как в 1727 году была официально учреждена должность амбана в Тибете, цинское правительство 5 раз направляло чиновников (всего 7 человек) в разное время для регулирования дел” (141,4). Я Ханьчжан, говоря об этом периоде, подчеркивает разовость поручений и их конкретный характер, когда посланник не имел никаких полномочий, кроме как вникнуть в суть запутанных тибетских событий, человеческих отношений, выслушать участников конфликта и доложить информацию трону: “Обычно чиновник Лифаньюань приезжал с поручением и после завершения [миссии] возвращался в Пекин докладывать об исполнении” (139, 358). Период первых эмиссаров цинского двора, примерно 1706 – 1727 гг., занял довольно продолжительное время, около 20 лет, что связано, в первую очередь, с поиском оптимальной формы присутствия и обеспечения своих интересов цинским двором. Результатом этого периода стало окончательное установление цинского протектората после длительного хошоутского и кратковременного джунгарского протектората.

В рамках укрепления китайского протектората цинские эмиссары отказались от формы управления с Тибетом с помощью регента *диба*, как чрезмерно узурпирующей власть. Новая форма управления делами Тибета с помощью *кашага* была признана несовершенной, из-за соперничества *калонов* и сильной зависимости Далай-ламы от своих родственников. Сам Далай-лама был слишком молод и мог быть подвержен влияниям разных тибетских кланов. Стало необходимым найти новую форму поддержки цинского протектората, совершенствовать систему *калонов* и статуса Далай-ламы, по возможности, обезопасить рубежи Тибета от возможного вторжения джунгаров путем строительства пикетов, застав, службы почтового сообщения между отдаленными районами Тибета. Передача некоторых пограничных районов Тибета, граничащих китайскими землями (провинциями Сычуань, Ганьсу, Цинхаем), в ведение губернаторов внутренних провинций, как раз свидетельствует об укреплении Тибета как пограничной “буферной” зоны под управлением местных старшин-чиновников, назначаемых китайским императором.

2.2. Становление института амбаней в Тибете и функции амбаней

Институт амбаней в Тибете возник не сразу и его оформление можно условно отнести к первой четверти XVIII века, что напрямую было связано с установлением китайского протектората и изменениями цинской политики в Тибете.

Й.Колмаш характеризует этот период следующим образом: “*В период правления императора Юнчжэна (1723–1735 гг.) китайско-тибетские отношения претерпели значительные изменения из-за серьезных финансовых трудностей с китайской стороны. В 1723 году китайские войска были выведены из Тибета. Это усугубило междоусобные распри, которые вылились в гражданскую войну, длившуюся более 2-х лет (1727-1728). Центральные власти обнаружили, что их контроль над*

Восточным Тибетом, установленный в 1720 году, стал неэффективным. В 1727 году было проведено разграничение между китайской провинцией Сычуань и Тибетом по водоразделу рек Янцзэ и Меконг. Часть тибетских земель к востоку от водораздела отошла под администрирование местных правителей под надзором Сычуаньских властей. Земли к западу от водораздела остались под юрисдикцией Лхасы. Так была проведена первая реформа тибетских земель” (113, 41-42). И так, Й.Колмаш объясняет изменения этой политики финансовыми затруднениями. Едва ли присутствие или отсутствие гарнизона цинских войск в Тибете могло разрешить конфликт, причина которого находилась в соперничестве тибетских региональных кланов. Войска могли служить лишь быстрому подавлению конфликта и осуществлению репрессивных мер.

Очередной внутритибетский кризис потребовал срочного военного вмешательства цинских войск. Убийство в 1728 г. *калонами* Канченнаса очень не понравилось цинскому двору, т.к. они лишились ключевой фигуры, обеспечивавшей “процинскую” ориентацию” в деятельности *кашага*. С другой стороны, объединение *калонов* против Канчаннаса показало, что не вся тибетская аристократия вступила на путь сотрудничества с Цинами, что население в любой момент готово поддержать антицинские настроения (42,187).

Сторонник Канченнаса, Полханас возглавил тибетское ополчение Западного Тибета, интересы которого он представлял в кашаге, вместе с родственниками убитого Канченнаса. Начиная с 1727 г., началась затяжная гражданская война между тибетскими кланами, которая с временными перемириями сторон продолжалась в течение нескольких лет. Напомним, что с 1728 г. в Тибете находились императорские посланцы Мала и Сэнгэ, ставшие свидетелями гражданской войны.

В “Хронике великих деяний амбаней” (30) в переписке императорских чиновников и императорского двора, посвященной

беспорядкам в Тибете, мы обращали внимание на формулировки названий должностей чиновников, находящихся в это время в Тибете.

В 1728 г. сычуаньский губернатор Юэ Чжунци сообщил в Пекин: “[Императорский] сановник (кит.чжу цзан дачэнь – Н.С.) Сэнгэ и Мала во дворце Потала охраняют Далай-ламу” (30;10). В этом тексте впервые упомянута формулировка “[императорский] сановник дачэнь в Тибете” (чжу Цзан дачэнь). Мала и Сэнгэ, будучи без войск, не могли вмешиваться в события, и просили императора прислать войска для ликвидации беспорядков (30,10).

Чтобы положить конец многолетней гражданской войне в Тибете, китайские войска вновь вошли в Тибет в 1728 г. числом 15 тыс. человек, и контроль за местными властями был передан главнокомандующему армией. Шаншу Либу Чжаланга в донесении писал: “Я, возглавив войска, 6 числа 5 месяца вышел из Синина, и к 1 дню 8 месяца дошел до Тибета. Там я встретился с находившимися в Тибете фудутунном Мала и сюеши Сэнгэ, и вместе с ними учинил допрос Бьярраба, Лумпанаса и Чжа-эр-дина...” (30;10). В тексте этого донесения название должности “чжу цзан дачэнь” (императорский сановник в Тибете) отсутствует.

В 1729 году (7-ой год правления под девизом Юнчжэн) император издал указ: “Приказываю Военному ведомству. Фудутуну Мала остаться в Литане, [чтобы] вместе с Дин Гэчжао сопровождать Далай-ламу”. В том же году, император ещё раз написал: “...фудутуну Мала остаться в Тибете. В решении дел [касаемых] Тибета, Мала и Сэнгэ - главные, а Майлу и Бао Цзиньчжун помогают [им]” (30;10-11).

Как видно из приведенных примеров, императорские указы при упоминании Мала и Сэнгэ формулировали их цель - остаться в Тибете, а употребление формулировки “[императорский] сановник дачэнь в Тибете” относится к определению должности Сэнгэ, в то время имевшего должность *Нэйгэ сюеши* (30,11).

По мнению Я Ханьчжана, именно такое обозначение “чжуцзан дачэнь” стало названием новой должности. “В это время, в действительности, Мала и Сэнгэ уже исполняли обязанности “чжуцзан дачэнь” дачэнь в Тибете. Следовательно, официальное учреждение должности, в конце концов, произошло в 1729 году. Это требует ещё более глубокого исследования. Очевидно, первые амбани в Тибете (чжуцзан дачэнь) были Мала и Сэнгэ. И это несомненно” (139,359). Точка зрения автора ясна, он считает, что эта должность получила официальный статус в 1729 году, а Мала и Сэнгэ стали первыми чжуцзан дачэнь - императорскими сановниками в Тибете. В сборнике цинских биографий “Кратких биографий цинских амбаней в Тибете” (38), и ряде специальных китайских исследований “Образование и эволюция института амбаней в Тибете” (141), “Амбани Тибета периода правления династии Цин” (132), списки амбаней также начинаются с имен и биографий Мала и Сэнгэ.

Мы же решили определение “[императорский] сановник в Тибете” переводить применительно к новой должности как “амбань в Тибете”, т.к. в российской историографии традиционно сановника *дачэня* привыкли называть “амбань”.¹⁶ Многие путешественники давали разные определения этим чиновникам, которые, в целом, отражали суть исполняемых ими функций. Ю.Н. Рерих называл их “пограничные комиссары” (12, 59), П.К. Козлов назвал их “политические агенты” (69, 14), В. Рокхиль называл их “посредниками между Пекинским и Лхасским двором” (117, 54).

---

¹⁶ - “Амбань” - слово маньчжурского происхождения. В терминологическом словаре сборника “Русско-китайские отношения в XVIII веке” (17,650) приводятся различные варианты этого слова. *Асхань, аскамба, амбань* означают звание “член Государственной канцелярии” (*Нэйгэ да сюеши*).

В Большом академическом монголо-русском словаре (44) дано следующее определение: “**амбан (амбас)** – слово маньчжурского происхождения 1) ист. *амбань* – представитель маньчжурского правительства в городах Урга, Улясутай, Кобдо дореволюционной Монголии); *манж амбан* маньчжурский амбань; *Улиастайн амбан* улясутайский амбань; *Ховдын амбан* кобдоский амбань; *Хурэний амбан* ургинский амбань; 2) вельможа, сановник, губернатор; 3) министр; 4) генерал”. В Монголии зачастую амбанем называли любого важного китайского сановника.

Г.Ричардсон, не вдаваясь в обсуждение названия должности, больше обращает внимание на их обязанности. *“В этот период произошло окончательное становление института китайских амбаней с постоянно дислоцированным войском в 2 тыс. солдат в Лхасе. В то время амбани были не более чем наблюдатели, обязанные сообщать в Пекин о событиях, происходящих в Лхасе”* (116, 52).

В китайской историографии, возникновение термина “институт амбаней в Тибете” (*чжуцзан дачэнь чжиду*) связывают с возникновением помощников амбаней, штата чиновников под их началом, регулярной сменой амбаней и чиновников, распределением обязанностей между ними.

Инициатива создания подобной системы функционирования “института амбаней”, видимо, принадлежит императору Юнь Чжэну (девиз правления Юнчжэн). Один из его указов от 1731 г. гласит: *“Объявляю всем членам Государственной канцелярии... Тунлин Мала и Нэйгэ сюеши Сэнгэ [уже] давно находятся в Тибете. Я думаю о них и сочувствую [им]. Повелеваю фудутуну монгольских знаменных войск Цинбу и шаншу Судебной Палаты Мяо Шоу направиться им на смену. Однако, [если] двое одновременно вернутся в столицу, то вновь назначенные [амбани] не смогут глубоко разобраться в сути дел. [Поэтому], Мала первым возвращается в столицу, оставить Сэнгэ вместе с Цинбу и другими заниматься делами [ещё] на один год”* (36, цзюань 108, л.12) . Срок пребывания амбаней и чиновников ямэна, в среднем, был три года. Это было определено императорским эдиктом в 1745 году. С 1780 года амбани стали подразделяться на “*баньши дачэнь*” и “*банбань дачэнь*” (первый амбань и помощник амбаня)¹⁷.

Лхаский ямэн и дом амбаня в Лхасе в начале XX в. в описании

---

¹⁷ - В словаре И.С.Бруннерта и В.В.Гагельстрама эти должности названы как “резидент” и “помощник резидента”.

Г.Ц.Цыбикова выглядят следующим образом: *“Неизменный китайский консерватизм сохранил свою архитектуру в доме высшего представителя китайского императора – маньчжурского амбаня. Дом и канцелярия его находятся на юго-западном краю города подле остатков старинной городской стены и ничего особого не представляют, только две высокие мачты перед ними подскажут знатоку характера китайских присутственных мест, что здесь место пребывания китайского сановника, облеченного властью карать и миловать”* (23,90)

Цель учреждения института амбаней, с точки зрения концепции власти мироустроительной монархии, объясняется А.С.Мартыновым на примере императорских указов. *“Так как [тибетцы] близки нам, то [император] назначил туда резидента - управляющего амбаня и [приказал ему] осуществлять командование над гарнизоном [китайских] войск, с тем, чтобы охранять монахов и мирян, принимать сверху благодатную силу “Дэ” и грозную силу “Вэй” Сына Неба и прекращать [всякие] раздоры среди дальних варваров. С глубокой древности не было ещё столь благодетельной системы управления”* (цит. по 77, 245). Итак, нет никаких сомнений в том, что ... Тибет охарактеризован как объект воздействия императора. Амбань интерпретирован как передатчик влияний “Дэ” и “Вэй”. Его функция - поддержание порядка среди дальних “варваров”, сфера его действия отнесена к “внешним землям” (вай)” (77, 245).

А с точки зрения реальной политической практики цель создания видится в том, чтобы руководить действиями светской и духовной власти в Тибете, контролировать их, а в случае неповиновения и игнорирования интересов императорского двора, начать военное вмешательство. Для этого под командованием амбаней был постоянный гарнизон в две тысячи солдат.

Первые военные мероприятия амбаней Мала и Сэнгэ заключались в следующем. Амбани вели набор и обучение тибетских отрядов для охраны

пограничных застав, руководили системой организации оборонительной системы Лхасы с севера в районе озера Тенгри, в 1729 г. устроили четыре военных форпоста на северных дорогах, ведущих к Лхасе, с контингентом в 1 500 китайских и 1000 тибетских солдат.. Цель военных мероприятий была создать обученную и эффективную, небольшую тибетскую армию, обеспеченную лошадьми, оружием, достаточно боеспособную, чтобы удержатся в случае нападения джунгар до прихода основных войск. Как резюмирует Ян Цзямин, “должны были оказывать военную поддержку установлению полноты власти Далай-ламы и изгнанию джунгарских войск из Тибета, в случае их появления” (140, 1).

В виду относительной стабильности ситуации в Тибете и ослаблением угрозы джунгарского вторжения в Тибет, после их поражения в Халха Монголии у монастыря Эрдени цзу, в 1732 г. по просьбе Полханаса было принято императорское решение вывести часть войск из Литана, Чамдо и уменьшить численность Лхасского гарнизона.

К собственно тибетским делам амбани проявляли мало интереса, т.к. гражданское управление Тибетом фактически единолично осуществлял Полханас, которому цинский двор за заслуги даровал в 1732 г. титул *бэйлэ*, грамоту и печать “администратора Тибета”, а в 1740 г. он был возведен в ранг *цзюньвана* (115, 151). Совет министров *кашаг* был подчинен ему лично. Общие функции амбаней, в основном, сводились к надзору за ситуацией, поддержанию боеготовности тибетских войск, контролю за деятельностью местного правительства и иерархов ламаистской церкви, отправке дани от Далай-ламы и Панчен-ламы к цинскому двору раз в 2 года. Когда в 1732 году в Лхасу прибыли послы трёх непальских княжеств¹⁸, амбани принимали их подношения, передавали их императору

---

¹⁸ - Посольства княжеств Катманду (Ямбу), Бхатгаон (Коком) и Паттан (Ежань). Эти княжества были вассалами Тибета.

и вручали ответные дары от его имени, т.е “вассалов” Тибета превратили в вассалов цинского двора.

Правление Полханаса, длившееся почти два десятилетия, привело тибетское общество к относительному спокойствию и развитию. Степень доверия императора Хун Ли и амбаней к нему были очень высоки, поэтому ему, в виду преклонного возраста, цины предложили самому подыскать фигуру нового администратора Тибета. Император согласился с выбором Полханаса, предложившего своего младшего сына Чжурмэд-Намжала. Хотя амбань Фусинь (с 1734 по 1749 гг. в Лхасу направлялся только один амбань) выражал сомнение в целесообразности передачи управления по наследственному принципу, зная вспыльчивый и воинственный характер Чжурмэд-Намжала (115,185-186). Совет амбаня был проигнорирован, должность “администратора Тибета” в 1748 г. была передана по наследному принципу. Доверие к отцу было распространено и на сына, действия которого были направлены на ослабление цинского протектората.

По совету нового правителя Чжурмэд-Намжала, император, полагая, что тибетские войска в состоянии “поддержать закон и порядок”, уменьшил цинский гарнизон в Лхасе до 100 человек в качестве личной охраны амбаней. Новый амбань Цишань, прибывший в Лхасу в 1749 г., также докладывал трону, что “*увиденное вызывает сожаление*” (30,36), что Чжурмэд-Намжал горд, упрям, деспотичен, и его подданные им недовольны, поэтому он “*просит прислать второго человека [в помощь]*”.

Дальнейшие сводки амбаней Фусиня и Лабдуна о Чжурмэд-Намжале сообщают, как он изгнал тех, кто в прошлом служил его отцу, самовольно смещает с должностей, разогнал *кашаг*, вывел войска и артиллерию из Лхасы, прекратил почтовое сообщение на дорогах во Внутренний Китай, и вообще распространяет слухи, что скоро выгонит китайцев (122,121).

Дальнейшие трагические события, ставшие ключевыми в истории института амбаней, отражены в докладе цинского сановника Баньди,

назначенного амбанем в Тибет на смену Фусиню. Но до его прибытия в Лхасе произошли трагические события, связанные с мятежом тибетского князя Джурмэд Намжала. Вот как об этих событиях Баньди докладывал трону: *“Стало известно, что тибетский князь Чжурмэд-Намжал замыслил заговор. Амбань фудутун Фуцин и его помощник Лабудун, узнав об этом, решили убить его¹⁹. Я прибыл в Тибет 21 числа 12 месяца, собрал чиновников и солдат, вел дознание о происшедшем. В подробностях узнал, что 13 числа 10 месяца амбани вызвали Джурмэ Намгье в ямынь. В то время, когда он поднимался по лестнице навстречу Фуциню, Фуцинъ выхватил нож и убил Чжурмэд-Намжала и 5 человек свиты. Один из свиты спасся бегством и созвал мятежников. Толпа людей окружила ямынь и открыла стрельбу. Фуцинъ послал за помощью к Пандите²⁰. Пандита не смог вовремя прибыть и спасти амбаней, но известил Далай-ламу и послал людей удержать заговорщиков.*

Амбаня Фуциня мятежники ударили ножом 3 раза, после этого он, истекая кровью, убил себя сам, чтобы не попасться живым мятежникам. Тело Лабудуна было найдено там же, оно было все исколото кинжалами. Из числа чиновников ямыня двое, боясь попасть в руки бунтовщиков, убили себя, битеши Цзичэнь пытался кончить жизнь самоубийством, а тунпань Чанмин был забит камнями. Всего погибло: цян цзунов (офицерский чин, командир тысячи) — 2 человека, солдат — 29, торговцев и прочего люда — 77. Наша казна была полностью разграблена. На следующий день Далай-лама собрал остатки гарнизона и успокоил народ. Вместе с верными людьми Пандита схватил Джурмэ Намгье и ещё 13 человек и

---

¹⁹- Эти события хорошо освещены в работах по истории китайско-тибетских отношений (42; 77; 113; 115; 116). По мнению Ричардсона, в этой истории *“амбани явно превысили свои полномочия, за что и заплатились своей жизнью”* (71, 58). О причинах мятежа и последующих реформах правительства Тибета подробно написано в книге А.С.Мартынова (77).

заклучил их в тюрьму.

Я, Ваш покорный слуга, учинил допросы с пытками, после этого дали показания преступник Дэшенай и ещё 14 человек. Допрашивал каждого, кто мог подстрекать к мятежу, был причастен к убийству амбаней, к ограблению казны и тех, кто в проявлении жестокости дошел до крайности. Я непременно установлю [торжество] справедливого государственного закона . Затем, 25 числа того же месяца [я] предал казни через четвертование тех, кто поджог ямынь и ограбил казну. А тела тех, кто, боясь наказания, покончили жизнь самоубийством, были насажены на пики. Другие преступники были четвертованы публично, их головы выставлены на площади на обозрение люду. Остатки мятежников были сосланы, а их домашнее имущество распродано и передано в пользу казне” (36, Цин шилу, цзюань 379, л. 22-27). Как видно из этого рапорта трону, антицинское выступление было спровоцировано самими амбанями, длилось один день и было подавлено в тот же день.

Император Хун Ли оценил усердие Баньди, и он получил звание *фудутуна*. 4 месяца 1750 император издал эдикт: “Дутун Фуцинъ и Лабудун погибли оттого, что пошли наперекор замыслам Джурмэ Намгье. Первым делом [они] искоренили зло, были самоотверженны и не думали о своей жизни. Их верность и преданность абсолютны. Я уже проявил [свою] милость и печаль [по поводу их гибели], велел внести их имена в церемониальные списки Храма Знаменитых Мужей²¹. В память о Муцине повелел провести церемонии в Храме [его] предков. [Однако] есть люди, которые не знают всю полноту событий и хулят этих двоих, к тому же выносят суждение, что я отметил их больше, чем они того

---

²⁰ - Пандита, родом из влиятельного рода Гобши, в течение 50 лет был одной из главных фигур в высшем административном аппарате Тибета, и тогда ж ему был жалован титул *гуна*.

²¹ - Храм основан в 1734 году в честь выдающихся деятелей, служивших династии Цин (45, 171). Перевод названия Храма взят из справочника И.С.Бруннерта и В.В.Гагельстама

заслуживают. Если бы [те, кто осуждают] знали как Баньди и Цэван докладывают о последствиях мятежа, то поняли бы от какой великой беды спасли нас эти два сановника. Они погибли мученической смертью, их заслуги перед государством очень велики. Необходимо специально построить Храм двух преданных сановников, каждый год поминать их заслуги, и двум чиновникам совершать церемонии жертвоприношения. Фу Циню и Лабдуну в Лхасе построить специальную кумирню” (36, Цин шилу, цзюань 381, л.7-8).

Действия амбаней были неоднозначно оценены в историографии. По мнению Ричардсона, в этой истории *“амбани явно превысили свои полномочия, за что и заплатились своей жизнью” (71, 58).*

Вслед за военным подавлением мятежа, цинское правительство должно было восстановить *“закон и порядок”*, нарушенный Чжурмэд-Намжалом: восстановить работу *кашага*, практически не действовавшего в период его правления, вновь реорганизовать систему управления Тибетом. Император заявил, что власть в Тибете не должна быть более сосредоточена в одних руках (122,124).

В помощь Баньди в Тибет был направлен сычуаньский генерал-губернатор Цэрин. Изучив систему управления Тибетом, они подготовили ее реорганизацию, изложенную в виде целой программы. Китайское название документа можно перевести как *“Положение о ликвидации последствий [мятежа] в Тибете в 13 статьях” (30, 54-55).* Исследователь Фан Баолян называет этот документ *“Программой новой администрации Тибета” г. (124,58).* Мы же, придерживаясь перевода А.С. Мартынова как *“Проект Тибетского Уложения из 13 статей”*, предпочитаем называть его *“Тибетское Уложение” 1752 г.*, как отражающий законодательный характер этого документа (77,206).

Начало постоянного присутствия амбаней в Тибете и формирование института амбаней приходится на период с 1727 по 1750 гг. Функции

амбаней сводились к надзору за общей ситуацией, контролю за деятельностью местного правительства и Далай-ламы, организации обороны Тибета на случай вторжения джунгаров: поддержание боеготовности тибетских войск, строительство оборонительных застав на дорогах.

На первом этапе цинского протектората (1720-1750) император делал ставку на сотрудничество с процински настроенными аристократам, старательно оттесняя Далай-ламу в сферу чисто религиозной деятельности. Светская аристократия – представитель рода Полханаса (Джурмэд-Намжал) оказался бунтовщиком, местное правительство *кашаг* требовало дальнейшего реформирования.

Цинский двор, воспользовавшись очередным “внутренним” кризисом в Тибете, ввел войска и изменил форму правления Тибета, что было отражено в “Тибетском Уложении” 1752 г. В целом, в это период произошло дальнейшее усиление китайского протектората над Тибетом.

2.3. “Тибетские Уложения” 1752 и 1792 годов и укрепление института амбаней.

“Тибетское Уложение” 1752 г. стало первым документом законодательного характера, где излагались основные принципы управления страной и новые полномочия амбаней.

Тринадцать статей этого Уложения, зафиксировавшие изменения в системе управления, были суммированы Дж.Колмашем следующим образом:

- 1) Институт наследных “князей Тибета”, т.е. *цзюньвана*, был ликвидирован, а титулы *хан*, *ван*, *бэйсэ* и пр. более не давались высшим чиновникам страны.

- 2) Далай-ламам стал номинальным главой, духовным и светским, а *каша* – главным исполнительным органом страны и был подчинен ему.
- 3) Прежняя структура *кашага* в составе 4-х министров, существовавшая с 1721 по 1727 гг. была восстановлена. Из 4 калонов трое были миряне, а один монахом.
- 4) Власть и обязанности амбаней были расширена. Помимо подчинения китайского гарнизона (который был увеличен до 1 500), амбани должны были обеспечить безопасность почтовой службы между Чэнду и Лхасой. Амбани получили право принимать участие в управлении страной как советники *кашага*, что давало возможность влиять на политику местного правительства (113, 46).

Новое “Уложение” делало ставку на усиление теократического правления Далай-ламы с помощью *кашага*, т.к. управление через светских аристократов не оправдало себя. Смерть Далай-ламы VII в 1757 г. не повлияла на теократический характер нового правления, *кашаг* назначил в 1762 . из числа духовных лиц Демо Тулку править от имени малолетнего Далай-ламы VIII. В 1781 г. Далай-лама VIII принял верховную власть над страной, но тем не менее предпочел оставить управление страной в руках регента.

Власть амбаней в этот период, по мнению зарубежных историков, была значительной. “*Амбани - по словам А.Уоделя – держали в руках все нити управления, оставаясь в тени трона, обладали всей реальной властью управления страной за спиной номинального руководителя Регента, временно облеченного властью*” (120,34).

Интенсивность китайско-тибетских связей в период с 1750 – 1780 гг. спала. Во второй половине XVIII в. было разгромлено Джунгарское

ханство, завершено подчинение монгольских племен Цинской империи. Монгольская проблема, в основном, была решена, поэтому интерес к Тибету и тибетским делам в значительной мере ослаб.

В последние десятилетия XVIII в. в тибетской экономике наметился финансовый кризис, связанный с денежным обращением непальских монет²² в Тибете. В 1788 г. непальцы захватили некоторые населенные пункты Тибета на западе страны, и тибетская сторона согласилась выплатить контрибуцию. Цинский двор расценил этот инцидент как пограничный конфликт. Тибетские чиновники представили маньчжурам этот конфликт как решение каких-то старых долгов, связанных с торговлей. Амбани, направленные в Западный Тибет для переговоров с гурками, считали главным в переговорах решение не экономической, а политической стороны – установление вассальных отношений между императором и Непалом (77,232).

Вторая непало-тибетская война 1791 – 1793 гг. началась с вторжения и захвата Западного Тибета вплоть до Шигадце, где находится резиденция Панчен-ламы. На помощь тибетской армии были высланы части цинской армии в 17 000 под командование генерала Фу Кан'аня и его помощника *дутуна* солонских знаменных войск Хайланча (1 000 солдат знаменных войск были солонками). Изгнав непальцев, в 1792 г. цинские войска вторглись в земли Непала и дошли до Катманду. Мирный договор между Цинской империей и Непалом сводился к установлению даннических отношений, отправке посольства с данью каждые 5 лет. Маленькая победоносная война удовлетворила цинское правительство: мир на границах был восстановлен, Непал стал вассалом и вошел в зону “влияния” у границ “внешних владений” (42,288).

---

²² - Подробнее о непальско-тибетских разногласиях конца XVIII в. см. А.С.Мартынов “Статус Тибета в XVII-XVIII в.” (77).

В маньчжуро-тибетских отношениях эта война была воспринята как очередной внутренний кризис. Тибетское правительство оказалось не в силах управлять финансами страны; тибетская армия не оказала достойного сопротивления и оказалась непригодной в охране границ империи. Амбани были введены в заблуждение тибетскими министрами относительно причин первой войны и не смогли предотвратить второе вторжение.

Цинский двор обратил внимание на то, что важнейшие сферы общественной жизни Тибета – экономика, торговля, включая внешнюю, даже частично внешнеполитические связи – находились за пределами регламентации со стороны маньчжуров (77,226-227). Поэтому очередной кризис в управлении вновь привел к новому реформированию административной системы. Победоносный генерал Фу Кан'ань возглавил комиссию по реформе и сделал вывод, что причина неэффективного управления и пассивности амбаней прямо связаны с коррупцией тибетских чиновников.

Было подготовлено очередное “Тибетское Уложение в 29 статьях”, еще более расширившее полномочия амбаней в управлении страной.

Нормы “*Тибетского Уложения*”, подготовленные китайским генералом Фу Кан'анем в 1792 году, вошли в состав “Уложения” Лифаньюань 1818 г. в виде “Постановлений о Тибете” (20, т.2, 241-271) и законодательно зафиксировали ужесточение господства Цинского управления Тибетом. Н.Я.Бичурин при переводе некоторых частей “Уложения Лифаньюань” 1818 г. отдельно выделил под названием “Тибетские законы” “*изменение прежнего гражданского управления*” (1, 380-383).

По тексту “Уложения Лифаньюань” 1818 г. в переводе С.В.Липовцова статьи “Постановлений о Тибете” (20, т.2, 241-271) можно представить в следующем виде:

- 1) *Общие неизменные положения.* Следуя географическому разделению Тибета на две части (Передний Тибет и Задний Тибет) императором направляются два амбаня, которые поочередно сменяются.
- 2) *Политический статус и внешнеполитические полномочия.* Полномочия и статус были приравнены к власти далай-лам и панчен-лам. Амбаням были подчинены все гражданские и военные дела Тибета, местные тибетские военные и гражданские чиновники. Амбаням полагалось курировать все внешние сношения Тибета с непальскими княжествами. Далай-лама и Панчен лама должны были в случае приема даров от посольств этих стран или вручения ответных даров заручиться разрешением амбаней. Тексты посланий Далай-ламе должны были переводиться на известный амбаню язык для его резолюции
- 3) *Охрана границ.* Как и на других границах Цинской империи, при пересечении границ Тибета со стороны Непала все члены посольства пропускались поименно по спискам предоставленным заранее, сопровождалась внутри территории под охраной (конвоем). При пересечении внутренних застав “*Цзян цзы и Динжи*” (караулы в Гьянцзе и Тингри – Н.С.) военные караулы вновь проверяли число людей. По прибытии же в Лхасу, членам даннических посольств следовало прежде встретиться с амбанями, и только затем с Далай-ламой.
- 4) *Полномочия в финансовой и экономической сфере.* Амбаням предписывалось привести в порядок финансовое состояние Тибета, уравнивать соотношение доходов и расходов. Для этого

были разработано новое налогообложение для населения: установлены пошлины в виде товара, продуктов земледелия и скотоводства по районам. Налоги в виде денежных сумм взимались с жителей отдаленных и труднодоступных мест. Амбани должны были облагать налогом доходы монастырей, пополнявшихся за счет подношений паломников, и передавать часть этих налогов в казну при “великом Чжао” (имеется в виду крупнейший монастырь Дачжаосы – Н.С.) для содержания двора Далай ламы во дворе Потала и Панчен ламы. Амбаням предписывалось создать резервный фонд - “казнохранилище” для непредвиденных обстоятельств и общественных расходов. Во избежание хищений ввести практику ведения бухгалтерии (книг приходов и расходов) казначеями и финансовой отчетности “габлунями” (т.е. калунями, членами местного правительства *кашаг* – Н.С.). Налоги, собираемые в Тибете, должны были расходоваться на местное правительство и на местные воинские формирования из числа тибетцев. Расходы же на содержание самих амбаней, штата чиновников *ямыня*, воинского гарнизона и ежегодные дары Далай ламе от имени императора в размере 5 тысяч лан серебра должны были покрываться за счет таможенных сборов с чая и других товаров с заставы Дяцзянлу в Литане (ныне город Кандин пров. Сычуань – Н.С.) на торговом тракте между Тибетом и Китаем.

- 5) *Полномочия в сфере “политического и гражданского сыска”*. Амбани должны были отслеживать родственные и клановые связи претендентов на должности *калонов* и казначеев, отсекая родственников здравствующих Далай ламы и Панчен ламы. Пресекать случаи, когда родственники влиятельных лиц (Далай-ламам, Панчэн лама, и прочи.) освобождались от общественных

налогов и повинностей (18, т.2,253). Особо следить за тем, чтобы родственники далай-ламы или панчен-ламы не занимали чиновничьи должности, во избежание злоупотреблений.

- 6) *Принципы взаимоотношений с Далай-ламой и Панчен-ламой.* Амбаням давалось право урезать расходы на содержание двора далай ламы и панчен ламы, в случае необходимости увеличения расходов на содержание тибетских воинских отрядов. С согласия и рекомендации амбаня должны были производиться назначения в настоятели крупных монастырей (*хамбо-ламы*). Контролировать выдачу жалованья из местной казны ламам во избежание злоупотреблений со стороны *хутухт*.
- 7) *Надзор за судебным исполнением.* Контроль за передачей конфискованного имущества осужденных в казну, а не присвоения местными чиновниками.
- 8) *Военные обязанности.* Помимо расширения административных функций, произошло расширение военных полномочий. Амбаням подчинили военные гарнизоны не только в Лхасе, Шигадзе, Чамдо, но в Гьянцэ и Тингри. Амбани были ответственны за обеспечение курьерской службы²³, перевозки зерна из внутренних районов Китая, зернового довольствия военного гарнизона.

По “*Тибетскому Уложению*” 1792 г. амбани сконцентрировали в своих руках военную, экономическую, политическую и административную

---

²³ - Участок дороги Чамдо - Лали - Лхаса, бравший начало в Чэнду (столица провинции Сычуань), был поделен на пятьдесят станций. Все документы, передаваемые по этой пинии, делились на три категории по степени важности: первая - “400 ли”, т.е. курьер продвигался по 400 ли в сутки; вторая категория - “500 ли” и третья - “600 ли”. Такие послания из Пекина до Чэнду доходили за 10 дней, а от Чэнду до Лхасы, в среднем, за двадцать дней. По меркам того времени, это была максимально возможная скорость. На почтовых станциях, в среднем, было по десять лошадей. Лошади поставлялись местным населением в качестве повинности “ула”. На каждой из этих станций было по 18-20 человек (139, 366).

власть, защиту границ, контроль за финансами и сборами налогов, внешними связями и торговлей. Та часть “Уложения”, касающаяся экономического управления Тибетом, выражаясь современным языком, больше напоминает инструкцию по введению “антикризисного” управления регионом (20, т.2 с.241-248).

Естественно, что как любой закон предписания “Уложения” Лифаньюань представляли власть амбаней скорее в идеальном виде. На деле ситуация была гораздо сложнее и зачастую амбани были просто бессильны изменить сложившийся традиционный порядок вещей, повлиять на местные нравы. Так что “Тибетское Уложение” 1792 г. можно расценивать как попытку сделать власть амбаней более действенной.

Известно, что по “Тибетскому Уложению” 1792 года в штате присутственного места (*ямыня*) амбаня должно было быть 30 чиновников. В этот штат входили разные чины, такие как “*ицин чжанцзин*” (секретари по туземным делам), “*битешин*” (делопроизводители, писари), “*чжуши*” (чиновники-секретари), военные чины знаменных войск (*цянба*), интенданты, казначеи, судебные инспекторы, переводчики тибетского и непальского языков. В это же число входили чиновники, командированные в различные районы Тибета (*тунпань*). Чиновник *Лхаского ямыня* направлялся в долину Цайдам (где была введена знаменная система управления дамускими монголами) и в земли “39 тибетских родов” (область между провинцией Сычуань, Тибетом и провинцией Цинхай) (139, 366).

В целом, такая система Лхаского ямыня оставалась без больших изменений вплоть до Синьхайской революции 1911 года.

2.4. Амбани и буддийские иерархи Тибета

Большая часть злоупотреблений, выявленных Фу Кан'анем касалась вмешательств родственников Далай-ламы и Панчен-ламы в дела управления страной. Также оказалось, что злоупотребления были и при определении перерождения того или иного религиозного деятеля.

Напомним, что по преданию, “Далай-лама III был сыном крупного тибетского чиновника, Далай-лама IV происходил из крупной княжеской семьи, Далай-лама V родился в семье наместника провинции, Далай-ламу VI считали сыном Лхабсан-хана, а Далай-лама VIII родился от сестры Панчен-ламы III и был двоюродным братом халхаского иерарха” (77, 214). Были случаи, когда соперничающие группы провозглашали сразу нескольких своих кандидатов: с 1706 по 1718 год было двое провозглашенных Далай-лам VI, один из них Цаньян Чжамцо, родом из Литана. В 1719 году вновь был утвержден Далай-лама VI при поддержке маньчжурского императорского двора и под защитой кукунорских монголов (23,145).

Правила “Тибетского Уложения” 1792 г. демонстрировали намерение цинского двора исключить практику злоупотреблений при выборе Далай-лам и Панчен-лам. При поиске и определении реинкарнации *хутухт* “не должны указывать на родившихся детей в то время детей мужского пола как в семействах, соединенных родством с Далай ламой или Банченем-Эрдени, так на сыновей и внуков монгольских князей и тайцзи, управляющих дивизиями, в противном случае подвергаются за сие строжайшей ответственности. Дозволяется только указывать на сыновей тайцзи, которые никаких общественных должностей не отправляют, или на сыновей простых монголов и тангутов и объявить, что умерший возродился или сделался хубилганом в таком то семействе” (1,383).

Следующее правило “Уложения” касалось самой процедуры выбора из найденных кандидатов в высокие перерожденцы. “Мальчиков, признанных воплощениями Живых Будд и хутухт, обычно определяли

Четыре Хранителя Учения. Такая практика может привести к з л о у п о т р е б л е н и ю (Разрядка моя – Н.С.). Впредь, при определении реинкарнации, имена кандидатов и их даты рождения следует писать на маньчжурском, китайском и тибетском языках на металлических пластинах, которые затем помещать в золотую вазу, дарованную Императором, символизирующую его покровительство Желтому Учению. Церемония происходит при участии Четырех Хранителей Учения, в течение семи дней читаются молитвы всеми Живыми Буддами. Далее перерождение подтверждается перед изображением Шакьямуни в Храме Чжокан хутухтой и императорским амбанем. В случае, если найден только один кандидат, к пластине с его именем дополнительно кладется в вазу чистая пластина без надписей. Если жребий пал на чистую пластину, то мальчик не признается воплощением, надо продолжить поиски другого мальчика... Определение перерождения Панчен-эрдени и Далай-ламы, отношения между которыми подобны отношениям между отцом и сыном, будет происходить таким же образом. Этот порядок задуман Императором, чтобы защитить интересы Желтого Учения и исключить обман со стороны Защитников Учения²⁴. Ваза должна быть освящена перед изображением Цзонкапы и должна храниться в чистоте все время” (122,73).

Тибетское общество и духовенство с “неудовольствием” восприняло эти законы, но способ, предусмотренный цинским законом, все же стал применяться.

По мнению тибетского историка Шакабпа В.Д., в 1808 году при избрании Далай-ламы IX из двух кандидатов, способ решения путём “вытягивания жребия” был вообще проигнорирован, и тибетцы определили свой выбор самостоятельно (118,174).

---

²⁴ - “Защитник Учения” – почетный титул, даруемый влиятельным ламам или членам *кашага*.

В 1819 году при избрании реинкарнации Далай-ламы X из 3-х кандидатов императорские амбаны захотели провести церемонию “вытягивания жребия” по новым правилам, но жители Лхасы “стали протестовать” Прошло 3 года, прежде чем регент по настоянию амбаней объявил, что Далай-лама X будет избран в соответствии с процедурой “вытягивания жребия”. Шакабпа считает, что новый регент в данном случае пошел на уступки и должен был продемонстрировать, что указ китайского императора ни в коем случае не игнорируется, и процедура “гадания” должна состояться, даже если кандидатура была уже согласована между регентом и амбанами. (118, 175).

Обстоятельства применения цинского закона в первый раз и участия амбаней в процедуре избрания Далай-ламы X - реинкарнации Далай-ламы IX описаны Г. Г.Цыбиковым в следующем виде. *“...Правивший тогда делами далай-ламы дэмо-хутухта Ловсань-тубдань-чжигмэд-чжямцо, по указанию чойчжинов-прорицателей и высших лам, хотел сразу возвести на престол этого Цултим-чжямцо, который до избрания носил имя Чжамбал-чжялцань, но в то время составила партия против такого избрания. Она настаивала на вытягивании жребия посредством золотой урны (сэрбум), назначенной для определения высших перерожденцев еще императором Цян-луном. Дэмо-хутухта не выполнил своего намерения, вследствие своей смерти в 1819 году. В это время перерожденец Галданского ширетую Агван-Чжамбал-цултим послал в Пекин посла с поздравлениями императора Цзя-цина с 60-летием. Посольство это выхлопотало назначение правителем Далай-ламского казначейства Агван-Чжамбал-цултима, каковое назначение и состоялось рескриптом от 8-го числа 2-ой луны правления Цзя-цина, т.е. в 1820 г. В то же самое время пришел приказ избрать далай-ламу посредством жребия.*

*На это новшество в практике избрания далай-лам тибетские ламы и сановники согласились с большим неудовольствием. Тем не менее, с приказом императора, исполнителями которого явились два маньчжурских амбаня, не могли не согласиться, и в 1822 году в присутствии нарочито для сего приглашенного банчэн-эрдени, одним из маньчжурских амбаней был, вынут один из трех билетиков с именами кандидатов, написанными **по-маньчжурски** (выделено мной – Н.С.), из золотой урны, поставленной перед изображением императора в Поталаском дворце. Билетик оказался с именем Чжамбал-чжялцаня, и тогда амбань обращаясь к отцу мальчика, присутствовавшему здесь же, сказал: “Так как из золотой урны вышел твой сын, Чжамбал-чжялцань, кандидат в драгоценные далай-ламы, то молись милости великого императора!” Так произошло избрание в десятые далай-ламы кандидата, выставленного большинством тибетцев, но мы не беремся сказать, было ли это случайное совпадение или какой-нибудь подлог амбаней. Как бы то ни было, оно удовлетворило ту и другую стороны” (23, 147).*

Это положение цинского закона, в конечном итоге, стало широко применяться. По архивным записям Лифаньюань, подсчитано, что “*всего за сто с лишним лет до 1903 года 39 хутухт тибетских провинций Юй и Цзан было определено путем “вытягивания жребия” (122,17), т.е. по цинскому законодательству.*

На основании сведений из биографий Далай-лам (122) и Панчен-лам (139), можно сделать вывод, что новый закон применительно к далай-ламам и панчен-ламам принимался избирательно, лишь в случаях возникновения конфликтных ситуаций: чтобы компромиссную фигуру из предлагаемых соперничающими группировками, либо назначить своего “независимого” кандидата. Окончательное решение завершалось церемонией “вытягивания жребия” буквально руками амбаня.

Правило было собоюдено всего 5 раз (в 1822, 1841, 1857, 1858 и 1887 гг.) из 9 случаев избрания далай-лам и панчен лам. Последний 6-ой случай применения цинского законодательства применительно к избранию высших иерархов произошел в КНР в 1995 году, во время определения реинкарнации Панчен ламы XI²⁵.

Амбани должны были контролировать “чистоту” избрания кандидатов с самого начала, с момента определения младенца мужского пола, затем “процедуры “вытягивания жребия” и интронизации. Описание процедуры определения реинкарнации Панчен-ламы IX в 1887 г. и процедуры избрания из его “официальной” биографии, представляется важным с точки зрения соблюдения правил “Тибетского Уложения” и участия амбаней.

“...Панчен-эрдени IX, духовное имя Чойчжи Ньима, родом из района Табу, деревни Геся, родился по тибетскому летоисчислению 15 рабджун год воды-овцы (на 9-ый год правления цинского императора под девизом Гуансюй), 1883 году 20-го дня первого месяца. У него не было отца, говорят, что его отца [звали] Дачжэнь и был он неизвестного рода, его мать звали Дан-цюн Цома, она была немой. Семья была очень бедной, мать пасла скот у богатой семьи. Будущий Панчен-лама вырос в семье своего деда, отца матери. У него еще был младший брат, впоследствии он тоже стал ламой, его звали Це-цзюлинь хутухта. После того, как будущий Панчен был признан перерожденцем, его мать посвятила себя религиозной деятельности и стала монашенкой.

После смерти Панчен-ламы VIII Данбий Ванчуг, в монастыре Ташилумпо была создана группа поиска реинкарнации. В результате был найден 3-летний мальчик с признаками перевоплощения предшественника.

---

²⁵ - Подробнее об обстоятельствах избрания Панчен ламы XI см. Намсараева С.Б. “Китайская политическая традиция и современная практика: к вопросу о легитимности

Но он был одним из нескольких кандидатов. Его детское имя Цанчжу Гьяцо. В соответствии с процедурой гадания, надо было вытянуть жребий из золотой вазы и из 3-х кандидатов выбрать одного. В то время цинским амбанем был Вэн Суо, он доложил трону и получил предписание императора в 1887 году: “К сведению Нэйгэ, [амбань]Вэн Суо посетил найденных возможных кандидатур Панченя - трех смышленных мальчиков и просит написать эдикт. С тех пор как последний Панчен покинул мир прошло 5 лет... Согласно правилам, имена трех мальчиков положить внутрь золотой вазы *беньба* под чтение [буддийских]сутр и с почтением вытащить имя *хубилгана*. После того, как все будет определено, доложить трону специальным курьером”.

Амбань Вэн Суо немедленно велел монастырю Ташилумпо отправить троих кандидатов в Лхасу. Выбор произошел в 1887 году. На 14-ый год правления под девизом Гуаньсуй, 15-ый день первого месяца. Во дворце Потала перед табличкой с именем императора, вытянули жребий. На церемонии присутствовали *демо хутухта*, [Ганданчиба], ламы монастыря Ташилумпо, и все вместе читали сутры. После этого амбань Вэн Суо написал имена троих мальчиков на костяных бирках для жребия, положил их внутрь вазы, палочками из слоновой кости вытащил одну из них. На ней оказалось имя Цанчжу Цзяцо, мальчика из местности Табу. Так этот мальчик был признан Панчен-эрдени IX. В тот же день в Зале Солнечного озарения Панчен-эрдени был принят Далай-ламой XIII Тубдэн Гьяцо, и назвал его своим учителем. В тот же день ему постригли волосы. Дали духовное имя Цзицзун Лобсан Чойчжи Ньима Гэлэг Намчжял Саньбу. После этого Чойчжи Ньима в сопровождении монахов Поталы вернулся в Ташилумпо. Его разместили в загородном дворце Гунчжоблин до того как определят благоприятный день и будет проведена церемония интронизации. Амбань Вэн Суо после всех церемоний доложил трону. В

1888 году, 15-ый день 2-го месяца Вэн Суо получил императорский эдикт: “ 15-го числа 1-го месяца амбань лично направился в Поталу, там вместе с *демо хутухтой* и Су-ле-на-мень хан лобуцзан дунь чжу и ламами вместе читали сутры, затем из золотой вазы *беньба* вытащил бирку с именем Чаньчжу Гьяцо. Так определили хубилгана. В тот день погода была ясная и теплая, все было отмечено счастливыми предзнаменованиями. Весь тибетский народ и монахи были несказанно рады... Я всем сердцем одобряю и разделяю эту радость”. [Чжуцзяэньшань] одарил хубилгана хадаком, коралловыми бусами, нефритовым жезлом *анурубба*. Поручаю амбаню ознакомить с этим эдиктом *дэмо хутухту*, всех тибетских лам. Должно окружить хубилгана надлежащей заботой, это проявление моего глубочайшего внимания процветанию Желтого учения”.

В 1892 году, на 19-ый год правления под девизом Гуансюй, на заре 3-го дня первой луны, в день интронизации Панчен-эрдени IX, цинское правительство поручило новому амбаню в Тибете Шэн Таю заранее направиться в Ташилумпо и возглавить церемонию. У Панчен-эрдени IX не было отца, он вырос в семье своего деда по материнской линии, поэтому амбань Шэн Тай подал прошение трону с просьбой даровать его деду [Цимей Ванбу] титул *гунце*. Высочайшим указом ему был дан титул *фу го гуна* (князя 6-ой степени), но без права наследования. Императорский двор даровал Панчен-эрдени IX 10 тысяч *ляней* серебра, доставленных сычуаньским генерал-губернатором Лю Бинчжаном по приказу императорского казначея. После интронизации Панчен-эрдени, хамбо лама [Лобуцзан Жундянь] был направлен в Пекин с особой миссией с благодарственными дарами вдовствующей императрице Цыси и императору Дэцзуну....” (Отрывок официальной биографии Панчен-эрдени IX Чойчжи Ньимы, составленный китайскими историографами, из книги Я Ханьчжана “Панчэн Эрдэни чжуань” (Биографии панчен-лам”) (139, 199-200):

Таким образом, императорскому наместнику отводилась арбитра в процедуре избрания реинкарнации путем “вытягивания жребия”. Императорский эдикт придавал полную легитимность избранному кандидату, это рассматривалось как патронаж императора над перерожденцем, как бы примером экстраполяции отношений “*признание Небом государя как своего сына и вручение ему мандата на правление*”.

Завершающим этапом была церемония интронизации, на которой выбранный кандидат становился полновластным преемником умершего предшественника, а императорский эдикт и печать становились символами врученного императором мандата на правление. Само получение новой печати и диплома правящей династии расценивалось как получение нового назначения, превращение его в должностное лицо династии. Такая практика существовала и после падения Цинской династии, когда вместо императорского амбана прикомандировывался представитель Гоминдановского правительства, также представлявший в Тибете центральную власть.

Таким образом, участие амбана в делах религиозной компетенции (определение истинности реинкарнации, участие в интронизации) становилось едва ли не главной обязанностью. Эта практика, разработанная для тибетских иерархов, была распространена на Монголию и монгольских хубилганов. Церемония “вытягивания жребия” избрания хубилганов Монголии проходила в монастыре Юнхэгун (в Пекине) при участии чиновника Лифаньюань. Эта процедура стала широко применяться на практике и в Монголии. А. Позднеев в 1876-1879 гг. писал, что “*число их [перерождающихся святителей] в настоящее время восходит в Халхе до 118, а в Южной Монголии их насчитывают еще более...*” (89, 238). Далее он пишет, что “*все хубилганы жалуются титулом “хутухта” богдоханом*

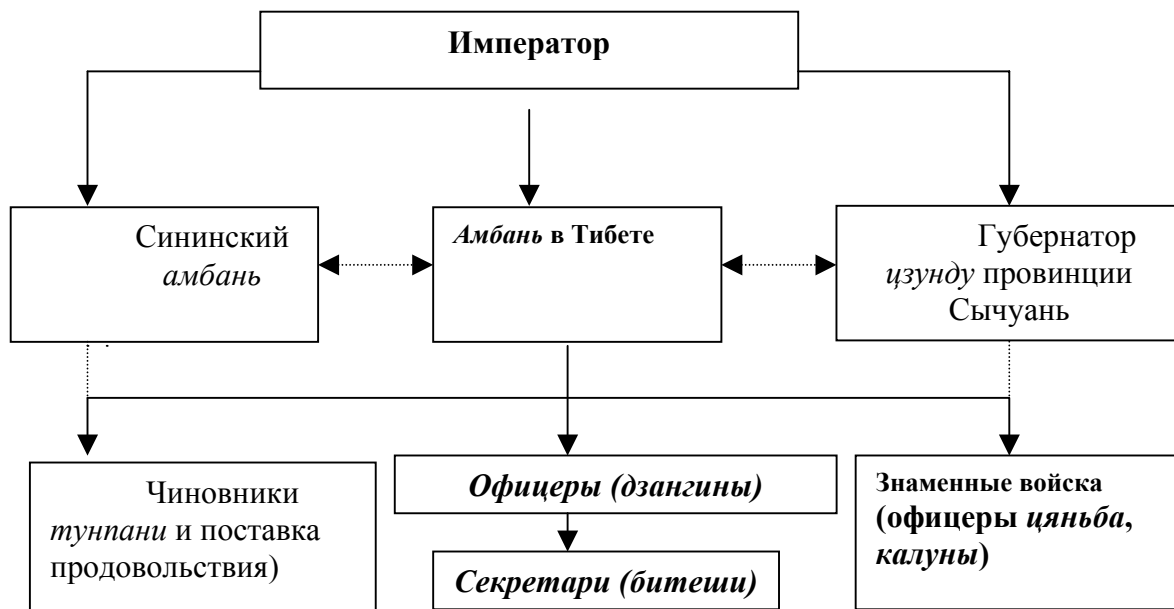
(т.е. китайским императором) при особом рескрипте и непременно с выдачей золотой печати” (89,248). В начале XX века число хутухт, признанных китайским правительством через подобную процедуру и зарегистрированных в Лифаньбу, было более 160.

2.5. О роли института амбаней в Тибете в системе управления “вассальными” землями Цинской империи

Институт амбаней или “Амбанат”, как пишет Й. Колмаш (112,2), стал неким военно-бюрократическим органом надзора и контроля центрального правительства над местной властью. Специальный институт наблюдения и контроля цинского правительства над ситуаций в отдаленном полузависимом Тибете называется многими авторами как “китайский протекторат в Тибете” (115).

Судя по биографиям и послужным спискам, император назначал на эту должность крупные чины знаменных войск и сановников из правительственных кругов. Большинство амбаней до своего назначения на эту должность служили наместниками, прилегающих к Тибету областей, и занимали ключевые посты в знаменных войсках (см. Приложение iii). Штат чиновников пополнялся прикомандированными чиновниками Лифаньюань, канцелярии Сычуаньского военного губернатора и ямэна сининского амбаня. Численность штата лхасского ямыня имела тенденцию возрастания. Тайваньский ученый Сяо Цзиньсун рассмотрел особенности положения института амбаней Тибета в системе центральных и местных органов управления. Схема, приведенная ниже (132,120), показывает, что амбани, напрямую подчиняясь императору, были тесно связаны с наместниками прилегающих областей: с Сининскими наместниками (амбанями) и Сычуаньским губернатором (*цзунду*). Из Синина поступало продовольствие и присылались чиновники в Лхасский ямынь, из Сычуани

направлялось пополнение знаменным войскам в гарнизоны, расквартированным по Тибету.

Первые амбани были членами Государственной канцелярии (Нэйгэ) и имели звание “*Нэйгэ сюеши*”, что и объясняет использование маньчжурского слова “*амбань*”. Составленные на основе цинских источников “Краткие биографии цинских сановников в Тибете” (38) дают некоторые цифровые данные. Всего за 200 лет существования института амбаней было назначено на эту должность 135 сановников. В действительности, исполняли эту обязанность 124 человека, одиннадцать амбаней по тем или иным причинам не прибыли на место назначения. Несколько сановников были амбанями в Тибете по 10 и более лет, некоторые пребывали на этой должности от 20 дней до нескольких месяцев. Большинство амбаней были маньчжуры, амбаней-монголов было около тридцати человек, амбани-китайцы появились лишь с конца XIX века.

Оценки деятельности тибетских амбаней очень разные. Китайские авторы дают более эмоциональную оценку: “*За малым исключением,*

большинство амбаней были способными и очень талантливыми чиновниками. Кроме нескольких слабохарактерных и бесталанных, подавляющее большинство были вдумчивыми и предусмотрительными чиновниками” (139, 368). Западные исследователи, в частности Ричардсон, считают, что *“после фанатичной и жестокой вспышки 1750 года, амбани все меньше и меньше становились заинтересованы и компетентны в тибетских делах, были слабы и бездарны. В большинстве случаев, назначение на эту должность расценивалось как “почетная ссылка. Амбани слишком часто отзывались и смещались с должностей. Нередки были случаи ложных доносов трону и неисполнения обязанностей”* (116, 52).

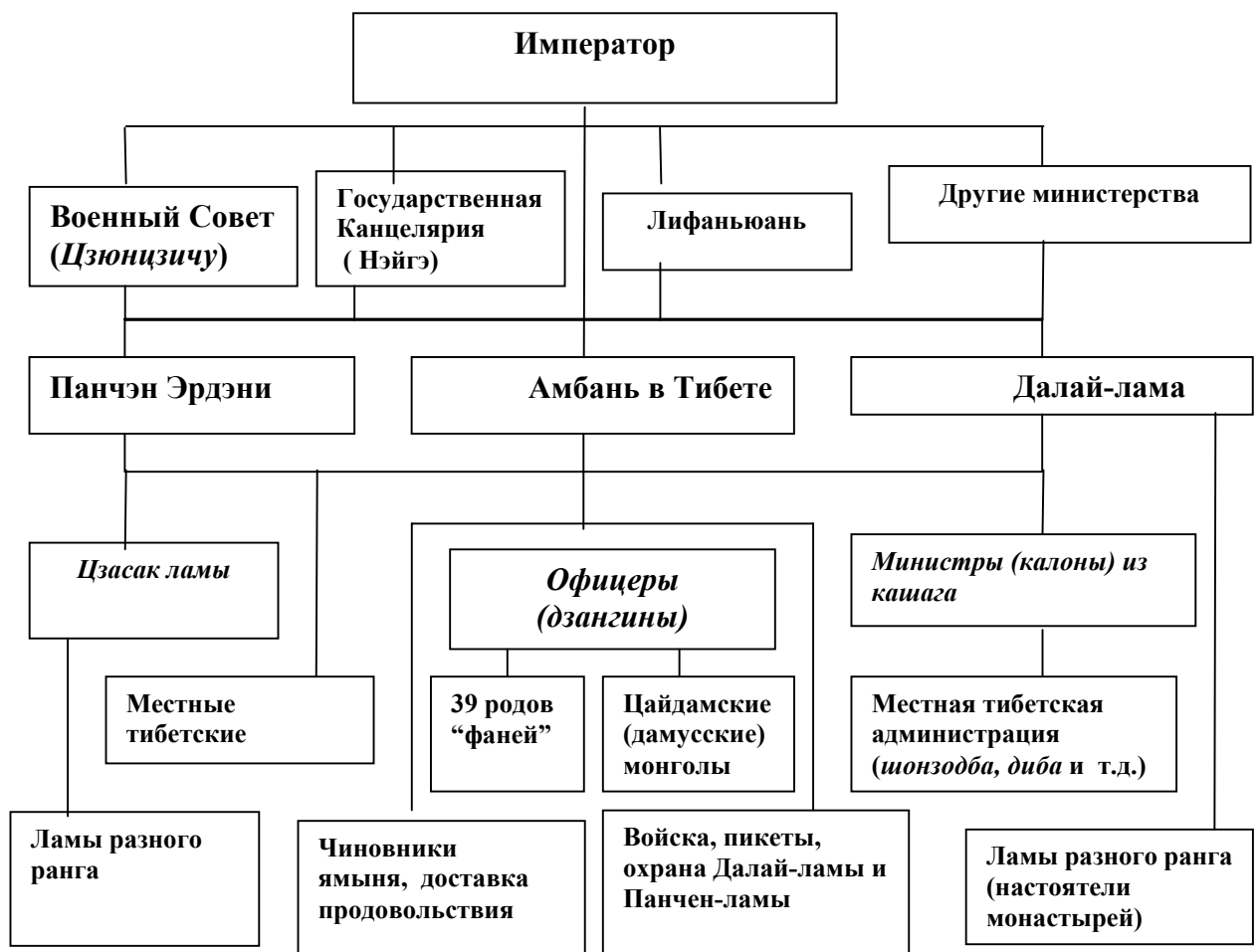
Основные параметры этого института представляются следующими. Институт амбаней начал складываться в первые три десятилетия XVIII века и из формы временного прикомандирования цинских представителей перешел в форму постоянного присутствия и участия цинского двора в управлении Тибетом. Институт амбаней окончательно утвердился в качестве важного звена управления Тибетом лишь к концу XVIII века. Это было отражено в специальных документах по управлению Тибетом (“Тибетские уложения” 1751 и 1792 гг.), вошедших затем в состав “Лифаньюань цзэли”. В этих документах статус амбаней был закреплён цинскими законами.

Институт амбаней сохранил свои позиции в управлении Тибетом вплоть до конца правления династии Цин. Функции и полномочия амбаней постоянно корректировались и усложнялись, что свидетельствует об актуальности тибетской проблемы для цинского двора и необходимости усиления контроля и “степени присутствия” центральной власти в Тибете.

Деятельность амбаней можно разделить на две категории: военная и административная. Военная деятельность была связана, в первую очередь, с командованием военными гарнизонами цинских войск в Тибете, охраной

границ, курьерской службой и должна была обеспечивать политическую стабильность и подчинение местных правителей цинскому двору. Одной из основных обязанностей амбаней в Тибете стала поддержка и обеспечение политического и религиозного верховенства Далай-ламы, выбранного цинским двором в политические партнеры еще в XVII в. В конце XVIII в. появляется дополнительная специфическая функция – участие в делах религиозной компетенции, связанной с избранием Далай-лам и Панчен-лам.

Вся структура управления Тибетом, представленная тайваньским историком Сяо Цзиньсуном в книге “Амбани Тибета периода правления династии Цин”, выглядит следующим образом (132,118 –119):

Примерно такую же схему управления Тибетом предлагает Е.Л.Беспрозванных, выстраивая вертикальную цепочку подчинения:

император – Лифаньюань – амбани в Лхасе – Далай-лама – Кашаг – тибетский чиновничий аппарат (42, 299).

Каждый внутритибетский кризис приводил к усилению позиций цинского двора в Тибете, к большему вмешательству в дела внутреннего правления при участии амбаней. Административная деятельность подкреплялась военной мощью китайского гарнизона. По Проектам 1751 и 1792 годов, амбаням давалось право прямого участия в управлении страной наравне с Далай-ламой, хотя конкретные дела гражданского управления оставались в ведении тибетского правительства (*кашаг*), состоявшего из министров *калуней*. Лхасские амбани и штат чиновников ямыня относились к Лифаньюань, где специально тибетскими делами занимались два отдела. Амбани были непосредственно подчинены императору и Военному Совету и имели право обращаться к императору напрямую.

2.6. Падение статуса амбаней в конце правления Цинской империи

Общий кризис Цинской империи конца XIX века не мог не повлиять на китайско-тибетские отношения, которые приобрели *“номинальный характер китайского протектората над Тибетом”*. Дело дошло до того, что в 1894 году Далай-лама XIII, будучи в возрасте 18 лет, с помощью своих сторонников арестовал амбаня и получил государственные печати и запретил амбаням участвовать в государственных делах. А.Уодель, бывший в составе экспедиции англичан в Тибете в 1903-4 гг., писал: *“он [Далай-лама] открыто отказался подчиняться китайцам, которые вынуждены были смириться с упадком их власти в Тибете и нескрываемым презрением, с которым тибетцы относились к их присутствию, низведенному до пустого фарса, тени в тени”* (120, 20). Амбани постепенно теряли свое влияние и власть, не подкрепленное способностью цинского правительства вернуть былое влияние над Тибетом.

Амбани пытались вернуть свое былое влияние на тибетские дела используя и иноземное вмешательство. Так, при вторжении англичан в Тибет в 1904 году при отсутствии Далай-ламы амбань выразил желание помочь английской миссии касаясь провизии и другого обеспечения. Амбань был посредником между англичанами и тибетцами, и все документы проходили через его руки. В присутствии амбаня были зачитаны последние условия англо-тибетской конвенции и подписаны тибетцами без давления амбаня, который присутствовал по просьбе Янгхазбанда. Это говорит о том, что Китай хотел упрочить свои позиции в Тибете с помощью англичан, пользуясь отсутствием Далай-ламы и про-российски настроенной группировки во главе с Агваном Доржиевым, советником и воспитателем Далай-ламы XIII (119, 77).

Многие путешественники, такие как Сарат Чандра Дас (26) и Дж.Богль (25, 274), в начале 19 века отмечали, что тибетцы тяготились властью амбаней, что китайский гарнизон обирал и унижал местное население.

В записках многих путешественников того времени (Дж.Богль, С.Ч.Дас, П.К. Козлов, Г.Цыбиков, Е.Кавагучи, Ю.Н. Рерих и др.) зачастую встречаются сетования о трудности и невозможности проникнуть вглубь Тибета из-за запрета амбаней, либо о высылке чужеземцев амбанями за пределы Тибета, что заставляло представителей многих стран прибегать к маскировке и проникать вглубь страны под видом паломников из азиатских стран. Тибетский амбань Шэньтай докладывал трону: *“ Монголы паломники проникают всюду, среди них встречаются российские (подданные).... Они часто передвигаются и изменчины. Среди множества разнообразнейших паломников, несомненно, есть российские буряты и калмыки”* (102, 141).

В самом конце правления цинской династии была предпринята последняя попытка вернуть Тибет в зону влияния центрального

правительства. В 1908 году центральное правительство, чтобы укрепить свое влияние в Тибете, назначило амбаном видного государственного деятеля времен политики “самоусиления” Чжао Эрфэна. Китайский гарнизон в Тибете вновь был усилен, но тибетские министры, испугавшись полной потери власти, стали звать Далай-ламу обратно в Тибет, чтобы он вновь взял на себя гражданское управление, и тем самым ослабил власть вновь назначенного амбана. Перспектива иметь амбаном Чжао Эрфэна, прославившегося жестоким подавлением восстания тибетцев в Каме, страшила тибетцев. В декабре 1908 Далай-лама выехал из Пекина в Тибет, императорским указом ему был возвращен его ранг Далай-ламы с титулом *“верный и смиренный регент ограниченный законами государства-сюзерена”* (119, 148). Доносы тибетских министров императору о воровстве денег амбаном Лянь Юйем, доносы Лянь Юя на Чжао Эрфэна о чрезвычайной радикальности предпринимаемых им мер, говорят и о кризисе самого статуса амбаней в Тибете и безуспешности попыток вернуть былое влияние института амбаней в Тибете на закате Цинской империи.

Глава III.

Институт наместников в Монголии

Управление монголов в составе Цинской империи было организовано по той же системе административного и военного управления, который существовал у самих маньчжуров. В основу ее была положена военная единица – знамя (*ци*) или *хошун*, состоящий из *дзаланов* (полков). Полк формировался из более мелких единиц *сомонов* (эскадронов) - группы семей, способных выставить по 150 воинов, во главе которых стоял *занги* (начальник). Во главе знамени (*хошуна*) стоял *дзасак* – владетельный князь, назначаемый маньчжурским императором из числа родовой аристократии, который сосредотачивал в своих руках административное и военное управление под началом военного наместника.

Монгольские знамена подразделялись на две категории: “внутренние” и “внешние” (*вай фань*), такое деление определялось позицией маньчжуров по отношению к тем или иным монгольским племенам в ходе становления их режима, как более “лояльным” или менее “лояльным”. Монгольские “внутренние” знамена представляли собой 8 знамен (*мэнгу ба ци*), составленных из тех, кто входил ранее в состав маньчжурских знамен, и так же как маньчжурские знамена подчинялись Военному ведомству (*Бинбу*). Особое место среди южномонгольских знамен занимали знамена “внутренних подданных” (*нэйшу*), которые были созданы на территории суйюаньских и чахарских монголов, аймака тумэтов и хулунбуирских монголов. Они были лишены управления наследственного *дзасак-нойона* и подчинялись напрямую военным представителям цинской администрации, *дутунам* и *фудутунам* знаменных войск, и как “внутренние” монгольские “восемь знамен” подчинялись Военному ведомству.

К числу “внешних вассалов” (*вайфань* или *мэнгуфань*) относилось 49 южно-монгольских знамен. В 1661-1664 гг., в период установления нового администрирования Южной Монголией, маньчжурское правительство объединило их в 6 сеймов или *чуулганов* (кит. *мэн ци*)²⁶: Чжеримский, Чжоудаский, Чжосотуский, Силингольский, Уланцабский и Ихэдзуский. Все эти сеймы, как и хошуны, управлялись монгольскими князьями. На съездах, которые проходили, как правило, раз в три года, князья избирали председателя сейма или старшину сейма, который утверждался в Лифаньюань. Среди китайских ученых, включая историков из Внутренней Монголии, до сих пор нет единого мнения, почему именно *хорчин* монголы вошли в состав монгольских “восьми знамен”, а остальные южные монголы стали “внешними вассалами”, и чем отличается принцип управления монгольских “восьми знамен” от других знамен, объединенных в сеймовое управление. Однако общий вывод, по их мнению, представляется следующим: *“Система монгольских “восьми знамен” и сеймовых знамен были двумя формами господства маньчжуров над монголами. Управление монгольских “восьми знамен” (мэнгу бацзи) в корне отличалось от монгольских сеймовых знамен. Сеймовые знаменные войска в своей основе произошли от традиционной монгольской родовой системы объединения по отокам и аймакам”* (146, 78).

В дальнейшем знаменная система, существовавшая в это время в Южной Монголии, была поэтапно распространена на земли Северной Монголии, вошедшей в состав Цинской империи в к. XVII века, и на территорию Западной Монголии, присоединенной во второй половине XVIII века. В Северной Монголии было образовано 86 знамен, объединенных в сеймы по четырем аймакам (Тушетухановский,

---

²⁶ - Т.е. новая единообразная система знамен – хошунов сохранила черты традиционного старого территориального и административного деления Монголии.

Цэцэнхановский, аймак Сайин-нойона и Цзасактухановский). Также были образованы 29 хошунов в местах проживания монголов в Цинхае, 1 знамя в Тибете в районе проживания Цайдамских монголов. После разгрома Джунгарского ханства в 1755-1758 гг., ойратский роды (торогоуты и хошоуты) были разделены по 13 хошунам в двух сеймах.

В 1734 г. была составлена карта монгольских хошунов (53,262). Границы хошунов, цзаланов и сомонов были четко определены, каждый правитель хошуна *дзасак* получал вместе с печатью (атрибутом власти) и карту кочевий. На дзасаков и сеймовых старшин была возложена ответственность за положение дел на подведомственных территориях. В “Записках о монгольских кочевьях” (*Мэнгу юму цзи*) (9) описана подробная картина границ хошунов и ареал кочевий каждого рода с детальным описанием порядка приезда кочевой знати ко двору.

Законодательное закрепление нового административного устройства Монголии, гражданское и уголовное право, статус и формы зависимости монгольских князей от цинского двора, нашли отражение в законодательных актах Цинской империи, таких как “*Цааджин бичиг*” (Монгольское Уложение 1696 г.), “Халха-Джирум” и “*Лифаньюань цзэли*” (Уложениях Палаты по делам вассальных владений 1696, 1789 и 1818 гг.), вошедших в “*Да Цин хуэй-дянь*” (Свод законов Великой династии Цин). Центральным правительственным органом, от лица цинского императора осуществлявшим высшую законодательную, административную и судебную власть над Монголией была Палата по делам вассальных владений (Лифаньюань).

Особенность политики цинского двора в отношении монголов заключалась в том, что цинский двор рассматривал монголов как активную и боеспособную вооруженную силу, способную помочь в осуществлении активной завоевательной политики. Привилегии, даруемые монгольским князьям в Цинской империи, по замыслу цинских правителей должны

были служить им наградой за верную военную службу, связанную с охраной северных и северо-западных границ империи. *“Внутри Срединного государства состоящие в знаменных отрядах монголы держат караул императорского Запретного города, а на его окраинах стоят охраной по самому дальнему пределу. Вдоль и поперек сии земли простираются на десять с лишним тысяч ли. Более ста монгольских хошунов служат защитой столь обширных земель, каковых искони не имелось под властью Сына Неба”* (цит. по 91,193).

Важности поддержания боеготовности монгольского войска были посвящены статьи законов “Халха-Джирум” (21,85-86).

Задачи поддержания боеготовности монгольского войска в XVIII веке, а позже и охрана всех границ Цинской империи поручалась военным наместникам, которые с течением времени по мере бюрократизации их аппарата, превратились в особый институт по организации приграничной службы (охране и обороне приграничных территорий) и управлению местным населением.

3.1. Наместники в Южной Монголии

Территория Южной Монголии представляла как бы первый “буферный” пояс между собственно китайскими землями и Северной Монголией. Этот подход отражен в китайских названиях как “Внутренняя и Внешняя Монголия” (нэй Менгу, вай Мэнгу). Южная граница Внутренней Монголии шла по линии Великой стены, которая условно представляла внутреннюю границу между монгольскими и китайскими землями. Эта линия также как граница состояла из линии пограничных крепостей, где фиксировался въезд и выезд перешедших за границу Китая и Монголии (20, т.2,64). В трех пограничных пунктах (Калгане, Хух-хото, Долонноре) с сер.XVIII в. была разрешена торговля между китайскими и монгольскими торговцами.

Через территории Южной Монголии во “внешние” земли шли 5 основных дорог, названные по заставам у стен Великой китайской стены. В “Записках о монгольских кочевьях” они перечислены в следующем порядке:

- 1) Сифынкоуский тракт, вдоль которого в Южной Монголии было образовано 16 почтовых станций. Этот путь пролегал через аймаки *харчинов, тумэт, левое халхаское крыло, аохань, наймань, чжургут, корцинь, горлос, чжалаит, дурбот.*
- 2) Губэйкоуский тракт шел через хошуны *онют, чжалаит, барин, ару-корцинь* и *учжумуцинь*. Было устроено 10 станций.
- 3) Душикоуский тракт вел в аймаки *кэшиктэнь, абага, абаганар, хаоцит*. Было установлено 5 станций.
- 4) Калганский тракт был поделен на 9 станций и через аймаки *дурбэнь-хухэт, сунит, правое крыло Халхи* и *мао-минган* переходил в алатайскую военную дорогу.
- 5) Шахукоуский тракт вел в Ордос, на нем через каждые 100 *ли* было установлено 11 станций (9,324).

Территория Южной Монголии примерно к середине XVIII в. была поделена на военно-административные единицы, где главами цинской администрации стали назначаться военные чиновники или наместники. Становление и распространение института наместников в Южной Монголии означало формирование нового военного администрирования на территории всей Южной Монголии. Именно на военный характер нового управления указывает то, что наместниками назначались крупные военные чины из маньчжурских и монгольских знаменных войск, такие как суйюаньский гарнизонный *цзянцзюнь*, хулунбуирский *фудутун*, чахарский *дутун* (или чжанчзякоуский *дутун*) и жэхэсский *дутун*.

Суйюаньский цзянцзюнь.

Город Суйюань занимал ключевую позицию в организации обороны Пекина с севера и важное стратегическое положение в господстве над Южной Монголией. Расположен в 1 200 ли на север от Пекина, недалеко от города Гуйхуачэн (монг. Хух-Хото), поэтому другое образное название города - “Ключи от Северных ворот”.

Образование Суйюаньского гарнизона связано с походом Абахая 1632 г. против чахарского Лигдэн-хана, когда маньчжурский хан разбил у г.Гуйхуачен свою ставку, и в дальнейшем отсюда маньчжурская армия совершала походы против Минской империи и Чахарского ханства (50,140). Затем, после провозглашения Дай Цинской империи, в этом городе в случае военных операций, размещался штаб *фудутуна*. Так, в 1693 году при организации карательного похода императора Сюань Е против хана Галдана маньчжурский генерал Фэйянгу, стоявший во главе войск, получил генеральский титул “*аньбэй цзянцзюнь*” (Усмиритель севера), а затем титул “*ювэй цзянцзюнь*” (генерал – защитник правого фланга). Фэйянгу исполнял эти обязанности до своей смерти в 1701 году. Считается, что титул “генерал – защитник правого фланга” и стал предшественником суйюаньского *цзянцзюня*, военного правителя одной из главных областей Южной Монголии, назначенного в 1737 году, во 2-ой год правления императора Хун Ли (146, 54).

Город Суйюань стал ставкой суйюаньского цзянцзюня с гарнизоном в 3 тысячи 900 человек и с 2 помощниками в ранге *фудутуна*, под началом которых были различные офицерские чины маньчжурских, монгольских и китайских знаменных войск. Аппарат управления состоял из гражданского и военного ямыня, где хранилась печать цзянцзюня и карты местности. Также был штат писцов, переводчиков, посыльных, склад оружия, и т.д. Весь аппарат суйюаньского цзянцзюня делился на два отдела: правый и левый. Левый отдел состоял из специально

прикомандированных чиновников центральных министерств: министерства чинов (*Либу*), министерства наказаний (*Синбу*), военного министерства (*Бинбу*). Правый отдел состоял из чиновников министерства финансов (*Хубу*), министерства церемоний (*Либу*), министерства публичных работ (*Гунбу*). Подробнее обязанности распределялись следующим образом:

Левый отдел отвечал за поддержку боеготовности знаменных войск (зеленое знаменное войско из Датуна и Сюаньхуа), содержание лошадей знаменных войск, готовил ежегодные отчеты в Военный Совет (*Цзюнцичю*) и Министерство наказаний об этапированных преступниках, осуществлял проверку почтовых станций вдоль почтового тракта, посылал ежегодный отчет в Лифаньюань об уголовных преступлениях в Хух-хото и прилегающих монгольских землях, о численности лам в монастыре *Гуаньцзюэ*, выдавал разрешения от имени Лифаньюань на выезд торговцев в Улясутай.

Правый отдел вел контроль за расходованием казенных средств на провизию и вооружение Суйюаньского гарнизона, снабжение армии и аппарата чиновников в Улясутайском гарнизоне, расходы на свадьбы и похороны членов семей, приписанных к знаменным войскам, расходы на организацию религиозных обрядов и жертвоприношений, арендой казенных пашен, выдачей жалованья знаменным войскам.

В соответствии с правилами “Уложения Лифаньюань” 1818 г., гарнизон и столовые расходы суйюаньского генерала покрывались из податей жителей и торговцев Хух-хото (20, т.1, 127). К функциям гражданского контроля были добавлены обязанности следить за правилами торговли между китайскими купцами, приезжавшими из внутренних земель, и монголами, облагать пошлинами, наказывать укрывающихся от выплат.

Суйюаньское наместничество считалось главным военно-административным центром в Южной Монголии, к нему были приписаны 2 знамени хухэ-хотоских тумэтов, Уланцабский и Ихэчжоуский сеймы. Китайские историки отмечают, что “суйюаньский наместник ведал только военными делами, не вмешиваясь во внутреннее управление сеймов” (146, 108) и (148, 333). Непосредственным управлением сеймов занимались старшины из числа монгольских князей, назначаемые императором.

Хулунбуирский фудутун располагался в области Барга на северо-востоке монгольских земель. С конца XVII века это район играл большую роль в организации военной обороны против джунгарского хана Галдана и в военных операциях императора Сюань Е против русских поселений в Приамурье.

В “Хулунбуир чжилюэ” написано, первые военные укрепления в Хайларе построил глава (*шаншу*) Лифаньюань маньчжурский военачальник Арани, возглавлявший карательный поход против Галдана, где потом и разместился гарнизон хулунбуирского наместника”. По мнению этого источника, создание хулунбуирского наместничества было связано с “необходимостью воспрепятствовать расширению русской агрессии” (31, 37).

После решения “проблемы русских”: подписания Нерчинского договора 1689 г. и оформления пограничной линии с Россией, цинское правительство стало проводить политику “*и-минь ши-бянь*” (“переселять людей, [с их помощью] охранять границы”). (81, 27). Вплоть до середины XVIII века шло планомерное заселение хулунбуирских земель знаменными войсками, состоящими из приамурских народов и монголов разных родов из Южной и Западной Монголии. В Хулунбуир были переселены эвенки, солоны и дауры, которых в XVII в. маньчжурские властями “угнали” из Приамурья (с северного берега Амура, район

современного города Благовещенска) вглубь Дунбэя (Маньчжурии) с целью “лишить русских опоры в Приамурье” (83, 166).

Свое организационное начало хулунбуирское наместничество ведет от отделения от Хэйлунцзянского *цзянцзюня*. В исторической литературе его еще называют Цицикарским наместником, Амурским главноуправляющим генералом. В соответствии с “Уложением Лифаньюань” 1818 г. ямэн хулунбуирского дутуна получал кадровое обеспечение от Хэйлунцзянского *цзянцзюня* (20 ,т.1,76). В 1732 году из подчинения Хэйлунцзянского *цзянцзюня* были выведены 3 тысячи знаменных воинов дауров с семьями и переведены под начало хулунбуирского наместника. Уланцабские монголы были переселены из Суйюань в 1732 году и местом их кочевий определили местности между озерами Хулун, Буир и рекой Орхон в Хулунбуире (146, 109).

В 1734 году из Цэцэнхановского аймака были переселены 2 484 солдат, объединенных затем с барга-монголами (*син баэрху*). В 1742 году сюда были дополнительно переведены 3 тысячи дауров и солонов из Цицикара. Олеты (один из 12 “старых” отоков Джунгарского ханства) были переселены в Хулунбуир к середине XVIII века по возвращению в Джунгарию из южных пределов России и принятия цинского подданства¹⁶.

В компилятивном сочинении “Хулунбуир чжилюэ” (Описание Хулунбуирских земель), являющимся историко-географическим описанием Хулунбуирского района Внутренней Монголии (31), границы этого наместничества в цинский период “на 10-й год правления

---

¹⁶ - По сведению Чжао Юньтяна: “джунгары, подданные тайчжи Басанту, вернувшегося [в подданство цинского правительства], в 1755 году были переселены из Западной Монголии в Хулунбуир. Но прежде, при императоре Инь Чжэне в 1732 году они были переселены из Алтая в Чахарские земли, и только затем при императоре Хун Ли переселены в Хулунбуир (146, 110).

императора Инь Чжэна (1732 г.) определены следующим образом: на востоке до горной гряды Большого Хингана, на юго-западе до границ с Халхой (Цэцэнхановский аймак), с запада и севера по реке Аргунь, соседствуя с Россией” (31, 370).

Сначала ставка *фудутуна* располагалась в местности Чжаланьмутай (примерно на полдороге между г. Цицикар и г. Хайлар – Н.С.), но в 1732 г. *цзянцзюнь* Чжуэрхай доложил трону, что ввиду того, что “в Чжаланьмутай первый иней падает слишком рано, надо перенести [ставку]”. Ставка *фудутуна* была перенесена в местность Хайлар. К 1772 году Хулунбуирский гарнизон насчитывал 2 тысячи 500 воинов, численность такого гарнизона и определила окончательное создание хулунбуирского наместничества. Переселенные воины (солоны, дауры, орочены, барга монголы) были разделены на знамена¹⁷: каждые четыре знамени составляли правое крыло солонов и левое крыло солонов. Войска стали нести регулярную охрану границ, у каждого знамени была определенная территория несения службы и участок границы для пикетов. В то же время “были определены внутренние границы кочевий переселенных в эти земли солонов, дауров, барга-монголов, входивших в состав знаменных войск, и их стали снабжать, чтобы [они] охраняли границы” сказано в “Описании Хулунбуирских земель” (31, 372). После

---

¹⁷ - В “Историческом обозрении эвенкийского хошуна” (28) есть достаточно подробный экскурс в историю образования знаменной системы. У солонов знамены были образованы еще при Нурхаци и Абахаяе, когда было переселено вглубь Дунбэя около 5 тысяч солонов. Они были разделены на 5 родо- племенных групп “*аба*” по охотничьим территориям и угожьям, из их числа избраны 69 глав эскадронов (кит. *цзолинь*, маньчж. *не-жи-да*), над ними поставлен офицер (*цзунгуань*, маньчж. *у-хэ-ли-да*) и помощник офицера (*фуцзунгуань*, маньчж. *и-ли-цзи-да*), которые подчинялись *тунгуаню* (старший офицерский чин в знаменных войсках). Дауры были разделены на 3 родо-племенные группы *чжа-ба*. 5 *аба* солонов и 3 *чжаба* дауров были под началом Цицикарского управителя (*цзунгуаня*), даура Чжа-му-су, назначенного Цинами, и его помощника *фуцзунгуаня* даура Хунцзи, которые в свою очередь находились под прямым подчинением Лифаньюань. В первые годы правления Сюань Е дауры и солоны были переданы в ведение цинских войск в Нингута, затем переданы Хэйлунцзянскому *цзянцзюню* (28, 25).

переселения войск в этот район встала задача самообеспечения фуражем и продовольствием, освоения местных земельных угодий, которые закреплялись за знаменными войсками. Была налажена почтовая служба на отрезке Хайлар - Цицикар с 10 промежуточными станциями.

По правилам “Уложения Лифаньюань” 1818 г. хулунбуирский наместник должен был “*поставлять умелых стрелков 10 человек, умеющих подражать крику оленя*”, чтобы участвовать в облавных охотах императора в Жэхэ (20 ,т.1 ,275),

В штате хулунбуирского *фудутуна* состояли пять начальников знаменных гарнизонов (*цзунгуань*), восемь помощников (*фу цзунгуань*) и прочие чиновники: *цзолини* – 50 человек, штабные писцы (*битешуи*), переводчики монгольского, маньчжурского и русского языков. В 1895 г. был дополнительно назначен *селин* (командир полка знаменного гарнизона), который специально занимался делами народа *орочон*. Канцелярия *фудутуна*, состоявшая из 3-х отделов, вела финансовые дела, дела знаменных войск и населения, отвечала за исполнение наказаний, обеспечение провизией, фуражом, поддерживала боеготовность войска. Именно высокая боеготовность войск и подготовка резерва знаменных войск стали главной обязанностью гарнизона хулунбуирского наместника.

Знаменные войска солонов и дауров хулунбуирского *фудутуна* сыграли в дальнейшем большую роль в наступательных действиях цинской армии. В “Историческом обозрении эвенкийского хошуна” сказано, что 8 знамен дауров и солонов принимали участие в “*усмирении Синьцзяна, провинций Ганьсу, Нинся, Юньнани, Цинхая, Улясутая, Тибета и Тайваня*” (81, 29). Самыми известными военачальниками стали: генерал даур Хайланча, воевавший при императоре Хун Ли более 40 лет против джунгаров, затем на севере Сычуани в местности Цзинчуань, на Тайване; принимал участие в непальской военной кампании и со 1000 отрядом

дауров дошел до Катманду в 1793 г. Другой известный хулунбуирский наместник - улясутайский *цзянцзюнь* барга-монгол Дугар, воевавший против джунгаров (28, 307). Военное искусство хулунбуирских войск было воспето в тибетских народных песнях. Известная семья путешественников Рерихов в Тибете слышала рассказы о *“замечательной стрельбе из лука кавалеристов Маньчу (маньчжуров), доблести соломагми, или солонских войск, спасших тибетцев от разорительного набега непальских гурков в период непало-тибетской войны 1792 года”* (12, 428). Китайские историки высоко оценивают именно эту сторону деятельности хулунбуирского наместника: *“В период правления императоров под девизами Юнчжэн и Цяньлун войска под командованием хулунбуирского фудутуна имели большое значение в процессе завоевания северо-западных земель, сыграли большую роль в процессе утверждения господства цинского правительства над монгольскими землями”* (81, 111).

При императоре Инь Чжэне пограничная линия с Россией на вверенной Хайларскому наместнику территории была поделена на 16 калуней (пикетов), пикеты охраняли границы и отвечали за спокойствие на вверенной территории: осуществляли присмотр за ссыльными, поиск беглецов, пресечение кражи скота, контроль над ведением торговли и разрешение на пересечение границ кочевий. По описанию Я.П.Шишмарева, Хулунбуирское наместничество соседствовало с приононским и приаргунским краем России. Через караулы этого наместничества шли торговые пути в Калган и Долоннор. Если до заключения Пекинского договора 1860 г. торговые караваны задерживались и возвращались назад к границе монгольскими караулами, то после заключения договора и по мере извещения развития приграничной торговли, караваны с забайкальской шерстью и козьим пухом ходили в монгольские хошуны, в Долоннор и Калган (24, 56).

В материалах и документах “Русско-китайских отношений” (16;17), большая часть которых состоит из пограничной переписки, мы не нашли документы подписанные или отправленные от имени хулунбуирского дутуна. Видимо, Хулунбуирский наместник в ранге *фудутуна*, а затем *дутуна*, несмотря на организацию службы по охране границ с Россией на своем участке, был не уполномочен вести переговоры с представителями российской стороны. Это прерогатива была передана соседним пограничным наместникам: ургинскому амбаню и хэйлунцзянскому цзянцзюню.

Чахарский дутун руководил частью чахарских знаменных войск, разделенных на 8 знамен, после мятежа чахарских монголов при императоре Сюань Е в 1691 г. После подавления восстания потомков Лигдэн-хана, чахары были разделены: часть была переселена в местности Сюаньхуа, Датун и Чжанцзякоу (южнее Великой стены), Душикоу и Шаукоу (севернее Великой стены). На землях чахар-монголов были устроены конезаводы и казенные пастбища, построен монастырь Тайпу.

Чахарские 8 знамен в отличие от других 48 южномонгольских знамен не имели сеймовой принадлежности, не делились на хошуны и напрямую подчинялись *дутуну* монгольских знаменных войск, расположенному в Пекине. Родовое управление у чахар монголов было упразднено. С 1761 года с образованием ставки Калганского *дутуна* в г. Чжанцзякоу чахарские знаменные войска из ведения пекинского монгольского *дутуна* перешли в подчинение чахарского дутуна. В его функции входило: руководство и контроль над “полевыми” знаменными войсками и Калганскими гарнизонными знаменными войсками. Два помощника *фудутуна* возглавляли правое и левое крыло знаменных войск в пределах их кочевий. Чахарские войска сыграли большую роль в завоевании западной Монголии, часть чахарского войска была

расквартирована там постоянно. Помимо заведования делами чахарских монголов, он также надзирал за деятельностью Селингольского Сейма (45, 387). Штат *дутуна* состоял из начальника знаменного гарнизона (*цзунгуань*), помощника (*фу цзунгуань*) и прочих офицеров знаменных войск: *цаньлиней*, *цзолиней*.

Во второй половине XIX века в связи с осложнениями при поставке чая из Калгана в Кяхту, была учреждена специальная русская почтовая контора в Калгане для наблюдения за транспортировкой чая. По воспоминаниям Я.П.Шишмарева, у него установились добрые отношения с калганским наместником (24,19). Калган играл важную роль в транзитной торговле Китая и России. Это был единственный пункт доставки чая и товаров в Россию, китайских товаров в Кяхту, Ургу, единственным проходом для караванов, следовавших из Монголии в застенный Китай.

Жэхэский дутун стал главой военной ставки, расположенной в городе Чэндэ. Границы наместничества на севере простирались до предгорий Хингана, на востоке – до границ провинции Ляонин. Границы кочевий по территории наместничества были распределены между монгольскими племенами хорчин, тумэт, харачин, барин, онют, аохань, халха (левое крыло), объединенных в Чжосотуский сейма и сейм Чжу-уда.

К Жэхэскому наместничеству относились исконные территории членов маньчжурского императорского рода *Айсингиро*, здесь проходили традиционные охотничьи облавы маньчжурских императоров и императорский охотничий парк (*вэйчан*) в урочище Мурань, там же находилась летняя резиденция маньчжурских императоров. Именно поэтому помимо знаменных войск здесь были дополнительно расположены отряд дворцовой стражи под предводительством *фудутуна*, 3 знамени китайских войск под командованием *цзунгуаня*, другие отряды, несшие караул и охрану территорий.

Начиная с 1724 г. численность гарнизона составляла восемьсот солдат. В 1738 г. жэхэский гарнизонный офицер был повышен до ранга *фудутуна*, численность была доведена до тысячи двухсот человек. В 1810 году статус жэхэский *фудутуна* был произведен в ранг *дутуна*, а гарнизона увеличен до двух тысяч солдат.

В “Уложении Лифаньюань” 1818 г. обязанности генерала в Жэхэ перечислены в разделе “Обязанности некоторых чиновников внешних областей” (20, ч.1,53-56), из которых следует, что ему вверялись “*все дела, как по военной, так и по гражданской части*”, следственные и уголовные дела. Ему давалось право докладывать императору.

По нормам “Уложения” Лифаньюань, в канцелярии *дутуна* должно было быть два чиновника центральных ведомств: один из мин-ва Наказаний и Лифаньюань, сменяемым каждые три года. К двум гражданским “письмоводителям” добавлены еще два офицерских чина из местного гарнизона, хорошо знающие маньчжурский и монгольский языки и умеющие переводить со сроком обязанностей в 5 лет. “*Жалованье главноуправляющему в Жэхэ выдавать 180 лан в год и столовое содержание. Генерал в Жэхэ осуществляет контроль над соблюдением правил распайки земель, переданных китайцам, с помощью специального чиновника Лифаньюань, лично объезжать почтовые станции по дороге от Сифэнкоу*”. (20, ч.1,53-56).

Но главной обязанностью жэхэского наместника была организация облавных охот императора, охрана охотничьих угодий императоров, организация приема “вассалов”, приглашенных принять участие в облавной охоте вместе императором. Кстати, это приглашение рассматривалось как знак особого расположения императора к своему подданному (20, т.1,260). Помимо основных обязанностей, изложенных в правилах “Уложения”, жэхэские наместники выполняли важные поручения императора, такие как сопровождать иноземные посольства от границ

империи до столицы. Так, жэхэский фудутун в 1762 г. по указу императора сопровождал посольство афганского Ахмад-шаха, следовавшее из Яркенда в Пекин (7, док.№ 215, с.165-166).

3.2. Наместники в Северной Монголии.

Политика императорского двора на окраинных землях империи, на приграничных “зависимых” территориях, сводилась к созданию некоей пространственной буферной зоны между территорией империи и соседними государствами. Если Южная Монголия как бы представляла внутреннюю часть буферной зоны, то территория Северной Монголии простиралась вдоль внешней окраинной границы вассальных владений, “на границах в тех отдаленных местах, где небо смыкается с землей”.

После вхождения Внешней Монголии в состав Цинской империи и разделения на знамена, началось постепенное формирование цинского военного администрирования в Северной Монголии. Были созданы улясутайское (динбянское) наместничество, кобдоское и ургинское наместничества.

Улясутайский цзянцзюнь стал главным представителем цинской администрации в Халхе с 1696 года с постоянным местом пребывания в Улясутае. Образование Улясутайского наместничества началось с командирования в Улясутайский край военного чина с титулом “динбянский фуцзянцзюнь” (кит. “динбянь” - устанавливать границы, утверждать границы) в период маньчжуро-джунгарских войн в Халхе.

Первым военным “эмиссаром” с титулом *динбянский фуцзянцзюнь* с 1733-1750 гг. был халхаский военачальник Цэрэн¹⁸. Главной причиной

---

¹⁸ Дополнительные сведения из биографии Цэрэна получены из “Генеалогии монгольских родов (29, 124): “На 31 году правления Сюань Е (1692 г.), Цэрин принял

первых военных миссий были пограничные споры между джунгарскими правителями и Цинской империей в Халхе. Перемирие 1732 г., после поражения Галдан-Цэрэна от объединенных сил цинских и монгольских войск при Эрдэни-цзу, вылилось в трудный спор обеих сторон о линии границы между Цинским Китаем и Джунгарией. Обе стороны, в конечном счете, в 1739 году согласились считать границей Монгольский Алтай и озеро Убсанор, прилегавшие к владениям Дзасакту-хана. По этому договору джунгары лишались также земель, находившихся к востоку от Алтайских гор до Хангая. Под властью джунгарского Галдан-Цэрэна остался один Восточный Туркестан (65,207).

В 1733 году Цэрэн получает приказ возглавить сборный отряд из халхаских монголов в 500 человек и расположиться в Улясутае. С 1739 года после разграничения линии кочевий между джунгарами и Цзасакту-ханом, он возглавляет организацию охраны границ и обороны в случае нападения джунгаров. Цэрэн на протяжении 17 лет при исполнял обязанности *динбянского фуцзянцзюня*. Чжао Юньтянь усматривает в этом черты “перехода от временного состояния к постоянному” характеру данной должности (146, 115). В 1750 году его сын Чингунжав получил по наследству этот титул и до 1754 года служил в ранге *динбянского цзо фуцзянцзюня*.

В это время Джунгарской ханство переживало внутренний кризис. В 1750 г., как пишет И.Я.Златкин, “появились первые признаки распада

подданство Цинской империи, получил почетный титул третьей степени *ду-юй*, жалуемый военным, был приписан к чахарскому желтому знамени с каймой. 1706 году женился на дочери императора Сюань Е, у которой был титул *хэшо гуньчжу* (дочь, рожденная от наложницы императора), Цэрэн получил титул зятя императора (*хэшо эфу*) и звание *бэйцзы* (князь) 3-ей степени. В 1721 году получил титул *дзасака* (правителя хошуна). В 1723 году при императоре Инь Чжэне был дарован наследным званием *до-ло цзюнван* (князь 2-ой степени (5, 372), в 1731 году стал *хо-шо цинван* (князь 1-ой степени), возглавил один из крупных халхаских хошунов, в 1732 году героически сражался с джунгарским Цэрин Дун-ду-пу, награжден титулом “Герой исключительный храбрости” (*чао юн*). Умер в 1750 году (29, 124).

ойратского государства” (65,283). Междоусобные войны за ханский престол после смерти Галдан-Цэрэна между джунгарскими ханами (Лама-Доржи, Даваца, Амурсана) ослабили джунгарское войско. Цинское правительство стало готовиться к войне и приступило к мобилизации в Халхе. К джунгарской границе стали подтягиваться войска, началась полномасштабная подготовка к уничтожению Джунгарского ханства. В 1754 году император Хун Ли прислал войска в Улясутай во главе с маньчжуром Цэ-лэном, бывшим в разные периоды генерал-губернатором (*цзунду*) южных провинций Китая (Сычуань, Шэньси, Гуандун, Гуанси, Хэнань, Цзянсу, Чжэцзян). Обязанности динбяньского *цзо фуцзянцзюня* были возложены на него.

В 1755 году в Улясутай был направлен глава министерства Военных дел *Бинбу шаншу* монголу Баньди. Цинская армия была готова к походу. Армия была разделена на две части. Северный отряд возглавил Баньди, которому был дан титул генерал “усмиритель севера” *динбэйский цзянцзюнь*. Южный отряд возглавил маньчжур Юнхан. Передовые отряды состояли из отрядов ойратских князей, перешедших на сторону цинов, под командованием Амурсаны, желавшего с помощью цинских войск победить своего соперника Даваца. Авангард северного отряда возглавил Амурсана, которому был дан титул помощника “динбяньский *цзо фуцзянцзюнь*” (146,116). Весной 1755 года цинская армия во главе с Баньди и Амурсаной вошли в пределы Джунгарии и разбили Даваца. К лету 1755 года Джунгарское ханство было полностью завоевано. Главный соперник Цинской империи, с которым многие десятилетия шла война, был разгромлен, территория ханства была присоединена. На Джунгарию была распространена новая система управления, введенная ранее в завоеванных частях империи. Власть хана была упразднена, на обломках ханства было образовано четыре княжества: Хойт, Дербет, Хошоут и Чорос (65,292). Баньди был поставлен илийским наместником (*Или цзянцзюнь*),

Амурсана назначен хойтским хошунным правителем и помощником илийского *цзянцзюня*.

Вскоре, Амурсана, обманутый в своих ожиданиях стать всеойратским ханом, поднял мятеж. На основе “Записок о монгольских кочевьях” (9) события предстают в следующем виде: Амурсана вместе с халхаским Чингунжавом (он был динбянским *цзо фуцзянцзюнем* –Н.С.) выступили против цинских войск. Баньди командировал Эринцин-Доржи (халхаский князь, брат ургинского богдо-гэгэна – Н.С.) арестовать и конвоировать изменника Амурсану. Когда Эринцин-Доржи прибыл в Урунгу, чтобы арестовать Амурсану, Амурсана прибег к хитрости, он вручил Эринцин-Доржи печать улясатуйского *фо цзу цзянцзюня*, и, соврав что должен приготовить вещи, бежал через Иртыш. Эринцин-Доржи упустил Амурсану, и ему, как не выполнившему задание, было велено покончить с собой (9,346). Когда Амурсана напал на малочисленный гарнизон в Или, *цзянцзюнь* Баньди и его помощник О Цзюнь'ань после отчаянного сражения в Каши, окруженные неприятелями, кончили жизнь самоубийством. Император вновь послал армию в Джунгарию, в 1759 году западный край (*Сиюй*) был “умиротворен”.

После восстания Амурсаны титул *динбяньского цзо фуцзянцзюня* был передан военачальнику Даэрдана¹⁹, затем маньчжур Хэдахэ²⁰. Можно проследить, что основной обязанностью военачальников с титулом *динбяньского фуцзянцзюня* было ведение военных действий против джунгарских войск. Превращение титула *динбяньского цзо фуцзянцзюня* в постоянного военно-административного представителя цинской администрации в ранге *цзянцзюня* в Северной Монголии произошло уже после подавления восстания Амурсаны.

В 1767 году в Улясутае была построена крепость, в которой

---

¹⁹ - Даэрдана был жэхэским наместником с 1741 по 1745 гг. (см. Приложение 1).

разместились штат динбянского *цзо фуцзянцзюня*, прикомандированные чиновники центральных ведомств. *Ямынь цзянцзюна* располагался в западном крыле и занимал 59 комнат, канцелярия 2-х гражданских помощников (*цаньцзань дачэней*) располагалась в восточном. В этой же крепости находилась кумирня, склады, воинский гарнизон и т.д. Строительство крепости ознаменовало завершение становления Улясутайского наместничества (146, 117).

В штате *цзянцзюня* были два помощника *цаньцзан дачэни* (маньчж. *хэбэй амбани*) – маньчжур, живший во внутреннем дворе крепости, и монгол, живший во внешнем дворе крепости. Военный гарнизон состоял из войска зеленого знамени численностью в 2 тысячи 400 солдат, каждое центральное министерство имело несколько чиновников, прикомандированных в Улясутай, у каждого министерства был свой *ямынь* внутри крепости. Например: *ямынь Нэйгэ* (Государственной канцелярии) вел переписку со столицей, писал доклады трону, ведал почтовыми пересылками. *Ямынь* Министерства финансов (*Хубу*) отвечал за воинское жалование, питание, поставку продовольствия, соли, зерна, табака, чая, тканей. *Ямынь* Военного министерства (*Бинбу*) вел контроль над торговцами, приезжавшими в Улясутай, наказаниями за провинности, состоянием воинского гарнизона. *Ямынь* Лифаньюань ведал только монгольскими делами.

Улясутайский *цзянцзюнь* обладал всей полнотой военной и гражданской власти на вверенной территории. Ему, как главнокомандующему всеми войсками Северной Монголии, подчинялись хошунные и аймачные ополчения. В его компетенцию входило решение разного рода гражданских дел, включая судебные тяжбы и иски. Через него, как представителя императорской власти, проходили все указы

---

²⁰ - Хэдахэ был хулунбуирским наместником с 1735 по 1736 гг. (см. Приложение i).

императора, касаемые монгольской аристократии (назначения на должность, сроки аудиенции, присвоение титулов). До 1761 года его полномочия распространялись на все 4 аймака Халхи. С конца XVIII века в Улясутае размещались представительства (*джиса*) от четырех аймаков Халхи, через которые в аймачные центры поступали все распоряжения центрального правительства, так и от самого *цзянцзюня*. Здесь же располагались военное и почтовое управления.

В канцелярии улясутайского цзянцзюня проходили обучение и административную “стажировку” наследники княжеских титулов, хошунные правители и отпрыски менее знатных княжеских родов. В 1769 г. улясутайский цзянцзюнь Цэнгунчжав, представив императору доклад, предложил *“из числа младших сыновей и младших братьев ванов, бэйлэ, бэйцзы, цзасак-тайджи, состоящих в халхаских Тушэтухановском, Цзасактухановском, Сайннойонханском аймаках, выбирать тех, кто по способностям пригоден для воспитания и образования”* (цит. по 92, 100). Отобранных таким путем людей он предлагал направить в Улясутай на 5 лет, чтобы там они обучались у несущих служебное дежурство цзасак-тайджи ведению казенных дел и переводу официальных документов на маньчжурский язык. Об окончивших полный курс занятий княжеских наследниках императору предоставлялся специальный доклад. Старшие чины аймачных сеймов и хошунные цзасаки должны были хорошо ориентироваться в цинских правовых нормах, касающихся Монголии, обладать практическим опытом ведения служебных дел, твердо знать ритуалы и церемонии, владеть маньчжурским языком. Тем самым создавался резерв чиновников для административного аппарата цинских наместников в Северной Монголии (Кобдо, Урге, Улясутае).

Новое администрирование, введенное маньчжурами в Монголии, было распространено и на территорию Тувы, с 1759 г. вошедшей в состав Цинской империи. На территории Танну-урианхая было создано 5 знамен

(146, 118), но они не входили в состав сеймов, каждое знамя подчинялось *цзунгуаню*, назначаемому из местных дзайсанов. В Туве на основе родового управления был сформирован институт *бугдийн-дарга*, главы тувинских хошунов, который просуществовал более полутора веков. Тувинский *бугдийн-дарга* был подчинен улясутайскому *цзянцзюню*. Институт *бугдийн-дарга* ведал административными, хозяйственными, военными и судебными делами в пределах своей территории, был связующим звеном между тувинскими хошунами и цинскими властями в лице улясутайского *цзянцзюня*. Тувинские монголоязычные источники сообщают о деятельности первых *бугдийн-дарга* (49, 214). Тувинская монголоязычная летопись “Родословная бугдийн-дарга” приводит полный список тувинских *бугдийн-дарга* до 1916 года. Так, первые *бугдийн-дарга* были монголы, и находились во главе управления в общей сложности двадцать четыре года, затем на эту должность был назначен тувинец Даши, и должность *бугдийн-дарга* стала наследственной (13,9). У последнего *бугдийн-дарга* из рода Хурулмая власть была отобрана русским комиссаром Григорьевым (39, 156). Летопись содержит переписку *бугдийн-дарга* с улясутайским *цзянцзюнем* и касается, в основном, кадровых назначений. *Бугдийн-дарга* как уполномоченный цинскими властями чиновник владел печатью, картой линии уртонов, в его распоряжении находился штат чиновников на государственном жаловании (13,13).

Становление и оформление улясутайского наместничества в годы правления императоров Инь Чжэна и Хун Ли являлось одним из главных административных преобразований в Халхе. Дальнейшее усиление функций военного наместника означало дальнейшее ужесточение политики Цинов в Северной Монголии, ослабление власти монгольских князей. Была ликвидирована власть аймачных ханов (они были приравнены к хошунным дзасакам), происходило дальнейшее дробление

северо-монгольских земель (в 1725 году образован еще один (четвертый) аймак – Сайн-ноёна, получивший название Средней дороги (52, 35).

В соответствии с новыми задачами покорения земель в западной Монголии, а затем и эффективного управления ими после покорения, с середины XVIII века цинские власти провели ряд мероприятий по укреплению местных органов управления. В помощь улясутайскому *цзянцзюню* были назначены помощники: в 1758 г. назначен чиновник *дачэнь* (маньчж. *хэбэй амбань*) с резиденцией в Урге и в 1761 г. было образовано постоянное наместничество в Кобдо.

По мнению Чжао Юньтяня, в конце XVIII века “военные обязанности динбяньского *цзо фуцзянцзюня* стали менее важными, надсмотр и контроль за монгольскими родами стал главной обязанностью” (146, 116). Мы считаем это мнение обоснованным, т.к. то война с джунгарами была завершена, граница империи продвинулась далеко на запад, где теперь “утверждал границы” кобдоский наместник.

С течением времени значение Улясутая стало падать и на место главного экономического и культурного центра выдвигается Урга. Улясутайский *цзянцзюнь* обеспечивал охрану границ на своем участке, но не был уполномочен вести пограничные переговоры с Россией. Так, на линии границы на Алтае с российской стороны комендант Бухтарминской крепости в 1797 и 1798 гг. пытался вести переписку с улясутайским наместником об открытии приграничной торговли. Но улясутайский наместник не был уполномочен вести переговоры по таким делам и отсылал его письма на рассмотрение ургинским амбаням (7, док. № 245, с.217-218).

Ургинское наместничество

Ургинский наместник изначально действовал на правах помощника улясутайского *цзянцзюня*. Причиной назначения ургинского наместника

китайские историки связывают со смертью монгольского богдо-гэгэна, теократического правителя Халхи. с 1758 г., и в подтверждение приводят указ императора Хун Ли от 1758 г.: “[в виду того, что] Джэбдзун–дамбахутухта достиг нирваны и прочтены все погребальные молитвы, [там] остался только Сун-ду Доржи вести дела, [но так как] паства очень большая и нет никого, кто может управлять, направить халхаского цзо фуцзянцзюня Сандзай-Доржи как подходящую кандидатуру в качестве правителя” (цит. по 146, 120). Поэтому, ургинский наместник монгольский амбань (*мэнгу дачэнь*) представлял цинскую администрацию в Урге в помощь теократическому правлению халхаского богдо-гэгэна.

Действительно, ургинский амбань занимался делами буддийского духовенства, в этом выражалась особое покровительство цинских императоров по отношению к монгольскому духовенству. Так, в летописи “Эрдени цзу” упоминается о том, что на строительство новых кумирень монастыря Эрдени цзу, разрушенных в период халхаско-ойратских войн, потребовалось распоряжение императора о выделении средств. Разрешение было получено через амбаня, и в ходе строительства амбань проводил ревизию средств, отпущенных на строительство. “В пятьдесят восьмом году, в год воды-коровы (1793 г.) по высочайшему указанию ведомства амбаня, находящегося в Хурэ, прибыл писарь Чойраши с ревизией строительства в Эрдени цзу. Он провел ее и [результаты] отослал в Военное ведомство (5, 85).

Периодически в Халху направлялись чиновники Цзюньцзичу с различными поручениями, большей частью военного характера. Известно, что цинские власти испытывали большие затруднения с набором в Халхе солдат в армию, действующую против Джунгарского ханства, поэтому неоднократно в Халху направлялись сановники с императорским поручением организовать розыск и отправку в военные лагеря уклонявшихся от военной службы халхасцев (7, см. док. № 117).

Назначение маньчжурского амбаня (*маньчжоу дачэнь*), дополнительно к существовавшему монгольскому амбаню, произошло в 1762 году. Это связано с тем, что расширился и усложнился круг задач, связанных с уточнением российско-китайской границы и развитием торговых отношений с Россией. После официального разграничения границы между Россией и Цинской империей по Кяхтинскому (Буриинскому договору) 1727 года, многие вопросы урегулирования пограничных проблем и приграничной торговли не были решены окончательно (53,92-93). Поэтому постоянно возникали спорные и конфликтные ситуации в связи с беженцами, нелегальным переходом границы, запретом или разрешением на торговлю в Маймачэне, размерами таможенных пошлин и т.д.

Назначение маньчжурского амбаня в Ургу, по мнению Чжао Юньтяня, также носило характер временного прикомандирования чиновника “с поручением”. Начиная с 1785 года, прикомандированные чиновники разных центральных ведомств стали назначаться на регулярной основе для “*надзора за российскими делами*”, что связано, в первую очередь, с развитием приграничной торговли в Кяхте и Маймачэне (146, 121).

По мнению А.Н.Хохлова, передача маньчжурскому амбаню полномочий контроля над ходом торговых и политических дел с русскими в районе Кяхты и Маймачэна резко ухудшила условия приграничного торгового обмена. Угрожая прекратить торговлю, цинские власти стали настаивать на отмене пошлин с русских товаров в кяхтинской таможне (102, 22). В 1764 г., прекратив торговлю, он велел удалить из Маймачэна всех купцов и ввести туда военный отряд (в количестве 400-500 чел.), чтобы воспрепятствовать тайной торговле монголов с русскими. Под разными предлогами (чаще всего из-за мелких нарушений пограничного режима), цинские власти неоднократно останавливали торговые операции в Кяхте.

Цинская пограничная администрация только с 1744 по 1792 гг. десять раз останавливала кяхтинскую торговлю, чем причиняли серьезный ущерб взаимовыгодной торговле (102,25). Ургинские правители с самого начала стали проводить политику строгой регламентации внешней торговли.

По положениям цинского законодательства “Собрания законов династии Цин” (*Дацин хуэй-дянь*) полагался следующий порядок назначения и круг обязанностей: *“Назначить ургинскими амбанями двоих²¹, одного выбирать из сановников маньчжуров и монголов из Пекина, другого – назначать из числа халхаских дзасаков. Разместить в Урге чиновника Лифаньюань одного человека, битешу – 2 человека, направить в Кяхту чиновника Лифаньюань одного человека. Взять в подчинение караульную службу пикетов всех дзасаков; на востоке до границ Хэйлуңцзяна вести управление совместно с хэйлуңцзянским цзянцзюнем, Хайларским фудутуном; на западе до границ Цзин-цзи-ли-ке совместно управлять с динбянским фуцзянцзюнем и кобдоским цаньцзань дачэнем”* (цит. по 146, 122).

По “Уложению” Лифаньюань 1818 года, находящийся в Кяхте чиновник Лифаньюань по управлению торговыми делами между Россией и Китаем был подчинен ургинскому амбаню. *“По множеству дел в Урге”* в канцелярии ургинских абаней был увеличен штат секретарей за счет прикомандирования из канцелярий правителей четырех северо-монгольских аймаков. (20, т.2 с.72). В Постановлениях, относящихся к границе, ургинскому амбаню полагалось объезжать границу каждые 10 лет (20, т.2 с.294). В одной из таких инспекций ургинского правителя по восточной границе наместничества до Нерчинского края, граничившего с Хаулунбуирским наместничеством, проехал и Я.П.Шишмарев в 1864 году,

---

²¹ - Ургинский *баньши дачэнь* и *баньбань дачэнь* в переводе с монгольского назывались “сановниками, командированными по Высочайшему повелению и решающие дела в Урге” (45, 379).

“чтобы устранить недоразумения, устроить порядок местных сношений на границе” (24, 51).

Главенство амбаня, присылаемого из столицы, над местным амбанем, избираемым их числа халхаским дзасаком, определило их дальнейшие взаимоотношения. Столичный чиновник в ранге дачэня был выше хошунного дзасака, возможно, что это отражало общую установку цинского двора в важности политических (внешнеполитических) функций над военными. По мнению А.Н. Хохлова и других исследователей (52, 106), *“номинально во всех делах по управлению этим краем монгольский амбань должен был давать советы столичному, однако фактически он (монгольский амбань) чаще всего выполнял указания последнего”* (100, 200). В списке *“ургинских амбаней”*, составленном нами по китайским и русским источникам и литературе (18, 100, 146, и др.) даны лишь имена маньчжурских амбаней, имена всех монгольских амбаней пока восстановить не удалось. По материалам документов *“Русско-китайские отношения в XIX веке”* можно проследить, что *цин-ван* Юндэндорж, племянник Тушэту-хана²², свыше 40 лет был ургинским амбанем во времена правления трех маньчжурских императоров: Хун Ли, Юн Яня и Минь Нина (с 80-х годов XVIII века по 20-е годы XIX века), и сыграл заметную роль в российско-китайских отношениях данного периода. Другим ярким исключением стал улясутайский амбань Цэцэн-хан Артишита, назначенный в 1862 году монгольским амбанем в Урге. По воспоминаниям русского консула Я.П. Шишмарева, *“мнение Цицен-хана во всех делах занимало первое место”*, и *“оставаясь на должности ургинского амбаня в течение 14 лет, Артишита много содействовал развитию наших сношений как внутри страны, так и на границе Торговля*

---

²² - Перипетии служебной карьеры *“вана Юндэндоржа”* и его личные характеристики, данные Л.С.Байковым и Н.Я.Бичуриным, подробно описаны в комментариях к архивным документам (18,870).

наша получила полную свободу как здесь в Урге, так и в хошунах” (24,50). Думается, что это доброе отношение монгольских амбаней к российской миссии в Урге было скорее исключением и зависело больше от личности самого амбаня.

Амбани, присылаемые из столицы, как видно по списку ургинских амбаней, менялись довольно часто и находились в должности от года до двух лет, на этой должности (ургинского амбаня) попеременно побывали илийские, чахарские, турфанские, сининские, тибетские и улясутайские наместники.

В конце XVIII века в ведение ургинских амбаней перешли дела двух восточных аймаков, Тушэтуханского и Цэцэнханского. С течением времени, когда ургинские наместники получили право непосредственного доклада императору, их зависимость от улясутайского *цзянцзюня* стала скорее номинальной и выражалась лишь в обязанности представлять ему копии донесений в Пекин

Штат чиновников к концу XVIII века составлял более 170 человек и состоял из должностей офицеров, курьеров, переводчиков, тюремных надзирателей и т.д. В подчинении ургинского судебного управления находилось и кяхтинское пограничное судебное управление. (146, 35-36)..

Ургинские амбани и их роль в российско-китайских отношениях

Одной из самых основных и ответственных обязанностей, возложенных на ургинских амбаней императорским двором, стало урегулирование на месте вопросов, связанных с китайско-российскими отношениями. Их сфера компетенции в этом вопросе была подробно расписана в виде постановлений в “Уложении Лифаньюань”. В “Уложении Лифаньюань” 1818 г. содержатся 6 Глав, “содержащие в себе сношения с *Россиєю*” (20, т.2, 279-300), где изложены основные правила торговли на границе, порядок охраны русско-китайской границы для чжасаков,

подчиненным улясутайскому, кобдоскому и ургинскому наместникам, правила пребывания российских подданных на территории Китая и т.д., вплоть до статей, рекомендующих одаривать “Русских чиновников шелковыми платками” (20, т.2, 291).

Круг обязанностей ургинских правителей в сношениях с Россией состоял в следующем: переписка с канцелярией иркутского генерал-губернатора, прием русских курьеров, встреча с таможенными чиновниками и торговцами, открытие или закрытие приграничной торговли²³, объезд линии границы. Позже, когда в 1861 году было открыто российское консульство в Урге, амбани стали решать эти вопросы напрямую с российским консулом, и были обязаны оповещать население об изменении правил торговли с Россией после заключения Пекинского договора. Однако, по мнению консула Я.П.Шишмарева, это не было сделано за 6-7 лет существования этих документов. Это стало серьезным препятствием для ведения торговли русскими купцами на территории Монголии (24, 44).

Красноречивой иллюстрацией круга других специфических обязанностей амбаней и их подчиненных, также связанных с Россией, может служить рассказ Григория Шарина, русского пленника, невольно оказавшегося по ту сторону границы в руках ургинского амбана²⁴. В его *“Записках монгольского языка ученик Григорий Федоров сын Шарин о бытности своей в китайском государстве апреля с 14 1778 г. по 8-е число февраля 1780 г.”* рассказывается о злоключениях, постигших его на

---

²³ - Так, летописи города Иркутска сообщают, что “Иркутский губернатор Л.Г. Нагель и *асхань-и-амбань* Сун Юнь подписали “протокол” о возобновлении торговых операций в Кяхте” (10, 298). Сун Юнь был ургинским амбанем в 1785 – 1790 гг. (см. Приложение i).

²⁴ - Григория Шарина, изучавшего монгольский язык в городе Троицкосавске близ Кяхты, китайские власти обвинили в воровстве и угоне лошадей. Хотя он так объясняет переход границы: “...зделался пьяным до беспамятства, каким образом вшел в форштат и очутился за границей, этого всего не помню...” (цит. по 100, 186).

китайской стороне: как его привели на допрос к *дзаргучи* (монг. чиновник), затем направили для дознания чиновнику Лифаньюань, потом отправили к правителю Урги, в то время амбаню Солиню²⁵. *“...Но Соли амбань, не веря моему истинному показанию, кричал мне с яростью и угрожал, ежели я не признаюсь, истязать меня. И приказал принести и принесены были мучительные орудия из веревок и ремней, чего я убоившись, говорил...”*. А говорил он, отвечая на следующие вопросы амбаня: *“...каким образом нынешняя государыня на престол вступила, почему начальников немецкой породы более, чем российской.. Находится ли Российское государство в подданстве у немцев ? Почему Россия воюет с Турцией и во сколько дней набегает скорая почта от Москвы до Кяхты”*. Таким образом, шел сбор стратегических сведений о соседнем государстве. Что подтверждается инструкцией, выданной амбаниями, кяхтинским дзаргучеям. Пункт пятый инструкции рекомендовал²⁶: *“Обходиться с россиянами учтиво, а не так как было прежде. Ходить к ним в компании и звать к себе не запрещается. Но между тем стараться узнавать не только о коммерческих, но и о государственных их делах. Узнавший об этом и донесший обществу и дзаргучею награжден будет как отличившийся по торговле человек”* (цит. по 102,121).

Ургинские амбани, по сравнению с цинскими наместниками в других вассальных владениях Цинской империи, обладали значительными

---

²⁵ - Амбань Солин (кит. Со-ли), маньчжур, по сведениям А.Н.Хохлова, был ургинским правителем с 1765 – 1768 гг., хотя действие с допросом Шарина относится к 1778 – 1780 годам. Известно, что Солин был отрешен от должности и вызван в Пекин, *“... У Солина все имение взято на государя, сам же он сослан в ссылку, в город, состоящий близ Далай-ламы”*. Он получил назначение на должность помощника амбаня в Тибете (*баньши дачэнь*) и умер по дороге из Пекина в Лхасу (100, 197). Есть сведения о Солине в “Биографиях цинских амбаней в Тибете”. В его биографии сообщается, что Солин (Суолин) дважды назначался в Тибет: в 1772- 1774 гг. – помощником амбаня, но из-за проблем со здоровьем был отозван в Пекин через 2 года. Второй раз в 1780 году приехал в Тибет, видимо как раз в “почетную ссылку”, и через год умер во время военного похода (38,48).

полномочиями в сфере внешнеполитической деятельности, но право окончательного решения принадлежало императорскому двору. Об этом говорит переписка 1805 г ургинских амбаней с Лифаньюань и императорским двором, где они просят прислать детальные указания по тем или иным вопросам, например, как принимать русское посольство Ю.А.Головкина в Цинскую империю (18). Как представители цинского двора, амбани принимали деятельное участие в пограничных переговорах и составлении договоров с Россией. Так, при участии маньчжурского амбаня в 1768 г. состоялось подписание дополнительной статьи к Кяхтинскому договору под названием “Прибавление к трактату, разменное российским комиссаром с китайскими амбаниями”, которая регулировала режим на русско-китайской границе (53, 94). Назревший кризис в урегулировании споров о перебежчиках и нарушителях границы заставил обе стороны начать переговоры заключить новое “Соглашение” (так называемы “Международный акт”) (53, 95). В переговорах цинская сторона была представлена ургинским амбанем маньчжуром Сун Юнем²⁷ и халхаским князем Саньдубдорчжи, предположительно монгольским амбанем. Подписание этого договора привело к значительному оживлению кяхтинской торговли.

Материалы и документы “Русско-китайских отношений в XIX веке. 1803-1807” дают обильный фактологический материал о деятельности “ургинских администраторов”. Они представлены в переписке амбаней с центральными правительственными учреждениями – Военным Советом (*Цзюнцичжу*) и Лифаньюань; переписке с сибирской администрацией; переписке между центральными правительственными учреждениями обоих государств – Лифаньюань и Сенатом (8). Составители этой

---

²⁶ - Более полный текст в старом русском переводе см. работу А.Н.Хохлова (102, 119-123).

документальной серии отмечают, что документы Канцелярии ургинских правителей написаны по определенному трафарету и так называемым “суконным языком”, а в докладах на высочайшее имя, не стесняясь в выражениях, допускают *“самые грубые и оскорбительные выражения в адрес русских”* (18, 34).

Недоброжелательный настрой ургинских амбаней в обращении с российскими посланниками был выражением общей политики цинского двора по отношению к России и другим государствам, которая в XIX в. была направлена на изоляцию страны от внешнего мира. Так, “ургинские ван и амбань” чинили препятствия действиям русского посольства во главе с Ю.А. Головкиным в 1805 году, опираясь на наставление Военного Совета (Цзюнцичу), *“будет очень хорошо, если русский посол, получив письмо с нашим отказом, остановится на полпути”* (18, 11).

Однако, российская сторона стремилась установить хорошие отношения с ургинским амбанями, чтобы они не препятствовали российско-китайским контактам. Так, Россия придавала большое значение учреждению консульства в Урге для нормализации отношений между двумя соседними странами, предусмотренного условиями Пекинского договора 1860 г. В инструкции государственного канцлера А.М.Горчакова говорилось, что *“ургинский пост заимствует для нас большое значение, усиливающееся еще близостью к нашей границе. А потому необходимо стараться приобрести дружественное расположение правителей, избегая всего, что может бесполезно обидеть их самолюбие”* (24, 44).

Такое отношение к амбаням определялось их ключевым положением в решении пограничных дел, ростом их полномочий и авторитета в XIX в., что учитывалось российской стороной. *“Постепенно все пограничные дела с китайской стороны сосредотачивались в Урге. Решались здесь или на*

---

²⁷ - Сун Юнь – автор записок “Или цзунтун шилюз” (“Общее обозрение Или”, опубликованных в 1796 г. По другим сведения Сун Юн был монголом (104,7).

Кяхте, где бы ни возникали на границе от Амура до Тарбагатайской области включительно. Ургинские правители принимали участие в пограничных и Тарбагатайского края делах. При посылке китайским правительством в 1855 году на устье Амура уполномоченных для переговоров с генерал-губернатором Восточной Сибири графом Муравьевым были назначены делегаты из Урги. Поэтому амбани именовались “главноуправляющими всеми пограничными делами”. Титул этот помещен в их печати и остается поныне. Ни один пограничный вопрос не решался Пекином без предварительного мнения здешних правителей, авторитет их в пограничных с Россией делах был весьма веский” (24, 42). Только через ургинских правителей консульство могло решать вопросы, возникающие на других участках российско-китайской границы. Ургинские амбани давали предписания улясутайским, кобдоским и хулунбуирским (или хайларским) наместникам в решении пограничных вопросов на их участках китайско-российской границы.

Цинские власти с самого начала открытия консульства России в Урге, проявили высокомерие и недоброжелательность к российским посланникам. Как вспоминает консул Я. П. Шишмарев, “...в высокомерном интригане Сектунги мы уже имели противника и недоброжелателя, что не замедлило выразиться вслед за вступлением консульства в Пургу” (24, 44). Это выражалось в многочисленных препятствиях при постройке здания консульства, препятствиям приезду семей членов консульства, стеснению торговли русских купцов в Урге и запрету торговать с местным населением. По описанию Я. П. Шишмарева дело доходило вплоть до кровавых сцен: “Около подворья целые дни расхаживали полицейские монголы под видом частных зрителей. Толпа, конечно, собиралась частью из любопытства, частью из желающих купить что-нибудь из русских товаров; решившиеся на это подвиг тут же получали удары плетью или палкой по чем попало и окровавленные уходили домой” (24, 47). По мнению

русского консула, *“подозрительность и враждебность маньчжурских властей в Монголии наблюдались за 25 лет со времени учреждения нашего Консульства в Урге”* (24, 49).

Ургинские амбани, начиная со второй половины XVIII в., постепенно заняли главное положение в управлении пограничных северных территорий Цинской империи.

Увеличение обязанностей, связанных с растущими связями с Россией, приграничной торговлей, привели к преобладанию внешнеполитических функций над функциями внутривнутриполитического характера. Внутриполитические функции ургинских амбаней, также как и у других цинских наместников в Монголии, других сводились к военно-административному контролю за делами восточно-халхаских аймаков: поддержке резерва знаменных войск, инспектированию пограничных караулов между внешними и внутренними хошунами.

Кобдоское наместничество - третье наместничество в Северной Монголии - было основано в 1762 году.

Местность, в которой была построена крепость Кобдо, занимала важное стратегическое положение еще во время военных действиях императора Сюань Е против джунгарского хана Галдана. Приказ императора Сюань Е построить в Кобдо военную крепость относится к 1718 году, однако крепость была построена в 1731 году при императоре Инь Чжэне.

Император Хун Ли продолжил военное строительство и укрепление Кобдо, вблизи которого были поставлены караулы Тоэрхэ и Буяньту. Строительство крепости в Кобдо и дополнительных пикетов для укрепления джунгаро-халхасской границы вызвало беспокойство хунтайджи Галдан-Цэрена, поскольку пикеты оказались выдвинутыми вглубь Монгольского Алтая. Джунгарский посланник Халю на аудиенции в

1739 г. передал послание императору Хун Ли, что *“Галдан-Цэрен опасается, что в будущем в этих местах могут быть построены крепости и расквартированы войска, поэтому [он] просит милости [не делать этого]”*. (7, док. 120, с.297). В дальнейшем разграничение джунгаро-халхаской границы неоднократно становилось предметом для споров между обеими сторонами в 1739 и 1740 гг., которые находили компромиссное решение. В это время на джунгаро-халхаской границе уже действовала служба управления приграничным участком, т.к. в послании императора Хун Ли от 1740 г. Галдан-Цэрену о разрешении джунгарам вести торговлю в Китае и вести караваны с паломниками в Тибет говорится о необходимости *“...заранее сообщить приграничным властям время отправления [караванов из Джунгарии] и день перехода ими границы. Когда они доложат [двору] об этом, будет отправлен [навстречу твоим торговцам] чиновник для ведения торговых дел...”* (цит. по 7, док. № 122, стр. 302).

События в Джунгарском ханстве, смерть Галдан-Цэрена и обострение междоусобной борьбы, требовали дальнейшего усиления границы. В 1745 г. император Хунли в секретном указе, посланном через сановников Цзюнцзичу, предписывает цзянцзюню и дачэню северозападных направлений принять меры предосторожности: *“Приказываем цзюнцзюню и дачэню тщательно разработать план, чтобы надлежащим образом обеспечить подготовку оборонительных мероприятий”* (7, док. № 132, с.5)

С 1754 года по приказу императора Хун Ли военный гарнизон крепости должен был заниматься обработкой казенных пахотных земель. В 1756 году кобдоским *цаньцзан дачэнем* стал Хэдахэ, бывший когда-то хулунбуирским наместником и улясутайским *фу цзянцзюнем*, это, видимо, было связано с тем, что часть знаменных войск была прислана из Хулунбуирских земель. В 1757 году его сменил Агуй, позже он станет

Илийским *цзянцзюнем* 1767-1768 гг.. По мнению Чжао Юньтяня, эти военачальники “исполняли временные обязанности, связанные прежде всего с руководством военными действиями, и не представляли глав военной администрации. Только в 1761 году после победы над Амурсаной и покорения Джунгарии, началось усиление господства над северной Монголией. Тогда было решено о командировании из Улясутая на **постоянной основе** *цаньцзан дачэня* в Кобдо. В 1767 году была расширена крепость в Кобдо и расположена военная администрация. Таким образом, с основанием кобдоского наместничества завершилось формирование военно-административной системы управления северо-монгольскими землями после присоединения к Цинской империи” (146, 118).

Ямынь кобдоского наместника состоял из военной канцелярии, заведовавшей помимо военных дел и торговыми делами, монгольского отдела, занимавшегося исключительно монгольским населением, тюрьмы, и кумирни. Штат кобдоского амбаня (кит. *цаньцзан дачэня*) был не очень большим: один помощник монгол (*банбань дачэнь*), несколько офицерских чинов из знаменных войск (*чжанцзин*), по одному чиновнику из Военного ведомства, Ведомства финансов и Лифаньюань (3 человека), писцы и переводчики. Круг обязанностей кобдоского амбаня и подведомственных ему учреждений можно разделить на следующие группы:

- Контроль над знаменными войсками: над знаменами новых и старых торгоутов, знаменами *захачинов*, *мингат*, 9 знаменами алтайцев и танну-урянхайцев. Границы кочевий знамен были разграничены и занесены на карту.
- организация аудиенции монгольской знати: родовая знать торгоутов, алтайских урянхайцев, илийских монголов была разделена на несколько групп, каждой группе устанавливался срок отправки представителя ко двору с аудиенцией.
- контроль над казенными пахотными землями и поставка

лошадей: пахотные обязанности несли воины зеленого китайского знамени и 300 человек из монгольских знамен, организация орошения полей, заготовка зерна и семян для посева, сбор урожая, раз в три года покупка сельхозорудий, выдача разрешения для торговли приезжим торговцам; также с казенных пастбищ должно было поставляться определенное количество скота: верблюдов, лошадей, коров и овец для снабжения армии.

- организация пикетов по пограничной линии: было образовано более 20 застав с 800 пикетчиками, амбань дважды в год направлял чиновника для осмотра вооружения и работы пикетов.
- организация работы почтовых станций по тракту: в восточном направлении к Улясутаю было образовано 14 станций, в южном – 8 станций, в северном – 8 станций. На каждой станции было размещено от 5 до 10 солдат с лошадьми и верблюдами. Кобдоский наместник также дважды в год направлял чиновника для инспекции.
- Контроль над торговлей и перемещением лиц из внутренних земель: выдача разрешений торговцам, судебные дела.
- также направлялись ежегодные отчеты улясутайскому цзянцзюню вместе с ежегодной данью в виде кожи и мехов от алтайских урянхайцев (115, 330).

Согласно сведениям, содержащимся в “Обзрении административных учреждений в Кобдо”²⁸, составленном в 1801 году кобдоским наместником Фуцзюнем, император Хун Ли обязал западно-монгольских хошунных правителей регулярно обучаться ведению служебных дел в Кобдо, как это было организовано для северо-халхаских

---

²⁸ - К сожалению, этот документ был для нас недоступен. Поэтому ссылки на этот источник приводятся по работе А.В. Попова “О подготовке халхасских князей и чиновников к службе в цинском административном аппарате” (92, 98-102).

князей в Улясутае и Урге. Для этого они были разделены на 4 группы, каждая из которых ежегодно поочередно прибывала в ямынь кобдоского наместника сроком на 3 месяца. В каждую группу дурботские аймаки направляли по 8 князей, аймак алтайских урянхайцев – 4, аймаки элетов, мингатов, дэрбэтов и цзахачинов – по 2 человека. Обучение в Кобдо приравнивалось к очередной казенной службе, за которую князья получали денежное жалованье и натуральное довольствие. (92, 100).

В 1834 году при императоре Минь Нин (девиз правления Даогуан) кобдоское наместничество перестало подчиняться улясутайскому наместнику и получило самостоятельность. Затем, в начале XX века из состава кобдоского наместничества были образованы Алтайское наместничество со ставкой в местности Шара-Сумэ на р. Черный Иртыш (45, 380).

Таким образом, в деятельности наместников в Северной Монголии особая роль отводилась охране внешних границ империи. “Чистота границ” с Россией, - как объясняет российский консул А.П. Шишмарев - *“означала, что через нее не было переездов и переходов, не было следов скота, словом преследовалось всякое взаимное сношение подданных обоих соседних государств. Педантизм доходил до того, что в каждом карауле на граничной черте устраивались “силки”, между ними натягивался шнур и концы его припечатывались караулами обеих стран. Только через “силки” могли проезжать по казенной надобности с караула одной стороны на караул другой”* (24,41).

Во второй половине XIX века, после подписания Пекинского договора, вдоль границы стали устраиваться специальные пункты перехода границы для торговцев и караванов. С 1869 года со стороны Енисейской, Иркутской губерний и Забайкальской области, граничившим соответственно с Кобдоским, Улясутайским, Ургинским и Хайларским наместничествами, были устроены 11 пунктов перехода границы. В 1875

году было утверждено 22 пункта: Кяхта, 12 пунктов на восток от Кяхты и 9 – на запад. (24, 20).

Можно согласиться с выводом Гороховой Г.С., что во второй половине XVIII века Цинам удалось завершить создание такой военно-административной структуры управления и сформировать такой аппарат, которые обеспечивали им господствующее положение в Северной Монголии на длительное время. В Халхе эта система управления сохранилась вплоть до начала XX века.

3.3. Наместники в Западной Монголии

С конца XVII и до середины XVIII вв. главной стратегической задачей Цинской империи было уничтожение Джунгарского ханства. По мере поэтапного выполнения данной задачи, к середине XVIII века постепенно формировалось военное управление в Западной Монголии и территории бывшего Джунгарского ханства (Синьцзяне), и связано это в первую очередь с образованием илийского наместничества и назначением цинхайского амбана с резиденцией в городе Синин.

Сининский амбань. Регион Куку-нора и Амдо оставался сложной и стратегически важной зоной для маньчжуров, так как этот район граничил с Северной и Южной Монголией, Джунгарией, Тибетом и собственно китайскими землями. Китайская администрация в Цинхае до 1725 г. была представлена специальным императорским посланником (*цинчай дачэнь*), чиновником Лифаньюань, осуществлявшим контроль над монгольскими родами: ойратскими родами олетов, хошоутов, чоросов, хойтов, торгоутов и халхасцев. Главы хошунов - дзасаки ежегодно собирались на сейм в местности Цаган-Тологой (45, 389) и, подобно южномонгольским княжествам, обладали некоторым самоуправлением.

Еще при императоре Сюань Е маньчжуры были крайне заинтересованы в лояльности кукунорских потомков ойратского Гуши-хана, которые были признаны подданными цинского двора, т.к. их войска составляли лучшую часть цинских знаменных войск. Поддержка кукунорских ойратов обеспечивала успех цинской политики в Тибете и в войне против Джунгарского ханства. Кукунорские князья помогли цинским войскам установить китайский протекторат в Тибете в 1720 г. Одержав победу над джунгарами в Тибете, цинские власти лишили кукунорских хошоутов того влияния, которым они пользовались в Тибете. Кроме того, в Цинхае китайские власти предпринимали меры по усилению своего положения. Туда были переселены 2 тыс. китайских солдат – переселенцев (61,46). Маньчжуры стали менять границы хошунов и передавать часть земель китайцам колонистам. Это вызвало возмущение, и в 1722 г. в Кукуноре началось антимаьчжурское восстание под предводительством князя Лубсан-Данзана. Тибетские хронисты (автор хроники “Дэбтэр-чжамцо”) видят причины восстания в потере хошоутами привилегий в управлении Тибетом. Поводом к восстанию послужило столкновение между цинскими чиновниками и кукунорскими монгольскими князьями во время интронизации Далай-ламы VII в Лхасе, которые были оскорблены неучтивым поведением чиновников, прикуривавших от огня священных светильников (4,65).

К восставшим примкнули 200 тыс. тибетцев, в ходе восстания были изгнана цинская администрация и восстановлено местное самоуправление. Император Инь Чжэн выдвинул огромную армию в карательный поход, которая в течение года творила суд и расправу в хронике “Парсам Джонсан” эти события описаны следующим образом: *“1723 год, год воды-зайца. Олёты Кукунора и китайцы вступили в распри. В результате олеты были побеждены. Китайцы убили свыше 700 крупных и малых монахов, как настоятель монастыря Сэркхонон Чусан-Римпоче и другие,*

разрушили “три памятника поклонения”, сожгли храмы и соборы. Также они разрушили 3 больших монастыря Швабокхога и некоторые кельи.

[Китайцы] убили много стариков в монастыре Гумбум.

1724 год, год дерева-дракона. Китайские полководцы Ньин-гун и Йоутэу (т.е. Нян Гэн'яо и Юе Чжунци - прим.Н.С.) сожгли храмы и соборы несчастного монастыря Гонлун и 13 комплектов Ганчжура и убили цзанцев” (11, 92).

После подавления восстания в Цинхае восстановив свою власть в Кукуноре, цинские власти в 1725 году, произвели полную реорганизацию управленческого аппарата в Цинхае.

Репрессивный характер преобразований был отражен в программе: “Цинхайское Уложение в 13 статьях” и “Декрет по управлению Цинхаем в 12 пунктах”, которые ужесточили принципы правления китайской администрацией. (124, 237)

В 1725 году Синин получил статус столицы округа Синин *фу*²⁹, куда в 1726 году был назначен сининский амбань (*баньши дачэнь*). Амбань взял на себя всю полноту власти: правящий род Гуши-хана был лишен власти, было упразднено хошоутское княжество, новые 29 княжеств были непосредственно подчинены сининскому амбаню, глава княжеств назначались, а не выбирались (52,102). Была отменена системы родового самоуправления *тусы* у тибетцев Амдо, их напрямую подчинили сининскому амбаню. Все хошоутские роды во избежание последующих волнений были переселены в другие районы. В Синине и других крупных населенных пунктах, на дорогах в западном и северном направлениях были постоянно размещены войска численностью 5 тысяч человек (146, 124).

---

²⁹ - При династии Мин город Синин имел статус Синин *вэй* (кит. - форт, военно-административная единица с гарнизоном в пять тысяч человек).

Спустя почти 10 лет после выхода этих правил, цинские власти испытывали трудности в управлении местным населением и применении новых законов. В докладах сининских наместников, датированных 1733 г., обрисована беспокойная ситуация. *“Императорский посланник по управлению цинхайскими варварами дутун красного маньчжурского знамени Дэчэнь, тиду провинции Шэньси по совместительству цзунбингуань Сининского гарнизона сановник первого ранга Фэн Юнчжун почтительно докладывают в секретном донесении: “...монголы всех родов [еще] не смирились”, “...в аймаках [все еще] скрываются сторонники Лубсан-Данзана” (32, док.1,2). Наместники объясняли это “варварскими нравами цинхайских монголов: не видят различий в трусости и величии, так же не видят [разницы] между коварством (хуай) и добродетелью (дэ)” (32,4). Поэтому они просили высочайшего указа, чтобы “собрать нужные из законов, перевести на монгольский язык, распространить всем цинхайским ванам, гунам, тайчжи, дзасакам, [чтобы] распространить всем [им] подчиненным. В местах проведения сеймов императорский дачэнь по управлению [цинхайскими] варварами на основании закона разъясняет [содержание], [чтобы] они прониклись пониманием. Обязать всех ванов, гунов, тайчжи, дзасаков докладывать о преступных деяниях, совершенных монголами, дачэнь по управлению [цинхайскими] варварами на основании закона совершает суд. [И тогда] заслуги и преступления будут [четко] разделены, а в монголах доблесть укрепитя, а низкие помыслы ослабнут ... (32, док.5).*

Как видно из этого отрывка, наместники просили разработать какие-то новые правила управления монголами и перевести их на монгольский язык, чтобы на сеймах разъяснять князьям их содержание и конкретное применение. Думаем, что речь здесь идет не просто о переводе соответствующих статей “Лифаньюань цзэли” или “Монгольских уложений”, тем более что они составлялись на монгольском языке, а

именно о составлении новых правил управления именно для управления Цинхаем. В подтверждение нашего предположения говорит то, что в 1736 г. вышли “разъясняющие правила для дачэня по управлению [цинхайскими] варварами” (32,8). Эти статьи затем были представлены в “Уложении Лифаньюань”.

В “Уложении” Лифаньюань 1818 г. часть из них представлена в главе “Обязанности Главноуправляющего Амбаня в городе Синине”, в которой описаны главные принципы управления цинхайскими монголами (20, т.2 с.25) и обязанности сининского наместника:

Общие положения: “Власть Главноуправляющего Амбаня в городе Синине простирается не только на гражданских, но и на военных чиновников” (20, т.1 с.63)). В своей работе он должен был советоваться с генерал-губернатором провинций Шэньси и Ганьсу, т.к. номинально подчинялся ему, откуда и производилась выплата жалованья чиновникам канцелярии и монгольским тайцзи (20, т.1,146).

Более детально обязанности сининского амбаня по правилам “Уложения” выглядят в следующем виде:

- управление частью тибетских родов в Амдо (юг Цинхая), “*коиими он должен был управлять, разделив на сотни и тысячи*” (17, т.2 с.64). Глава рода должен был выполнять и функции гражданского чиновника, ежегодно предоставлять подушные списки амбаню.
- наладить службу трех караулов из числа тибетцев на горных дорогах, ведущих в Амдо, лично объезжать и следить за службой пикетов с правом награждения или наказания служилых. (17, т.2 с.65). На степных дорогах, ведущих в Южную Монголию, выставить 5 караулов из монгольских дивизий, чтобы контролировать пути, ведущие в Амдо. Еще 5 караулов выставить по переправам вдоль реки Хуанхэ.
- Ежегодно направлять для инспектирования двух сановников в Амдо в сопровождении 200 солдат на предмет обнаружения беглых монголов и

тибетцев. Сановникам по возвращении подавать донесение сининскому амбаню, генерал-губернатору провинций Шэньси и Ганьсу, которые затем передают донесение в Лифаньюань.

- Определять место и время торговли у пограничных крепостей между монголами и приезжими тибетцами.
- Направлять чиновника для разбора обстоятельств нападения на кочевья монголов, разбоя и убийств, случаев угона скота, ведения следственных действий и поимки преступников. Следить, чтобы монголы не носили одежду тибетцев, а тибетцы не носили одежду монголов, чтобы скрыться от преследования.
- “*Изкоренение зла*”, связанного с сокрытием преступников или тайными замыслами монгольскими князьями и сеймовыми старшинами.
- Осуществлять контроль над имуществом, преподносимым набожными монголами в дар монастырям, и возвращать знаменных (т.е. военнообязанных – Н.С.) монголов, решивших принять монашеские обеты в монастырях Тибета.
- Следить за своевременным возвращением китайцев-торговцев в пределы наместничества из Тибета и других районов Монголии. (17, т.2 с.63-71).

Любопытно, что среди гражданских чиновников в ямынях, подчиненных сининскому амбаню (помощников, секретарей, писарей и т.д.) полагалось быть по одному наставнику конфуцианского учения (*жусюэ сюньдао*) (146,124). Но, скорее всего, это было связано с растущим числом китайских поселенцев в Цинхае.

Илийский цзяньцзюнь. В силу своего географического положения район Или являлся важнейшим военно-стратегическим районом Цинской империи на ее западных рубежах. Джунгария занимала ключевое положение на путях из Восточной в Среднюю Азию, Казахстан и Южную Сибирь. Разгром Джунгарского ханства и завоевание Восточного

Туркестана позволил расширить зону влияния Цинской империи в Центральной Азии, укрепить позиции в Монголии и Тибете, создать “далеко выдвинутые” военные форпосты на западе (72, 32).

В китайских официальных источниках районы Или и Тарбагатай прямо рассматривались как “два рога” Цинской империи, нацеленных на Казахстан и Южную Сибирь (54, 161).

В ходе завоевания Джунгарии на ее землях маньчжуры создавали временную военную администрацию, а в 1762 году ввели единую систему управления этим районом. Главой новой администрации стал наместник в воинском чине – *цзянцзюнь*, в руках которого была сосредоточена вся военно-административная власть над этим регионом. Его ставка находилась в Или, и потому в литературе он зачастую называется “илийским *цзянцзюнем*”, или “илийским наместником”.

Гражданские и военные чиновники в администрации илийского *цзянцзюня* в иерархическом порядке стояли в следующем порядке: *дутуны*, *цаньцзань дачэни*, *баньши дачэни*, *себань дачэни* и *линдуй дачэни*. Далее следовали офицеры войсковых единиц, управляющие продовольственными складами и снабжением войск (*лянян чу сыгуань*), управляющий отделом снабжения войск лошадьми и верблюдами (*томы чу сыгуань*). Были еще 2 специальных чиновника, один из них обладал судебной властью над маньчжуро-монгольским населением, другой - над китайским населением (*лиши тунчжи*, *фуминь тунчжи*).

Подконтрольная *цзянцзюню* территория состояла из 15 районов, объединенных в несколько округов: Или, Тарбагатай, Кашгар и Урумчи. В округ Кашгар входил Яркенд, Хотан, Аксу, Куча, Карашар, Янгисар. В округ Урумчи входили Баркуль, Гучэн, Хами, Турфан и Кур–Караусу (Шихо) (54,162). Во главе каждого района стояли военные представители илийского *цзянцзюня*. Администрация *цзянцзюня*, в первую очередь, ведала цинскими войсками, введенными в этот регион. Самый крупный

военный гарнизон стоял в Или, его численность составляла 6,3 тыс. человек, распределенных по 9 укрепленным пунктам. Здесь же было размещено 3,8 тыс. конницы из родственных маньчжурам племен (дауры, солоны и т.д.) и чахар. Примерно столько же составляли знаменные войска ойратов, так что в Или оказалось размещено около 13 тыс. знаменных войск. Контингент китайских знаменных войск больше занимался сельским хозяйством и был относительно не велик (3 тыс. человек). Помимо самого илийского цзянцзюня, гарнизоном руководил *цаньцзань дачэнь*, *линдуй дачэнь* возглавлял знаменные войска, стоявшие вокруг Или.

В Тарбагатайском округе стояла конница знаменных войск числом более 2 тысяч войск во главе с *цаньцзань дачэнем* и несколькими *линдуй дачэнями*. Тарбагатайский дачэнь должен был следить за соблюдением правил приграничной торговли или ее запрета на своем участке границы. В случае, если русско-китайская торговля была запрещена по всей линии границы, то этот запрет распространялся и на казахов, торгующих российскими товарами. Поэтому в обязанности тарбагатайского дачэна входило уведомление казахов об изменении правил торговли, открытии мест приграничной торговли и даже составление списка разрешенных товаров для продажи (7, док. № 230, с.195-196).

В округе Урумчи также были расквартированы маньчжурские и китайские знаменные войска, численностью почти в 23 тыс. человек во главе с *дунуном*. Под его началом были *линдуй дачэни*, возглавлявшие гарнизоны в Баркуле, Гучэне, Турфане. В Кур-Караусу, где был только отряд китайских войск в 700 человек, и Хами правителем стояли *баньши дачэни*. Общий воинский контингент Урумчи и Баркуля составлял свыше половины всех войск в Джунгарии.

Округ Кашгар возглавлял *цаньцзань дачэнь*, под началом которого были в Яркенде - *баньши дачэнь* и *сиебань даачэнь*, в Хотане - 2 *баньши дачэня*, а Аксу, Куча и Карашар находились в управлении одного *баньши*

дачэня, в Янгисаре был расположен *линдуй дачэнь* (115,317)³⁰.

Численность войск на территории всего Илийского наместничества в середине XVIII века имела тенденцию к увеличению. А.И.Чернышев, ссылаясь на различные китайские источники, приводит следующие цифры по всей Джунгарии: к 1769 году их было около 30 тыс. человек (56, 100). Когда цинскому правительству стало известно о намерении волжских калмыков вернуться в Джунгарию, контингент маньчжурских войск в Или тут же был значительно увеличен: с 4240 человек в 1769 году до 6328 – в 1770 году, в Урумчи с 200 человек в 1770 году до 3334 – в 1772 году.

Вскоре в Джунгарии и в Синьцзяне начинается масштабное военное строительство. Как писали в донесении казахские осведомители в Оренбургскую губернскую канцелярию в 1758 г.: *“китайский богдыхан на пустой калмыцкой земле намерен строить города и поселить в них китайцов, [а бывшие де наперед сего во владении зенгорских ханов Малой Бухарии города Ташкент, Кашгар, Яркенд и пр. себе и ныне он, хан, усвоит, и в своем владении счисляет]. А по построении тех городов и по населении тех китайцов и податями обложить их намерен”* (7, док. № 187, с.109). Новые города крепости в Синьцзяне и Джунгарии строились как опорные пункты для размещения цинских войск вдоль границ с Казахстаном и Южной Сибирью, где также с сер. XVIII в. велось строительство военно-оборонных линий (82,125). Помимо строительства крепостей, где разместили гарнизоны войск, в стратегически важных местах (у речных переправ, на горных перевалах) были выставлены постоянные пикеты числом более 30 (54,162).

---

³⁰ - Вообще, данные о численности управленческого аппарата и рангах военных чиновников очень противоречивые, видимо, поэтому у разных авторов приводятся разные данные со ссылкой на китайские, тюркские и монгольские источники (см. монографии А.И.Чернышева “Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в” (56), Д.В.Дубровской “Судьба Синьцзяна” (14) и т.д.). Наиболее подробно общая картина цинского господства в Джунгарии представлена в работах Л.И. Думана (50), И.Я. Златкина (65), В.С. Кузнецова (72), В.А.Моисеева (82) и других авторов.

Круг обязанностей илийского цзянцзюня, в общем, был типичным для всех военных наместников Монголии и Тибета и сводился к следующим полномочиям:

- Контроль над знаменными войсками монгольских сеймов Унэн-Судзукту и Бату-Сэтхилту, состоявших из 16 хошунов, и дополнительно введенного маньчжурского знамени;
- поддержание боеготовности знаменных войск. Как было описано в рапорте переводчика М. Бикчурина оренбургскому губернатору о подготовке войск в крепости у “китайского джанджуна”: *“войска их по обычаю чрез вырытые каналы и рвы обучающа перескачкою на конях экзерциции”* (7, док.№ 235, с.200).
- организация аудиенции монгольской и уйгурской знати.
- организация пикетов по пограничной линии между хошунами: пикеты следили, чтобы отдельные племена не нарушали границы отведенных кочевий, присматривали за ссыльными, осуществляли контроль за ведением торговли, пресечение кражи скота, поимка беглых преступников, сбор налогов.
- организация работы почтовых станций по обоим склонам Тяньшанского хребта - северному и южному тракту: была создана разветвленная система военных почтовых станций, насчитывавшая более 1000 единиц. Расстояние между станциями обычно составляло 80-100 ли, т.е. около 40-50 км.
- Контроль за торговлей. Единственным местом, где была разрешена торговля с казахами, стал Или. Контроль за перемещением лиц из внутренних земель: выдача разрешений торговцам, сбор налогов.
- судебные дела велись по отдельной юрисдикции для монгольского, китайского и мусульманского населения. Для последних позже было создано отдельное *“Хуэйцзян цзэли”*

(Мусульманское Уложение) (148, 316).

- также направлялись ежегодные отчеты улясутайскому цзянцзюню и императорскому трону. Отчеты илийских наместников легли в основу целого ряда документальных сборников по истории Цинской империи о завоевании Джунгарского ханства, таких как “*Циньдин Синьцзян шилюэ*” (Высочайше утвержденное описание Синьцзяна), подготовленное по императорскому указу в 1821 году, “*Мэнгу юму цзи*” (Записки о монгольских кочевьях) Хэ Цютао и многих других³¹.

Однако существовал ряд особых функций, дополнявших основные обязанности илийского наместника. Это были задачи, связанные с организацией освоения обширных земель. После разгрома Джунгарского ханства цинскому правительству досталась огромная территория, практически лишенная населения. Цинские власти были заинтересованы в скорейшем освоении этих земель. В Указе 1760 г. об организации военных поселений в Или, император особо подчеркивал, что “*Или – это прежние*

---

³¹ - Самым ярким примером такого рода сочинений является илийский наместник Сун Юнь, находившийся на должности в период 1802 – 1809 и 1813- 1815 гг. Он является автором сочинения “*Или цзунтун шилюэ*” (“Общее обозрение Или”), написанном в 1796 г. и переписанном через 12 лет под названием “*Сиюй цзунтун шилюэ*” (“Общее обозрение западных границ”). Хорошая осведомленность автора не может вызывать сомнений, Сун Юнь в своих сочинениях описывает по преимуществу район Или, Тарбагатая и Урумчи. Эти сочинения легли в основу целого ряда официальных источников по истории Цинской империи о завоевании Джунгарского ханства, таких как “*Циньдин Синьцзян шилюэ*” (“Высочайше утвержденное описание Синьцзяна”), подготовленное по императорскому указу в 1821 году, “*Мэнгу юму цзи*” (Записки о монгольских кочевьях) Хэ Цютао и многих других.

Чернышев А.И. в работе “Общественное и государственное развитие ойратов” достаточно подробно описывает компилятивный характер многих династийных сочинений по истории Западной Монголии и всего “западного края” (*сиюй*), в которых использовались сочинения Сун Юня (105). Примечательно, что Сун Юнь написал эту работу гораздо раньше, чем был назначен наместником в Западной Монголии (илийский цзянцзюнь в период 1802 – 1809 и 1813- 1815 гг.), можно предположить, что он в 90-х годах находился на службе в штате наместника в Или, когда собирал материал для “Обозрения”, т.к. в период с 1785 по 1790 г. он был на должности ургинского амбана (см. Приложение Список наместников Монголии).

*внутренние джунгарские земли, [поэтому нужна] особая осторожность в разграничении, а земледелие необходимо восстановить. Ныне [эти земли] вошли в состав наших территорий. Если не поселить солдат в военных поселениях, то находящиеся поблизости казахи и буруты воспользуются случаем и займут [эти земли] под кочевья. Тогда трудно будет изгнать [их]” (7, док. № 203, с.149). Дачэню и цзянцзюню предписывалось “принять решение и устроить все надлежащим образом. Нельзя не задумываясь о последствиях, нерадиво относиться к своим обязанностям и думать о возвращении [из этих мест]”. Полагаем, что военно-пахотные поселения необходимо постепенно расширять” (там же). Из ответного донесения илийского наместника цзянцзюня Агуя следует, что он принял решение вместо 500 солдат послать 4-5 тысяч и тысячу уйгурских семей вместо 300 (7, док. № 203, с.149). Активные военно-колониционные мероприятия цинских властей вызывали обеспокоенность у соседей – России, казахского султана Аблая, бывшего под российским подданством, и в Афганистане. В донесениях говорится о ежегодном росте китайского войска, строительстве городов и укреплений – “кругом крепостями обселились”, переселении жителей вглубь пограничной линии (7, док. № 212, 224, 224,235). Стали создаваться военные поселения (*бинтунь*) и гражданские поселения китайских переселенцев (*хутунь*) в районах пригодных для земледелия. К 1780 году в военных поселениях было около 10 тыс. солдат, занимавшихся обработкой земли, и 15 тыс. дворов переселенцев. Тем самым огромный воинский контингент был обеспечен продовольствием и материальной базой для дальнейшей колонизации региона (105,107). Знаменные маньчжурские войска и войска ойратов занимались скотоводством, часть скота закупалась у казахов и киргизов (*хасакэ*) (146,126). Принцип “управлять Западным краем (Сиюй) с помощью западного края и не брать средств из центральных земель” (50,108) последовательно исполнялся.*

Другой особенностью функций илийского цзянцзюня и его помощников – *дачэней* был внешнеполитический аспект деятельности. В 1762 г. илийский цзянцзюнь организовывал сопровождение посольства афганского Ахмад-шаха и препровождение его в Пекин (7, док.№ 215,с.165-166). Причем специальный указ императора главам цинской администрации по пути следования посольства предписывал: *“Навести порядок и подготовиться к встрече [посольства], дабы продемонстрировать богатства, роскошь и величие [империи]”* (7, док.215,с.166), .

Илийские наместники ведали отправкой китайских послов в Сиюй, писали первые варианты правительственных посланий в страны Сиюя, внимательно следили за событиями в соседних странах, вели тайные переговоры с представителями казахской и киргизской знати *“чтобы были китайскому хану послушны”* (7, док. 225,с.188), вели переписку с Кокандом, Бадахшаном, Киргизстаном, владельцами казахского Среднего жуза (7, док.№ 225 с.188) встречали и сопровождали посольства по своей территории. По мнению К.Хафизовой, они обладали большими полномочиями во внешнеполитических делах и отличались большой инициативностью (99,22).

Илийские наместники организовывали и сами участвовали в разведывательных экспедициях, вторгались за линию пикетов в кочевья киргизов и казахских владельцев, принявших Российское подданство, которые в отчетах представлялись как *“инспекционные поездки”* (72,35).

Специфика управления Илийским наместничеством заключалась в том, что для управления разноплеменным и зачастую насильно переселенными племенными группами на территории наместничества были сохранены три различные системы родового управления: помимо дзасаков, глав монгольских хошунов, существовала система беков, родовых старшин мусульманского населения, и система *цзюнсянь*,

административно-территориального управления китайскими переселенцами. Причем управление китайским населением не входило в обязанности илийского *цзянцзюня*, они находились в ведении властей китайской провинции Ганьсу (*Ганьсу бучжэньсы*) (148, 318). Помимо различных систем родового управления на всей территории Восточного Туркестана над местным населением была введена система круговой поруки *баоцзя*, существовавшая во внутренних землях Китая (7, док. 211, с.161). Судя по документам из переписки канцелярии илийского наместника, родовые старшины мусульманского населения находились под началом представителя цинской администрации в данной местности и императорские указы для мусульманских старшин передавались через канцелярию *цзянцзюня* (7, док.№ 237, с.203-204)

После разгрома Джунгарского ханства в 1758 г. и присоединения земель Восточного Туркестана в 1759 г., маньчжуры создали на этих землях военно-бюрократический аппарат по “модели монгольского” управления Южной, а затем и Северной Монголии, с добавлением специальных моделей управления китайским населением (*баоцзя*) и мусульманским (*беки*).

Эта модель управления не претерпела заметных изменений вплоть до административной реформы, проведенной во второй половине XIX века, когда на бывшей территории ханства была создана провинция Синьцзян.

Жесткий контроль над местным населением и военная колонизация стали единственно возможной формой освоения удаленных и опустошенных войнами земель, которые представляли для империи больше политический интерес, нежели экономический. Синьцзян стал первой линией обороны на северо-западной границе, он защищал Монголию, которая, в свою очередь, прикрывала Пекин. Лучше всего эта мысль была выражена Цзо Цзунтаном, видным политическим деятелем

второй половины XIX века, совершившим карательный поход против восставших мусульман в Синьцзяне: *“Если будет потерян Синьцзян, Монголия окажется беззащитной, и сам Пекин будет под угрозой”* (цит. по 60, 126).

3.4. Институт наместников в Монголии в системе управления “вассальными” землями Цинской империи.

При поэтапном завоевании монгольских земель цинское правительство столкнулось с тремя обособленными монгольскими группами, проживавшими в Южной Монголии (южные монголы), Северной Монголии (халха монголы) и Джунгарии (ойраты). Система управления монголами по принципу разделения на знамена, введенная в Южной Монголии, была распространена и на Северную Монголию. После разгрома Джунгарского ханства в к. XVIII в. практически все земли, населенные монгольскими племенами, были разделены на знамена, ставшие единицей административного и военного подчинения, и перешли под начало цинской администрации.

В созданной при первых маньчжурских императорах (Шуньчжи, Сюань Е) двухступенчатой структуре управления монгольскими землями: Лифаньюань (орган представляющий центральные власти) - монгольские власти (сеймовые старшины и дзасаки) при императорах Инь Чжэн и Хун Ли возникло промежуточное управленческое звено в виде маньчжурских наместников *цзянцзюней, дутунов, фудутунов, цзюньгуаней и амбаней*.

Основные мероприятия военных наместников сводились к следующему:

а) командование и поддержка знаменных войск монгольских аймаков;

б) обеспечение охраны границ (между “внутренними” и “внешними” хошунами, “внешних границ империи с Россией), включая личный ежегодный осмотр караулов вплоть до “состояния пограничных столбов”;

в) обеспечение снабжения армии и госаппарата из местных источников (казенные пашни);

г) управление стратегически важными путями сообщения (почтовыми трактами), организация их эффективного функционирования;

г) контроль над буддийскими монастырями и ламами;

Помимо основных обязанностей, перечисленных выше, наместники должны были предоставлять к наградам и повышению чиновников и офицеров знаменных войск, проводить перепись населения каждые три года во внутренних и внешних чжасаках. Наместники должны были “тайным образом” заводить досье на подведомственных монгольских князей, записи которых влияли на разрешение приезда ко двору и уровень приема на аудиенции у императора (20, т.1, 190).

Управление каждым наместничеством обладало рядом специфических и свойственных только этой территории черт. Например, в деятельности ургинских и илийских наместников присутствовали внешнеполитические функции, связанные со сношениями с Россией, странами Средней Азии; хулунбуирское наместничество, помимо охраны границ с Россией, стало своеобразной “кузницей” кадров маньчжурских и монгольских знаменных войск, одной из основных функций илийского наместника стала организация работы военных поселений и т.д.

Положения “Лифаньюань цзэли” помимо обязанностей и прав наместников, также имели статьи наказаний за должностные преступления, использования служебного положения для личных нужд (использовать почтовых лошадей для собственных нужд, задержка выплаты жалования монгольским князьям и т.д.). Нарушителей судили по уложению Военной палаты и понижали на два ранга (20, т.2, 56).

К концу XVIII в., круг обязанностей наместников стал чрезвычайно широким. Зачастую наместники дублировали обязанности чиновников Лифаньюань в гражданском управлении, ввиду отсутствия четкого разграничения обязанностей между центральными ведомствами на местах, военной и гражданской администраций. Поэтому были выделены наиболее важные и менее важные обязанности. Император Хун Ли издал предписание в 1793 г., что *“В круг его обязанностей цзянцзюней, входит решение особо важных дел. Следует положить конец тому, что цзянцзюни занимаются мелкими, незначительными, повседневными внутренними делами в халхаских кочевьях. Однако любые важные дела, предполагаемые законодательно установленными обязанностями сего сановника, а равно и другие важные обязанности, такие как призыв на службу в войско монгольских цуриков, снаряжение для сих же целей коней и распоряжение этим войском – должны осуществляться канцелярией цзянцзюня. Единственно лишь сему ведомству дозволяется объявлять о снаряжении войск”*. По мнению А.В. Попова, тем самым центральное правительство стремилось придать своим наместникам в Халхе прежде всего полномочия военной власти, избавив от рутины гражданской администрации, которая возлагалась на прикомандированных чиновников Лифаньюань в штате наместника (91,196).

Основной акцент был сделан на обязанности военного характера. В прямом подчинении маньчжурских наместников находились военные чины монгольских аймаков, отличавшиеся и организационно, и по кругу полномочий от гражданской администрации. Наместникам подчинялись начальники аймачного ополчения и их помощники со штатом соответствующих чиновников. Начальники ополчения были снабжены соответствующей печатью и инструкциями о порядке очередных сборов по тревоге, ежегодных смотров войск аймаков, о проверке оружия и его

наличии, организации обучения населения воинским наукам. Гражданские функции перепоручались чиновникам канцелярии наместников.

Маньчжурское правительство сформировало административные органы в Монголии для своих конкретных военно-политических целей. В соответствии с этими целями были найдены и апробированы методы строительства военно-административного аппарата управления на монгольских землях, в котором были использованы институты самоорганизации монголов, родственные маньчжурам, например, сеймы князей, или хошуны, над которыми стояли цинские наместники.

Вся структура административного аппарата по управлению Монголией по мере укрепления власти маньчжуров в Северной и Западной Монголии в XVIII в. предстает в следующем виде: центральные власти (императорский двор, Цзюнцичу и Лифаньюань) - маньчжурские наместники – сеймовые монгольские власти.

Формирование военно-административного управления на территории Южной и Северной Монголии на основе единой знаменной системы отразило унификацию управления всеми монгольскими землями в составе Цинской империи. Распространение “института наместников”, представителей цинской администрации на местах, было призвано укрепить и усилить контроль центрального правительства за бюрократическим аппаратом монгольских аймаков и хошунов, поддержать военную организацию монгольских знаменных войск. Наместники в ранге военных чинов знаменных войск *цзянцзюней, дутунов, фудутунов, и амбаней* стояли во главе административно-территориальных образований, объединявших глав монгольских хошунов или аймаков, стали на постоянной основе управлять всеми военными и гражданскими делами на вверенной территории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Территориальная экспансия являлась важной особенностью в XVIII веке, свойственной как Востоку, так и Западу. Решались те же проблемы управления новыми землями, что вставали, например, перед Россией или Китаем. Логика развития государств с активной территориальной экспансией приводила к тому, что, например, и в России, и в цинском Китае XVII- XVIII вв. на вновь завоеванных землях устанавливалось “переходное” управление. Цинские правители, воспользовавшись опытом традиционной китайской внешнеполитической практики, в “переходном” управлении использовали местные традиционные формы управления под военным надзором и контролем представителя центрального двора. В цинском Китае это были военные наместники (*цзянцзюни* и *амбани*), в России это может отчасти перекликаться с функциями генерал-губернаторов Восточной Сибири.³²

Управление присоединенными землями в Цинской империи строилось на принципах традиционной китайской даннической системы и

---

³² -О функциях генерал-губернаторов Восточной Сибири в Российской империи см. подробнее Матханова Н.П. “Генерал-губернаторы Восточной Сибири с XIX века” (79). Где, в частности, говорится, что “Генерал-губернаторы Восточной Сибири возглавляли военную и гражданскую администрацию края. В круг действий генерал-губернатора входило решение пограничных вопросов, право на пограничные сношения с соседними странами. Генерал-губернатор осуществлял надзор от имени верховной власти, а не занимался текущим управлением, что входило в функции гражданских губернаторов и чиновников местного правительства” (79,8). Автор делает вывод о важности роли генерал-губернаторов в истории освоения Сибири, полезности этого института на окраинах как позволяющего учитывать региональные особенности, к чему мало склонны центральные министерства” (79,16). Управление бурят Забайкалья, во главе которых стояли родовые правители (*тайши*), регулировалось правовыми документами (Устав 1788 г., Положение 1808 г и т.д.), выработанными собранием тайшей бурятских родов по приказу Удинской провинциальной канцелярии. На основе этих документов был составлен высочайше утвержденный Устав по управлению инородцами Сибири от 22 июля 1822 г. Подробнее см. “Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности”. Новосибирск, 1992. и А.В.Рязановский “Обычное право бурят”. Чита, 1920.

некоторых элементах договорных отношений. Конкретное применение маньчжуро-китайская внешнеполитическая доктрина получила в управлении Южной Монголией, в дальнейшем послужившей основой для формирования цинского аппарата управления “кочевыми народами” Северной Монголии, Цинхая, Тибета и Синьцзяна. Цинский император, обладая титулом правителя монгольских земель (*богдо-хан*), подкрепленным обладанием печати юаньских императоров и кровнородственными отношениями с крупнейшими монгольскими родами, являлся главной фигурой в управлении высшей монгольской аристократией. Для укрепления административного контроля над монгольскими княжествами на основе Монгольского ямэна 1638 году создается Лифаньюань (Палата по делам вассальных владений), приравненная затем по статусу к другим центральным ведомствам империи. Образование Лифаньюань стало одним из новшеств в системе государственных органов Цинской империи. Палата по делам вассальных владений стала главным правительственным органом, от лица цинского императора и его двора, осуществлявшим высшую законодательную, административную власть над “фаньскими” окраинами, составлявшими около половины территории империи. Все многообразие функций, возложенных на Лифаньюань, можно свести к двум основным группам:

- 1) *Функции внутриполитического характера* – управление и осуществление административного контроля над вассальными землями Монголии, Цинхая, Тибета, Синьцзяна и народами, живущими на этих территориях.
  - 2) *Функции внешнеполитического характера* – поддержание связей с 17 странами, рассматриваемых в качестве данников и “потенциальных” вассалов
-

По мере расширения пределов империи Цин в ведение Лифаньюань переходили все вновь завоеванные и подчиненные земли Монголии, Тибета и Синьцзяна, огромной дугой охватывавшие территории собственно Китая. Система управления новыми землями и ее эволюция периодически фиксировались в законодательстве империи, в первую очередь в “Лифаньюань цзэли”, Уложениях Лифаньюань разных годов.

На местах во главе периферийной администрации стояли императорские представители - военные наместники. Военные наместники стали проводниками активной политики Цинской империи по захвату, присоединению и управлению этими землями. С дальнейшим развитием института военных наместников на приграничных землях связан переход от периода территориальной экспансии к началу нового административного управления, что влияло на стабилизацию внутреннего положения в стране.

Основные параметры института цинских наместников представляются следующими:

Распространение “института наместников” в Монголии, также как и в Тибете относится, в основном, к первой половине XVIII века. Этому предшествовал довольно сложный период становления, когда маньчжурские власти искали наиболее оптимальную форму контроля и участия в управлении подконтрольной территорией, где были сохранены традиционные формы местного правления.

В возникновении и становлении института военных наместников в Монголии и Тибете прослеживается определенная схема: сначала прибывал военный чин на неопределенный срок с временной миссией, связанной с конкретной военно-политической ситуацией, организацией обороны или активных военных действий, как правило, связанных с войной с Джунгарией; затем по мере выполнения военной задачи статус временно “командированного” военного чина приобретал черты постоянно

сменяемого должностного лица с добавлением гражданских обязанностей к прежним военным.

Император назначал наместниками крупные военные (из маньчжурских и монгольских знаменных войск) или гражданские чины, которые сменялись в среднем через каждые два-три года. Цинские наместники были подчинены Военному Совету и подотчетны Лифаньюань. Функции и полномочия наместников постоянно корректировались и усложнялись, что свидетельствует об эволюции системы управления приграничными территориями, усилением присутствия центральной власти на местах. В случае усложнения ситуации, возникновения “внешнего” или “внутреннего” кризиса, полномочия наместника расширялись вместе с увеличением числа его подчиненных (военного гарнизона или штата гражданских чиновников). Например, в связи с расширением русско-китайских контактов в Ургу был назначен еще один амбань, увеличен штат чиновников в Урге и Кяхте. В Тибете каждый внутривластный кризис (или военное вторжение) приводил к усилению полномочий амбаней вплоть до их прямого участия в управлении страной.

Под началом наместников был штат военных и гражданских чиновников, частично присылаемых из центральных ведомств, частично набираемых из местной родовой знати. В целом, численность гарнизона и штата наместника имели тенденцию к увеличению, что можно объяснить увеличением сферы контроля и надзора, когда помимо военных обязанностей наместник стал надзирать за внедрением и исполнением цинского законодательства (уголовного и гражданского), разработанного для управления данной территории. Наместники в ранге военных чинов знаменных войск (*цзянцзюней, дутунов, фудутунов*) или гражданских сановников – *дачэней* различного ранга (*цаньцзань дачэнь, баньши дачэнь, линдуй дачэнь, сюбань дачэнь и т.д.*) стояли над главами местных

административно-территориальных образований (*дзасаками*, сеймовыми старшинами, тибетским правительством *кашагом*) и контролировали их деятельность в управлении гражданскими делами, оставляя за собой право военного вмешательства в случаях неповиновения.

Основные мероприятия военных наместников можно разделить на следующие группы:

- Военного характера: руководство знаменными войсками на подведомственной территории, обеспечение боеготовности войск; организация погранично-караульной службы и контроль за пересечением внутренних границ (между хошунами) и внешних границах империи; обеспечение безопасности передвижения по стратегически важным путям сообщения (организация службы почтовых станций, военный эскорт) правительственных курьеров, торговых караванов; интендантские обязанности - обеспечение войск и штата чиновников по возможности из местных средств за счёт обработки казенной пашни и налогов с местного населения;
- Гражданского характера: организация нового управленческого аппарата на местах, обучение местных правителей навыкам цинского делопроизводства и внедрение норм цинского законодательства; надзор за исполнением законов и судопроизводством (судебные решения, поимка беглых); составление рекомендаций чиновникам (из числа местной знати и центральных министерств) о награждении; надзор над местными родовыми кланами, включая ведение досье на лидеров племенных объединений; контроль за сезонной кочевкой прикрепленных групп населения (племен) в установленных пределах (границах хошунов, сеймов); надзор и патронат над местным буддийским духовенством.

- Дипломатического и внешнеполитического характера: сбор информации разведывательного и шпионского характера о ситуации по ту сторону границ империи; переговоры (переписка) с начальством примыкающих приграничных округов соседних стран (России, английских колониальных властей Индии) для решения текущих вопросов, связанных с охраной или пересечением границ. Контроль над приграничной торговлей. Участие в консультациях и переговорах по установлению линии границ империи с соседними государствами, демаркации границ. В контактах с Россией компетенция и круг полномочий пограничных правителей с обеих сторон были оговорены в рамках русско-китайских договоров.

Институт военных наместников (*цзянцзюней и амбаней*) занимал важное место в системе управления приграничными территориями (куда входили Монголия и Тибет), их деятельность позволяла учитывать региональные особенности в помощь Лифаньюань в организации местного управления. Структура административного аппарата по управлению в частности Монголией и Тибетом с середины XVIII века предстает в следующем виде: центральные власти (императорский двор, Цзюнцичу и Лифаньюань) - военные наместники – местные власти (в виде сеймовых монгольских властей в Монголии или *кашага* во главе с Далай-ламой в Тибете). Данная система управления приграничными землями, сложившаяся в XVIII в., просуществовала практически без изменений вплоть до конца правления династии Цин.

Можно также добавить, что институт цинских наместников стал средством насильственного соединения различных систем управления: традиционной китайской бюрократической системы; маньчжурской

знаменной военной системы; кочевой монгольской системы самоуправления; тибетской теократической модели управления.

Маньчжурское правительство сформировало органы управления в Монголии и Тибете для своих конкретных военно-политических целей. В соответствии с этими целями были найдены и апробированы методы организации военно-административного управления на подконтрольных землях. Все это говорит о важности Тибета и Монголии для Цинской империи и особой политике по отношению к этим территориям.

Создание института наместников характеризуется современной китайской историографией как одно из основных и самых эффективных мероприятия цинского двора по обеспечению своего господства в приграничных землях, трактуется как небывалое историческое достижение: *“Цинский двор с помощью системы восьми знамен утвердил господство в Маньчжурии, с помощью сеймово-знаменной системы контролировал монголов, с помощью провинциальных властей управлял китайским населением, с помощью системы беков управлял мусульманским населением, с помощью духовенства держал в руках тибетцев, с помощью родовых старшин тусы держал в повиновении инородцев юго-запада мяо. Кроме этого, в приграничных землях представители центрального правительства стояли с войском, руководили и надзирали. Самыми важными были шэньцзинский цзянцзюнь, гиринский цзянцзюнь, хэйлунцзянский цзянцзюнь, илийский цзянцзюнь, чахарский дутун, жэхэский дутун, суйюаньский цзянцзюнь, динбянский (улясутайский) фуцзянцзюнь, ургинские дачэнь, сининский дачэнь и тибетский дачэнь. Данная система была эффективной, потому что на границах в 30 тысяч ли в течение двухсот лет было спокойно. Чего [прежде] в истории не бывало”* (132,7). Новое республиканское правительство Китая восприняло опыт цинского правления на

национальных окраинах. Гомиьдановские власти провели новое административное деление в некоторых районах страны по линиям границ цинских наместничеств. На территории подконтрольной сининскому амбаню, была образована провинция Цинхай, на землях Внутренней Монголии на территориях, подчиненных жэхэскому дутуну, суйюаньскому цзянцзюню и чахарскому дутуну было образовано три провинции Жэхэ, Чахар и Суйюань (70,207). Китайские историки в оценке деятельности цинских наместников считают главным “заградительно-оборонительный” (*фэнби баошоу*) характер (128,84), не упоминая, что наместники были проводниками агрессивной политики цинского двора по захвату соседних территорий, характерной для внешней политики Цинской империи в XVII - XVII вв.

В XIX веке, когда цинский Китай сам стал объектом иностранной агрессии, деятельность наместников действительно приобрела “заградительно-оборонительный” характер. Возведенная с помощью цинских наместников в XVIII веке своеобразная военно-административная стена по периметру границ империи создала линию обороны вокруг Великой китайской стены, охранявшей императорский двор. Деятельность наместников в приграничных территориях в XIX веке содействовала политике закрытости Китая от внешнего мира.

Источники и литература

Источники на русском языке:

1. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Статистическое описание Китайской империи (в двух частях). М.: Восточный Дом, 2002.
2. Бичурин. Н.Я. (Иакинф). Китай в гражданском и нравственном состоянии. М.: Восточный Дом, 2002.
3. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Пер. с кит. Иакинфом. Спб.: Тип. Крайя, 1929.
4. “Дэбтэр-чжамцо” (Тибетская хроника XIX века по истории Куку-нора). Введение, перевод тибетского текста и комментарий Р.Н. Дугарова. Новосибирск, 1983.
5. История Эрдени-дзу. Факс.рук., пер. с монг., введ., ком. и прилож. А.Д. Цендиной. М.,1999.
6. “Их цааз” (“Великое уложение”). Памятник монгольского феодального права XVII в. Транслитерация, перевод, введение и комментарий С.Д.Дылыкова. М., 1981.
7. Международные отношения в Центральной Азии XVII –XVIII вв.: Документы и материалы. Кн.1-2. М., 1989.
8. Монгольские источники о Даян-хане. Введение, вступительная статья, комментарий Гороховой Г.С. М., 1986.
9. Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. Перевод с китайского П.С.Попова. Санкт-Петербург, 1895.

- 10.Обозрение разных происшествий до истории и древностей касающихся, в Иркутской губернии и в сопредельных странах бывших, сообразно предписанию г-на главного губерний начальника сочиненное губернским землемером, надворным советником, императорского Санкт-Петербургского Вольного экономического общества членом Антоном Лосевым в городе Иркутске в 1812 г. – Летописи города Иркутска. Иркутск, 1996.
- 11.Пагсам Джонсан: история и хронология Тибета. Перевод, введение Р.Е.Пубаева. Новосибирск, 1991.
- 12.Рерих Ю.Н. По тропам срединной Азии. 1931 г. Репринтное издание. Издательство Агни. б.м., б.г.
- 13.“Родословная Бугдийн-дарга, амбанов Танну-Урянхая и происхождение урянхайцев. Краткое повествование ханов”. Транслитерация текста на старомонг. и русский перевод А.А.Самдан. – “Монголоязычные источники по истории Тувы”. Диссертация на соиск. уч.степени к.и.н. Москва, ИВ РАН, 2001.
- 14.Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы, т. I. 1608 –1683. М., 1969.
- 15.Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы, т II. 1686 –1691. М., 1972.
- 16.Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы, т. I. 1700 - 1725 М., 1978.
- 17.Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы, т. II.1725 –1727. М., 1990.
- 18.Русско-китайские отношения в XIX веке. Материалы и документы, т. I.1803 –1807. М., 1995.

19. Русско-монгольские отношения. 1685-1691. Сборник документов. Сост. Г.И.Слесарчук. М., 2000.
20. Уложение китайской Палаты внешних сношений. Пер. с маньчжур. Липовцов С.В. Том I-II. М.: Тип. Департамента народного просвещения, 1828.
21. Халха-Джирум. Памятник монгольского феодального права XVIII в. Перевод Ц.Ж.Жамсарано. Введение, примечания С.Д.Дылыкова.
22. Цааджин бичиг (“Монгольское уложение”). Цинское законодательство для монголов. 1627 – 1694 гг. Введение, монгольский текст, транслитерация монгольского текста, перевод и комментарий С.Д. Дылыкова. М., 1998.
23. Цыбиков Г. Буддист-паломник у святынь Тибета. Избранные труды, т. II. Новосибирск, 1981.
24. Шишмарев Я.П. Русский консул в Монголии: Отчёт Я.П.Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства. Сост., вступит. статья, примеч., библиогр. Н.Е. Единарховой. Иркутск, 2001.

на английском языке:

25. Clements Markham. Narratives of the Mission of George Bogle to Tibet and of the Journey of Thomas Manning to Lhasa; ed. with notes, an introduction, and Lives of the Mr. Bogle and Mr. Manning. London, 1876.
26. Das, Sarat Chandra. Journey to Lhasa and Central Tibet . London, 1902.

на китайском языке:

27. Cuibikefu. (Цыбиков Г.Ц.) Fojiao xiangke zai shendi Xizang (Буддист-паломник у святынь Тибета). Лхаса, 1993.
28. E-wen-ke zizhiqi gaikuang bianxiezu. E-wen-ke zizhiqi gaikuang (Историческое обозрение эвенкийского хошуна). Хух-хото, 1987.
29. Gao Wende, Cai Zhichun. Menggu shixi (Генеалогия монгольских родов). Пекин, 1979.
30. He Wenxuan. Qingdai zhu Zang dachen dashi ji. (Хроника великих деяний амбаней в Тибете в период правления династии Цин). Пекин, 1993.
31. Hulunbeier zhilue (Описание Хулунбуирских земель) – “Dawoer ziliao ji”. Пекин, 1996.
32. Qingdai Qinghai mengguzu dang'an shiliao (Архивные материалы о цинхайских монголах периода правления династии Цин). Синин, 1994.
33. Qingdai zangshi jiyao. I-II. (Избранные материалы о важнейших событиях в Тибете в период правления династии Цин, часть I-II). Лхаса, 1983.
34. Qingdai zhanguan mingzu waijiao de jigou dang'an. Lifanbu dang'an (Архивные документы династии Цин по управлению вассальными народами и внешним связям) – “Zhongguo diyi lishi dang'an guan gaunzang dang'an gaishi” (Обзор исторических документов, хранящихся в 1-м историческом архиве Китая). Пекин, 1985.
35. Qingding Lifanyuan zeli (Уложение Палаты Внешних сношений). Б.м, б.г.
36. Qing shilu zangzu shiliao. (Исторические материалы о тибетцах. Цин шилу). Лхаса, 1982.
37. Xikang jishi shi ben shizhu. (Комментарии к историческим записям о

событиях в провинции Сикан). Лхаса, 1988.

38. Zeng Guoqing. Wu Fengpei. Qingdai zhu Zang dacheng zhuanlue (Краткие биографии цинских амбаней в Тибете). Лхаса, 1988.

Литература:

39. Белов Е.А. Россия и Монголия (1911 – 1919 гг.). М., 1999.

40. Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений XVII - середина XIX в. М.: “Наука”, 1983.

41. Беспрозванных Е.Л. Буддизм и политика: Лидеры Тибета в XVII –XVIII вв. Волгоград, 1998.

42. Беспрозванных Е.Л. Лидеры Тибета и их роль в тибетско-китайских отношениях XVII –XVIII вв. Волгоград, 2001.

43. Бокщанин А.А. Очерк истории государственных институтов в китайской империи - “Феномен восточного деспотизма”. М., 1992.

44. Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах. Т. I. М., 2001.

45. Бруннерт И.С., Гагельстром В.В. Современная политическая организация Китая. Пекин. 1910.

46. Волков С.В. Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке. М.: Изд.ф-ма “Вост. лит-ра” РАН, 1999.

47. Воскресенский А.Д. К характеристике “Да Цин личао шилу” как источнике по истории международных отношений в Центральной Азии (XVII в.). - XVII научная конференция “Общество и государство в Китае”, часть II, М., 1986.

48. Воскресенский А.Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М., 1995.

49. Воскресенский А.Д. Пограничные проблемы Китая в работах китайских исследователей конца XX века. – Границы Китая: история формирования. М., 2001.
50. Внешняя политика государства Цин в XVII веке. М., 1977.
51. Гончаров С.Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун (1127-1142 гг.). М., 1986.
52. Горохова Г.С. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII – начало XX в.). М., 1980.
53. Границы Китая: история формирования. Под ред. В.С.Мясникова и Е.Д.Степанова. М., 2001.
54. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX века. М., 1983.
55. Доронин Б.Г. Завоевание Китая маньчжурами и официальная китайская историография XVII-XVIII вв. – “Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки”, Выпуск 10. Л., 1987.
56. Доронин Б.Г. Китай XVII – XVIII веков – “Проблемы историографии и источниковедения”. Л., 1988.
57. Доронин Б.Г. Государственное историописание в Китае - “Всемирная история и Восток”. М., 1989.
58. Доронин Б.Г. Биография в средневековом Китае (к характеристике жанра) – “Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки” Выпуск 13. Л., 1990.
59. Доронин Б.Г. Китай и мир в XVIII веке – “Восток” (Москва) 1996, № 5.
60. Дубровская Д.В. Судьба Синьцзяна. М., ИВ РАН, 1998.
61. Дугаров Р.Н. “Дэбтэр-чжамцо” - источник по истории монголов

- Кукунора. Новосибирск, 1983.
62. Дылыков С.Д. Введение к “Их цааз” (“Великое уложение”). Памятник монгольского феодального права XVII в. М., 1981.
63. Ермаченко И.С. К характеристике государственного аппарата Цинской империи в период завоевания Китая - Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.
64. Ермаченко И.С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII веке. М., 1974.
65. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635-1758). М., 1983.
66. Ипатов А.С. Политика “закрытых дверей” Цинов: политика “самозащиты” или “самоубийства государства”(к постановке вопроса в современной историографии КНР) – Всемирная история и Восток. М., 1989.
67. История Востока. Т. III. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI-XVIII вв. М., 2002.
68. История Монгольской Народной Республики. Издание 3-е. М., 1983.
69. Козлов П.К. Тибет и Далай-лама. Петербург, 1920.
70. Колмаш Йосеф. К некоторым вопросам теории и практики национальной политики в Китае – Archiv Orientalni, 3 volume 46/1978. Praha, 1978.
71. Китайская Народная Республика в 1995-96 гг. Политика, экономика, культура. М., 1997.
72. Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск., 1983.

73. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.
74. Лю Данянь. О Канси. - Историческая наука в КНР. М., 1981.
75. Мартынов А.С. О некоторых особенностях политики цинского правительства в Тибете в конце XVII века (предыстория маньчжурского похода в Непал в 1792 году) - Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.
76. Мартынов А.С. Представление о природе и мироустроительных функциях власти в официальной китайской традиции. – “Народы Азии и Африки”, 1972, № 5.
77. Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII-XVIII веках. М., 1978.
78. Мартынов А.С. Доктрина императорской власти и ее место в официальной идеологии императорского Китая - Всемирная история и Восток. М., 1989.
79. Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Сибири. Новосибирск, 1998.
80. Мелихов Г.В. Процесс консолидации маньчжурских племен при Нурхаци и Абахэе (1591 – 1644 гг.) - Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.
81. Мелихов Г.В. О северной границе вотчинных владений маньчжурских (цинских) феодалов в период завоевания ими Китая (40-80-е годы XVII в.) – Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982.
82. Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке. Барнаул, 1998.
83. Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.,

1980.

84. Мясников В.С. Новые знания о России в Цинском Китае в XVIII веке - Всемирная история и Восток. М., 1989.
85. Мясников В.С., Степанов Е.Д. Историография погранично-территориальных проблем Китая: от традиционных подходов к современной интерпретации. – Границы Китая: история формирования. М., 2001.
86. Намсараева С.Б. Китайская политическая традиция и современная практика: к вопросу о легитимности выбора Панчен ламы XI – “Российское монголоведение”, бюллетень V. М., 2001.
87. Намсараева С.Б. Монголоведение и тибетология на Тайване – “Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций”. М., 2002.
88. Новая история Китая. М.: “Наука”, 1972.
89. Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями последнего к народу. Санкт-Петербург, 1887.
90. Попов А.В. О разных изданиях “Уложения китайской палаты внешних сношений” в первой половине XIX века. – IV Всесоюз. школа молодых востоковедов. Тез. – Т. I. М., 1986.
91. Попов А.В. Китайская палата внешних сношений, маньчжурские наместники и аймачные власти в Халха-Монголии в середине XVIII - начале XIX века – “Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки”. Выпуск XII. Л., 1990.
92. Попов А.В. О подготовке халхасских князей и чиновников к службе в

цинском административном аппарате - XXIV научная конференция “Общество и государство в Китае”, часть II, М., 1993.

93. Попов А.В. О некоторых особенностях законодательства и судопроизводства в Монголии периода маньчжурского господства – “Филология и история стран Азии и Африки”. Тез. науч. конф. посв. 50-летию воссозд. Вост. ф-тф СПбГУ – СПб., 1994.
94. Попов П.С. Государственный строй и органы управления. Санкт-Петербург, 1903.
95. Радовский М.И. Посещение Петербургской Академии наук китайскими гостями в 1732 году - “Из истории науки и техники в странах Востока”, вып. 2. М., 1961.
96. Самдан А.А. Об институте бугдийн-дарга в Туве по тувинским монголоязычным летописям – “Российское монголоведение” (Москва), бюллетень V, 2001.
97. Скрынникова Т.Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия XVIII - начало XX в. Новосибирск, 1988.
98. Хамаганова Е.А. Отчеты российского императорского консульства в Урге за 1897 г. : основные события - VIII Международный конгресс монголоведов. Улан-Батор, август 2002 г. Доклады российской делегации. М., 2002.
99. Хафизова К. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV-XIX вв.). Алматы, 1995.
100. Хохлов А.Н. Рассказ Григория Ширина о путешествии в Китай в 1778 – 1780 г. - VI научная конференция “Общество и государство в Китае”, выпуск 1, М., 1975.

101. Хохлов А.Н. Кяхтинская торговля и её место в политике России и Китая (20-е годы XVIII в. – 50-е годы XIX в.) - Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982.
102. Хохлов А.Н. Кяхта и кяхтинская торговля (20-е годы XVIII в. – середина XIX в.) – Бурятия XVII – начала XIX в.. Экономика и социально-культурные процессы. Новосибирск, 1989.
103. Хохлов А.Н. Свод законов маньчжурской династии Цин – документальная основа публикаций Н.Я.Бичурина о современном ему Китае (вступительная статья) – Бичурин Н.Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. М.: Восточный Дом, 2002.
104. Хохлов А.Н. Н.Я.Бичурин и его труды о цинском Китае (вступительная статья) - Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи (в двух частях). М.: Восточный Дом, 2002.
105. Чернышев А.И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII. М., 1990.
106. Чимитдоржиев Ш.Б. Кяхтинский договор 1727 г.: вопрос о беженцах –VIII Международный конгресс монголоведов. Улан-Батор август 2002 г. Доклады российской делегации. М., 2002.

На английском языке:

107. Bell, Charles Sir. Tibet Past and Present. Oxford, 1924.
108. Fairbank J.K. (ed.). The Chinese World Order. Cambridge (Mass.), 1974.
109. Hsieh, Pao Chao. The Government of China (1644-1911). Baltimor, 1925.

110. Hucker, Charles O. A. Dictionary of Official Titles in Imperial China, Stanford, 1985.
111. Hummel, Artur W. (ed.). Eminent Chinese of the Ch'ing period (1644 - 1912), vol. I-II. Washington, 1943 -1944.
112. Kolmas Josef. The Ambans and Assistant Ambans of Tibet (A Chronological Study). Prague, 1994.
113. Kolmas Josef. Tibet and Imperial China. A Survey of Sino-Tibetan Relations up to the End of Manchu Dynasty in 1912. Canberras, 1967.
114. Petech Luciano. The Dalai – Lamas and Regents of Tibet: A Chronological Study. Leiden, 1959.
115. Petech Luciano. China and Tibet in the early XVIII century. History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet. Second, revised edition. Leiden, 1972.
116. Richardson, H.E. Tibet and Its History. London, 1962.
117. Rockhill, William W. The Dalai Lamas of Lhasa and their Relations with the Manchu Emperors of China (1644 - 1908). Leiden, 1910.
118. Shakabpa, Tsepon W.D. Tibet: a Political History. New Heaven-London, 1967.
119. Shaumian Tatiana. TIBET.The Great Game and Tsarist Russia. New Delhi, 2000.
120. Waddel A. Lhasa and its Misteries. London, 1906.
121. Wang Furen, Suo Wenqing. Highlight of Tibetan history. Beijing, 1984.
122. Ya Hanzhang. Dalai lama zhuan. Beijing, 1984. English translation. The Biographies of the Dalai Lamas. Beijing,1991.

На китайском языке:

(согласно китайской транскрипции на основе латинской графики)

123. Bailadougeqi (монг. Байлдагч). 1840 nian zhi qian Menggu zai Zhong' E guanxi zhong de diwei he zuo yong (Роль Монголии во внешних связях Китая с Россией до 1840 года) –“Zhong guo bianjiang shidi yanjiu” (Пекин), 1996 № 1.
124. Fang Baoliang. Mengzang guanxi yanjiu (Исследование истории монголо-тибетских связей). Синин, 1992.
125. Hetianging (яп. Вада К.). Mingdai menggu shi lunji (Очерки по истории Монголии во времена династии Мин). Пекин, 1984.
126. He Yu. Shilun Qingdai zhong'yan jiguan tizhi de jigou tedian (Особенности структуры аппарата центральной власти династии Цин) – “Qingshi yanjiu tongxun” (Пекин), 1987, № 4.
127. Ma Ruheng, Zhao Yuntian. Qingdai bianjiang minzu zhengce jianlun (К вопросу о национальной политике в приграничных землях) –“Qingdai yanjiu” (Пекин), 1991, № 2.
128. Ma Ruheng, Ma Dazheng. Qingdai de bianjiang zhengce (Приграничная политика династии Цин). Пекин, 1994.
129. Mingguo yilai zhongyang dui mengzang de shizheng. (Политика центрального правительства по отношению к Монголии и Тибету в годы народной республики). Mengzang weiyanhui zhubian. Тайбэй, 1984.
130. Nagudanfu. Taiwan mengguxue yanjiu gaishu (Обзор монголоведения на Тайване) - Mengguxue 10 nian (1980-1990) (Монголоведение за 10 лет (1980- 1990)). Хухэ-хото, 1991.

131. Jianming Qingshi (Краткая история династии Цин в двух томах). Пекин, 1980.
132. Xiao Jinsong. Qingdai zhu Zang dachen (Амбани Тибета периода правления династии Цин). Тайбэй, 1996.
133. Xie Zhongguang. Zhongguo sengguan zhidu shi (История института буддийской церкви в Китае). Синин, 1990.
134. Wang Gui. Zangzu Renming yanjiu (Исследование тибетских имен). Пекин, 1991.
135. Wang Hanchan, Lin Daizhao. Zhongguo gudai zhengzhi zhidu shilue (Исторические очерки политической системы Китая с древности до середины 19 века). Пекин, 1985.
136. Wang Yuanda. Jindai Eguo yu Zhongguo Xizang (Россия и китайский Тибет в новое время). Пекин, 1993.
137. Wang Weifang, Yang Jiaming. Jin shinian lai Taiwan diqu de mengzang yanjiu (1986-1995) (Монголоведение и тибетология на Тайване за последние десять лет). Тайбэй, 1997.
138. Wu Yuanfeng. Junjichu manwen yue zhebao ji qizhengli bianmu (Архивные фонды Военного Совета на маньчжурском языке и каталог архивного фонда) –“Qingdai yanjiu”, 1991, № 2.
139. Ya Hanzhang. Banchanerdeni zhuan (Биографии панчен - эрдени). Лхаса, 1987.
140. Yang Jiaming. Qingdai Xizang junshi zhidu (Военная система управления Тибетом в период правления династии Цин). Taipei, 1996.
141. Zeng Guoqing, Wu Fengpei. Qingdai zhu Zang dacheng zhidu de jianli yu yange (Образование и эволюция института амбаней в Тибете). Пекин,

- 1989.
142. Zhaqisiqin (монг. Сэцэн Жагчид). Menggu yu manzhou lishi guanxi de huigu (Ретроспективный взгляд на исторические отношения монголов и маньчжуров) – “Menggu mingzu yu zhoubian mingzu guanxi xueshuhuiyi lunwen ji” (Доклады научной конференции по проблемам взаимоотношений монголов с приграничными народами). Тайбэй, 1998.
143. Zhang Deze. Qingdai guojia jiguan kaolue (Исследование государственных органов периода правления династии Цин). Пекин, 1984.
144. Zhao Yuntian. Qingdai de Lifanyaun shi shenma jigou ?” (Что за учреждение Лифаньюань периода правления династии Цин ?) - “Lishi jiaoxue” (Пекин) 1981, №3.
145. Zhao Yuntian. Jiaqiang bianjiang guanli jigou yanjiu (Углубить исследование системы управления приграничными землями) – “Qingshi yanjiu tongxun” (Пекин) 1988, № 3.
146. Zhao Yuntian. Qingdai menggu zhengjiao zhidu (Политическая и религиозная система управления Монголией в период правления династии Цин). Пекин, 1989.
147. Zhao Yuntian. Ma Ruheng. Qingdai bianjiang mingzu zhengce jianlun (К вопросу о национальной политике в приграничных землях) – “Qingdai yanjiu”, 1991, №2.
148. Zhao Yuntian. Zhongguo bianjiang mingzu guanli jigou yange shi. (История эволюции органов управления приграничными народами в Китае). Пекин, 1993.
149. Zhongguo gongting zhishi cidian (Энциклопедия об императорском дворе). Пекин, 1991.

На монгольском языке:

150. Гонгор, Д. Ховдын хураангуй туух (Краткая история Кобдо). Улаанбаатар, 1964.
151. Гэрэлбадрах Ж. Монголын нутаг дэвсгэр, хил хязгаарын туух (История территории и границ Монголии). Улаанбаатар, 2002.
152. Ишжамц Н. Манжийн дарлалыг эсэргүүцсэн Монголын ард түмний 1755-1757 оны зэвсэгт бослого (Вооруженное восстание монгольского народа против маньчжурского угнетения в 1755-1759 гг.). Улаанбаатар, 1962.
153. Нацагдорж Ш. Манжийн эрхшээлд байсан уеийн Халхын хураангуй туух. 1611- 1911 (История Халхи в период маньчжурского господства). Улаанбаатар, 1963.
154. Насанбалжир, Ц. Ар Монголоос Манж Чин улед залгуулж байсан алба. 1691-1911 (Дань поставляемая из Северной Монголии в Цинское государство). Улаанбаатар, 1964.
155. Санждорж М. Манж-хятадаас Ар монголын колоницлон захирсань (Маньчжуро-китайское колониальное управление в Северной Монголии). Лондон. 1980.
156. Содномдагва Ц. Манжийн захиргаанд байсан Үеийн Ар Монголын засаг захиргааны зохион байгуулалт (Административное устройство Северной Монголии в период маньчжурского правления). Улаанбаатар, 1961.
157. Сэр-Оджав, Н. Манжийн цэргийн хот (Маньчжурское военное поселение). Улаанбаатар, 1957.

Список наместников Монголии:**I. Хулунбуирские наместники (Хулунбуирский *фудутун*)****Правление императора Юнь Чжэн (девиз правления Юнчжэн (1723-1735))**

		<i>Срок пребывания в должности</i>	<i>Примечания</i>
1	Боди	1732 -1734	
2	Юнфу	1734 –1735	
3	Хэдахэ	1735 - 1736	

Правление императора Хун Ли (девиз правления Цяньлун (1736-1795))

4	Сэлэнэ	1736-1738	
5	Дуина	1738 - 1739	
6	Маэрбай	1739-1743	Наместник в Жэхэ 1745-1746
7	Баньту	1743 -1749	
8	Фулونا	1749 - 1754	
9	Хуэрци (1)	1754 - 1759	
10	Чжолия	1759 – 1760	
11	Хуэрци (2)	1760 - 1764	
12	Ютунь	1764- 1766	
13	Салэй	1766 - 1773	
14	Тун'аньдай	1773-1779	
15	Саньбао	1779 - 1792	
16	Гэнцзэсу	1789 - 1790	
17	Илиньбао	1790 - 1792	
18	Хэтабу (Гэтабу)	1792 - 1796	

Правление императора Юн Яня (девиз правления Цзяцин (1796-1820))

19	Даньшэньбао	1796 -1799	
20	Тоэртобао	1799 - 1807	
21	Сэбаошэнь	1807 - 1809	
22	Хэлэдай	1809 - 1813	
23	Шуэрхашань	1813 - 1819	
24	Цзинсиньбао	1819 - 1820	
25	Сэ'эргунь	1820 – 1827	

Правление императора Мин Нина (девиз правления Даогуан (1821 - 1850))

26	Силань'а	1827 - 1829	
27	Бодоцзэ	1829 - 1834	
28	Баяр	1834 - 1839	
29	Хуашаньтай	1839 - 1840	
30	Фэншэнь	1840 -	Помощник амбана в Тибете 1812

II. Суйюаньские наместники (Суйюаньский *цзянцзюнь*)

Правление императора Хун Ли (девиз правления Цяньлун (1736-1795)

1	Ван Чан	1740	
2	Илэшэнь	1740 с 3-го месяца	
3	Буси	1740 с 5-го месяца	
4	Фучан	1749 - 1756	Наместник в Жэхэ 1790 - 1793
5	Баодэ	1756- 1759	
6	Хэнлу	1759 - 1761	
7	Жусун	1761 – 1762	
8	Юньчжу	1762 - 1766	
9	Сунчунь (1)	1766 -1767	
10	Балу	1767 -1768	Чахарский наместник 1767 - 1770
11	Фулян	1768 - 1769	
12	Нолунь	1769 - 1772	
13	Жуньбао	1772 - 1776	Сининский амбань 1763 - 1764
14	Умитай	1776 - 1777	Помощник амбаня 1756-1759 и амбань в Тибете 1773-75
15	Ялан'а	1777 - 1779	
16	Хуншан	1779 - 1781	
17	Сунчунь (2)	1781 - 1784	
18	Уэртунасюнь (1)	1784 с 5-го месяца	
19	Цзифу	1784 с 10 – го месяца	Амбань в Синине 1759-60, помощник амбаня в Тибете 1759-61, в Кобдо 1769 – 1771, Чахарский наместник 1762 -1763
20	Сунчунь (3)	1786 -1789	Чахарский наместник 1811 - 1812
21	Синчжао	1789 - 1793	Улясутайский наместник 1796 - 1796
22	Тусана	1793 - 1795	Улясутайский наместник 1796 - и 1798- 1800
23	Юнкунь	1795-1796	Чахарский наместник 1777–1790 и 1791-1795
24	Уэртунасюнь (2)	1795 - 1796	

Правление императора Юн Яня (девиз правления Цяцин (1796-1820)

25	Фужуй	1796 - 1799	
26	Юнцин	1799 - 1802	
27	Чуншан	1802 - 1804	
28	Дэлэгэлэнгуй	1804 - 1805	
29	Цичэн	1805 с 5-го месяца	
30	Чуньнин	1805 с 6-го месяца	
31	Лайи	1808 - 1812	
32	Гэлэфэн'э	1812 - 1819	Улясутайский наместник 1824 - 1825
33	Башилю	1819 - 1820	
34	Люйчэн	1820 - 1823	

Правление императора Минь Нина (девиз правления Даогуан (1821 - 1850)

35	Дэин'а	1823 - 1825	Улясутайский наместник 1825 – 1827, в Или 1826 - 1829
----	--------	-------------	--

36	Иэ	1825 - 1828	
37	Цзиньчан	1828 - 1829	Улясутайский амбань 1808 – 1810, Или 1809 –1813 и 1817 -1820
38	Тэишуньбао	1829 - 1830	Амбань в Улясутае 1819-23, Или 1833-38,
39	Шэн'инь	1831 - 1833	Наместник в Жэхэ 1828-1829
40	Яньдэ	1833 - 1839	Улясутайский наместник 1828 - 1831
41	Туньчукэцэлэн	1839 - 1841	
42	Сэкэцин'э	1841	

III. Чахарские наместники (Чахарский дутун)

Правление императора Хун Ли (девиз правления Цяньлун (1736-1795))

1	Сунчунь	1762 -1763	Суйюаньский наместник трижды 1766-67, 1781-84 и 1786-17 89
2	Баэрпин	1763 - 1767	Наместник в Жэхэ 1747 - 1748
3	Аньтай	1766 -1767	
4	Балу	1767 - 1770	Суйюаньский наместник тоже с 1767 года
5	Чанцин	1770 - 1777	Ургинский амбань 1815 -1818
6	Уэртунасюнь (1)	1777 - 1790	
7	Баотай	1790 - 1791	Помощник амбана 1780-83 и амбань в Тибете 1790-1791, амбань в Кобдо 1789-1793
8	Уэртунасюнь (2)	1791 - 1795	Суйюаньский наместник 2 раза с 1784 и с 1795 гг.
9	Босин	1795 - 1802	Амбань в Урге 1791 -1794

Правление императора Юн Яня (девиз правления Цзяцин (1796-1820))

10	Гуаньмин	1802 - 1804	Наместник в Улясутае 1810 - 1811
11	Фэркэнгэ	1804 - 1808	Амбань в Урге 1799 - 1803
12	Гунчукэчжабу (1)	1808 - 1811	
13	Синчжао	1811 - 1812	Суйюаньский наместник 1789- 1793
14	Гунчукэчжабу (2)	1812 - 1815	Наместник в Кобдо 1794-1796 , Синин 1805-1807
15	Сянбао	1815 - 1818	Помощник амбана в Тибете 1812 - 1814
16	Сунюнь	1818 – 1819	Ургинский амбань 1785-1790, в Или 1802 – 1809 и 1813 –1815, в Жэхэ 1820-1821
17	Ичунь’а	1819 - 1820	Наместник в Улясутае 1815 – 1818 , Жэхэ 1818–1819
18	Цинпу	1820 - 1821	Улясутайский амбань 1811-1815, в Жэхэ 1817 - 1819
19	Фулань	1821 - 1824	

Правление императора Минь Нина (девиз правления Даогуан (1821 - 1850))

20	Хэсун’э	1824 - 1826	
21	Хэштай	1826 – 1827	
22	Боциту	1827 - 1828	
23	Аньфу	1828 - 1830	
24	Фукэцин’а	1830 - 1831	Сининский амбань 1813 -1816
25	Учжун’э	1831- 1834	Улясутайский наместник 1835 –1836, в Жэхэ 1835-38
26	Кайинбу	1834 - 1837	
27	Лэшань	1837 -1838	Амбань в Урге 1826 – 1830, Улясутайский наместник 1837- 1838
28	Сайшан’а	1838 - 1839	
29	Буяньтай	1839 -	Сининский амбань 1830 -1831

IV. Наместники в Жэхэ (Жэхэсский дутун\фудутун)

Правление императора Хун Ли (девиз правления Цяньлун (1736-1795))

1	Насутай	1739 - 1741	Амбань в Тибете 1734- 1737
2	Даэрдана	1741 - 1745	
3	Маэрбай	1745 - 1746	Хулунбуирский наместник 1739 -1743
4	Суобай (Субай)	1746 - 1747	Амбань в Тибете 1741 – 1744 и 1747 - 1748
5	Бээрпин	1747 - 1748	Чахарский наместник в 1763 - 1767
6	Наланьбао	1748 - 1749	
7	Маэргай	1748 - 1749	
8	Маньфу	1749 - 1753	
9	Хайчан	1749 - 1753	
10	Лишияо	1753 - 1756	
11	Минань	1756 - 1757	
12	Фудана	1757 - 1762	
13	Эрдэнэ	1762 - 1768	
14	Синьчжу	1768 - 1769	
15	Хушэту	1769 - 1770	
16	Саньцинъ	1770 - 1776	
17	Донай	1776 - 1779	
18	Хэнсю	1779 - 1783	Помощник амбана в Тибете 1773 - 1776
19	Хэнжуй	1783 - 1788	Помощник амбана в Тибете 1776 – 1789, Улясутайский наместник 1790 –1796
20	Хэншаньбао	1788 - 1790	
21	Фучан	1790 - 1793	Суйюаньский наместник 1749 - 1756
22	Баочэн	1793 - 1796	
23	Нацзитай	1796 – 1811	

Правление императора Юн Яня (девиз правления Цзяцин (1796-1820))

24	Цзилакань	1811 - 1814	
25	Юйсю	1811 - 1813	
26	Гаоци	1813 - 1814	
27	Хэнин	1814 – 1816	Помощник амбана 1793 – 1800 и амбань в Тибете 1800 - 1801
28	Цинсян	1816 -1817	Амбань в Или 1820 –1821 и 1821 - 1825
29	Цинпу	1817 - 1818	Улясутайский амбань 1811 –1815, Чахарский наместник 1820 - 1821
30	Ичунь'а	1818 - 1819	Улясутайский амбань 1815 –1818, Чахарский наместник 1819 – 1820,
31	Сун'нин	1819 - 1820	
32	Чэнань	1820 - 1821	
33	Сунюнь	1820 - 1821	Амбань в Урге 1785–1790, амбань в Тибете 1794 –1799, Наместник в Или 1802 –1809 и 1813 – 1815, Чахарский наместник 1818 – 1819

Правление императора Минь Нина (девиз правления Даогуан (1821 - 1850))

34	Цинхуй	1821 - 1823	Помощник амбана в Тибете 1811 - 1812
35	Ляньшань	1823 - 1824	
36	Чэндэ	1823 -	Амбань в Тибете 1792 - 1793

37	Цинбао	1823 - 1824	Улясутайский наместник 1825 - 1826
38	Нацин'ань (1)	1825 - 1827	
39	Миншань	1827 - 1828	Наместник в Кобдо 1779 - 1785
40	Шэн'инь	1828 - 1829	Суйюаньский наместник 1831 - 1833
41	Нацин'ань (2)	1828 - 1829	
42	Инхэ	1828 - 1829	
43	Чэнгэ	1829 - 1830	
44	Юй'энь	1830 - 1832	
45	Баочан	1832 - 1834	Помощник амбана в Тибете 1821 –1825, Улясутайский наместник 1836 – 1840
46	Сучэн'э	1834 - 1835	
47	Учжун'э	1835 - 1838	Чахарский наместник 1831-1834, наместник в Улясутае 1835-36
48	Сунпу	1835 - 1838	
49	Ци'ин	1838 - 1839	
50	Хуйцзи	1839 -	

V. Улясутайские наместники (Динбянский *фуцзянцизюнь*)

Правление императора Хун Ли (девиз правления Цяньлун (1736-1795))

1	Чэнгунчжабу	1768 - 1772	1758 г. возглавлял карательный поход против ойратского князя Цэрена, бежавшего к волжским калмыкам
2	Чэбудэнчжабу	1772 -1774	
3	Хэтулинь'э	1774 - 1778	
4	Баюй	1777 - 1781	
5	Цингуй	1781 - 1782	
6	Куйлинь	1782 - 1786	Амбань в Или 1785 – 1787, в Тибете 1791
7	Фусин	1786 - 1790	
8	Хэнжуй	1790 - 1796	Наместник в Жэхэ 1783 - 1788
9	Юнкунь (1)	1796 -	

Правление императора Юн Яня (девиз правления Цзяцин (1796-1820))

10	Тусана	1796 - 1796	Наместник в Суйюань 1793 - 1795
11	Юнкунь (2)	1798 - 1800	Наместник в Суйюань 1795 - 1796
12	Мяньцзо	1800 - 1804	
13	Чэнкуань	1804 - 1808	
14	Цзиньчан	1808 - 1810	Амбань в Или 1809-1813 и 1817 – 1820, наместник в Суйюань 1828 – 1829
15	Гуаньмин	1810 - 1811	Чахарский наместник 1802 - 1804
16	Цинпу	1811 - 1815	Наместник в Жэхэ 1817-1818, Чахарский наместник 1820-1821
17	Ичунь'а	1815 - 1818	Наместник в Жэхэ 1818-1819, Чахарский наместник 1819-1820,
18	Симин	1818 - 1819	Амбань в Тибете 1814 - 1817
19	Тэйшуньбао	1819 - 1823	Наместник в Суйюань 1829 – 1830, Или 1833 -1838

Правление императора Минь Нина (девиз правления Даогуан (1821 - 1850))

20	Ихао	1823 - 1824	Ургинский амбань 1830 - 1831
21	Гэлэфэн'э	1824 - 1825	Наместник в Суйюань 1812 -1819
22	Цинбао	1825 - 1826	Наместник в Жэхэ 1823 - 1824
23	Дэин'а	1826 - 1827	Наместник в Суйюань 1823 –1825, в Или 1826 - 1829
24	Гэбушэ	1827 - 1828	
25	Яньдэ	1828 - 1831	Наместник в Суйюань 1833 -1839
26	Лэшань	1831 - 1834	Амбань в Урге 1826 –1830, Чахарский наместник 1837 – 1838
27	Циншань	1834 - 1835	
28	Учжун'э	1835 - 1836	Чахарский наместник 1831-1834, наместник в Жэхэ 1835-1838
29	Баочан	1836 - 1840	Помощник амбана в Тибете 1821-1825, Наместник в Жэхэ 1832 -1834
30	Ляньцин	1844 -	Ургинский амбань 1831 -1834

VI. Амбани в Кобдо

Правление императора Хун Ли (девиз правления Цяньлун (1736-1795))

1	Чжаса'а	1768 - 1769	
2	Ццифу	1769 – 1771	Сининский амбань 1759–1760, помощник амбаня в Тибете 1759-1761, наместник в Суйюань 1784 – 1786,
3	Шуцзин'а	1771 - 1772	
4	Фудэ	1772 - 1774	
5	Доминь	1774 - 1777	
6	Миншань	1777 - 1783	Наместник в Жэхэ 1827 - 1828
7	Хайнин	1783 - 1787	
8	Баотай	1787 - 1790	Помощник амбаня 1780-83 и амбань в Тибете 1790-91, Чахарский наместник 1790-91
9	Уми'усунь	1790 - 1794	
10	Гунчукэчжабу	1794 - 1796	Сининский амбань 1805 – 1807, Чахарский наместник 1808 – 1811 и 1812 – 1815

Правление императора Жэнцзуна под девизом Цзяцин (1796-1820)

11	Тэчэн'э	1796 - 1799	
12	Фуцзюнь	1796 - 1799	
13	Цэбакэ (1)	1799 – 1802	
14	Исин	1802 - 1803	
15	Хэнбо	1803 - 1806	Сининский амбань 1807 - 1808
16	Вэшэньбу	1806	
17	Чжакэта'эр	1806 - 1808	
18	Цэбакэ (2)	1809 - 1810	
19	Чанлин	1810	Амбань в Или 1815 – 1817 и 1825 - 1826
20	Цэбакэ (3)	1810 - 1812	Амбань в Тибете 1804 – 1805, Сининский амбань 2 раза 1796-1796 и 1796-97
21	Бакэтань	1812 - 1814	
22	Бапэнбу	1814 - 1818	
23	Фухэ	1818 - 1822	

Правление императора Минь Нина (девиз правления Даогуан (1821 - 1850))

24	Наяньбао	1822 - 1824	
25	Бабэн'а	1824 - 1827	
26	Элэцзинь	1827 - 1828	
27	Фумянь	1828 - 1830	
28	Инхуй	1830 - 1831	
29	Чжунчан	1831 - 1832	
30	Алэцзин'а	1831 - 1832	
31	Сяошуньдай	1831 - 1832	
32	Чанмин	1835 - 1836	
33	Фуниянь	1836 - 1837	
34	Юйшу	1836 - 1837	
35	Гуцин	1839 -	

VII. Ургинские амбани

Правление императора Хун Ли (девиз правления Цяньлун (1736-1795))

1	Солин	1765 - 1768	Амбань в Тибете 1772-1774 и 1780-1781
2	Сандзай	1777 - 1779	Был ургинским амбанем в 1762 году
3	Сунюнь	1785 - 1790	Наместник в Или 1802 –1809 и 1813 –1815, Чахарский наместник 1818-1819, в Жэхэ 1820-1821,
4	Пуфу (1)	1790 - 1791	
5	Босин	1791 - 1794	Чахарский наместник 1795 - 1802
6	Тэкэшэнь (1)	1794 - 1796	

Правление императора Юн Яня (девиз правления Цзяцин (1796-1820))

7	Тэкэшэнь (2)	1796 - 1798	Сининский амбань 1793 - 1795
8	Пуфу (2)	1798 - 1799	Сининский амбань 1786-1788, Амбань в Тибете 1789 –1790, Чахарский наместник 1804 - 1808
9	Фэркэнгэ	1799 - 1804	
10	Артасиди	1804 - 1804	
11	Дэлэкэчжабу (Дэлэкчжаб)	1804 - 1805	
12	Ванхэн	1804 - 1805	
13	Юйхэн	1804 - 1805	Турфанский амбань
14	Фухай	1805 - 1808	
15	Бэнубу	1810 - 1812	
16	Тайфэйин	1812 - 1813	Сининский амбань 1799 - 1800
1	Сучжуна	1813 - 1815	
18	Чанцин	1815 - 1818	Чахарский наместник 1770 - 1777
19	Баяньту	1818 - 1821	

Правление императора Минь Нина (девиз правления Даогуан (1821 - 1850))

20	Гуанцин	1821 - 1824	Помощник амбаня в Тибете 1826 - 1828
21	Сунчан	1824 - 1826	
22	Лэшань	1826 - 1830	Чахарский наместник 1837-1838, Наместник в Улясутае 1837 -1838
23	Ихао	1830 -1831	Улясутайский наместник 1823 - 1824
24	Ляньцзин	1831 - 1834	Улясутайский наместник 1844
25	Кобутун'у	1834 - 1836	
26	Фуин	1836	

VIII. Сининские амбани

Правление императора Юнь Чжэн (девиз правления Юнчжэн (1723-1735))

1	Данай	1725 - 1733
2	Чжунфобао (1)	1733 - 1734
3	Дэлин	1734 - 1736

Правление императора Хун Ли (девиз правления Цяньлун (1736-1795))

4	Баочжу	1736 - 1737	
5	Балин'а	1737 - 1740	
6	Мангулай	1740 - 1745	Амбань в Тибете 1767 - 1773
7	Чжунфобао (2)	1745 - 1749	
8	Баньди	1749 - 1750	Амбань в Тибете 1750 - 1752
9	Цзишань	1750 - 1751	Амбань в Тибете 1738 – 1741 и 1749 - 1750
10	Шулин	1750 - 1752	
11	Дэ 'эртай	1754	
12	Цифу	1759 - 1760	Помощник амбаня в Тибете 1759 – 1761, амбань в Кобдо 1769 – 1771, наместник в Суйюань 1784 – 1786
13	Доржи	1760 - 1763	Амбань в Тибете 1752 - 1754
14	Жуньбао	1763 - 1764	Суйюаньский наместник 1772 - 1776
15	Цишиу	1765 - 1767	
16	Хаймин	1767 - 1768	
17	Фуцзин	1768 - 1770	Помощник амбань в Тибете 1761 - 1764
18	Уэргтай	1770 - 1774	
19	Фулу (1)	1774 - 1776	
20	Хуйлин	1774 - 1776	
21	Фафули	1776 - 1779	
22	Номухуань	1779 - 1780	
23	Дэвэнь	1780	
24	Любаочжу	1780 - 1883	Амбань в Тибете 1775 – 1779 и 1785 - 1786
25	Фулу (2)	1784 - 1786	
26	Пуфу	1786 - 1788	Амбань в Тибете 1789-90, Урге 1790-1791 и 1798-1799
27	Куйшу (1)	1788 - 1793	
28	Тэкэшэнь	1793 - 1795	Ургинский амбань 1794 – 1796 и 1796 - 1798
29	Цэбакэ (1)	1795 - 1796	

Правление императора Юн Яня (девиз правления Цзяцин (1796-1820))

30	Цэбакэ (2)	1796 - 1797	Кобдоский амбань 3 раза 1799-1802, 1809-1810 и 1810- 1812, амбань в Тибете 1804-1805
31	Куйшу (2)	1797 - 1799	
32	Тайфэйин	1799 - 1800	Ургинский амбань 1812 - 1813
33	Тайбу	1800 - 1803	
34	Доэрцзя	1803 - 1805	
35	Юйнин	1805 -	Амбань в Тибете 1805 - 1808
36	Гунчукэчжабу	1805 -1807	Наместник в Кобдо 1794 –1796, Чахарский наместник в 1808-1811 и 1812-1815

37	Хэнбо	1807 - 1808	Наместник в Кобдо 1803 - 1806
38	Наяньчэн	1808 - 1809	
39	Вэньфу	1809 - 1813	
40	Фукэцин'а	1813 - 1816	Чахарский наместник 1830 - 1831
41	Лайлин	1816 - 1817	
42	Сюйчжуань	1817 - 1818	
43	Юйлинь	1818 - 1819	Амбань в Тибете 1817-1819, Илийский наместник 1829 - 1833
44	Наэрсуна	1819 - 1820	
45	Фунин	1820 - 1821	Амбань в Тибете 1801 – 1803 и 1803 - 1805
46	Суна	1821 -	

Правление императора Минь Нина (девиз правления Даогуан (1821 - 1850))

47	Сунтин (1)	1821 - 1822	
48	Улун'э	1822 - 1823	
49	Сунтин (2)	1823 -	Амбань в Тибете 1823 - 1827
50	Муланьдай	1823 - 1830	
51	Буяньтай	1830 - 1831	Чахарский наместник 1839 г.
52	Хэнцзин	1830 - 1832	
53	Шутуну'э	1832 - 1836	
54	Дэлэн'э	1836 - 1837	
55	Сулэфан'э	1837 - 1838	
56	Наэрсин'э	1838	Помощник амбана в Тибете 1837 - 1838

IX. Наместники в Или (Илийский *цзянцизюнь*)

Правление императора Хун Ли (девиз правления Цяньлун (1736-1795))

1	Минжуй	1762 - 1767	
2	Агуй	1767 - 1768	
3	Юнгуй	1768 - 1769	
4	Илэту (1)	1769 - 1771	
5	Шухэдэ	1771 - 1773	
6	Илэту (2)	1773 - 1785	
7	Куйлинь	1785 - 1787	Амбань в Тибете 1791, Улясатуйский наместник 1782 -1786
8	Баонин (1)	1787 - 1794	
9	Минлян	1794 - 1795	
10	Баонин (2)	1795 -	

Правление императора Юн Яня (девиз правления Цзяцин (1796-1820))

11	Баонин (3)	1796 - 1802	
12	Сун Юнь (1)	1802 - 1809	Автор сочинения “Или цзунтун шилюэ” (“Общее обозрение Или”)
13	Цзиньчан (1)	1809 - 1813	
14	Сун Юнь (2)	1813 - 1815	Ургинский амбань 1785-90 Чахарский наместник 1818-1819, наместник в Жэхэ 1820-21
15	Чанлин (1)	1815 - 1817	Амбань в Кобдо 1810
16	Цзиньчан (2)	1817 - 1820	Улясутайский наместник 1808 –1810, наместник в Суйюане 1828-1829,
17	Цинсян (1)	1820	

Правление императора Минь Нина (девиз правления Даогуан (1821 - 1850))

18	Цинсян (2)	1821 - 1825	Амбань в Жэхэ 1816 - 1817
19	Чанлин (2)	1825 - 1826	
20	Дэин’а	1826 - 1829	Суйюаньский наместник 1823-1825, в Улясутае 1826 -1827
21	Юйлинь	1829 - 1833	Сининский амбань 1818 -1819
22	Тэишуньбао	1833 - 1838	Суйюаньский наместник 1829 – 1830, в Улясутае 1819 - 1823
23	Ишань	1838 -	

Приложение ii

**Список амбаней Тибета
(амбани и помощники амбаней)**

Правление императора Юнь Чжэн (девиз правления Юнчжэн (1723-1735))

		Срок пребывания в должности	Примечания
1	Сэнгэ	1727 -1733	
2	Мала (1) ¹	1727 –1728	
3	Майлу	1727- 1733	
4	Чжоуин	1727-1729	
5	Мала (2)	1729 -1732	
6	Баоцзинчжун	1729-1732	
7	Цинбу	1731-1734	
8	Мяошоу	1731-1734	
9	Личжу	1732-1733	
10	Мала (3)	1733-1736	
11	Аэрсунь	1734 -	доехал до Тибета и умер
12	Насутай	1734 -1737	Наместник в Жэхэ 1739-1741

Правление императора Хун Ли (девиз правления Цяньлун (1736-1795))

13	Ханцилу	1737-1738	
14	Цзишань (1)	1738-1741	
15	Субай (1)	1741-1744	
16	Фуцин (1)	1744-1748	
17	Субай (2)	1747-1748	
18	Лабудунь/Рабдан (1)	1748-1749	
19	Цзишань (2)	1749-1750	Амбань в Синине 1750-1751
20	Фуцин (2)	1749-1750	
21	Лабудунь/Рабдан (2)	1750-	Погиб в инциденте с Джурмэ Намжалом
22	Тунин	1750 -	Погиб в инциденте с Джурмэ Намжалом
23	Баньди (А) ²	1750 -1752	Амбань в Синине 1749-1750
24	Намжар (ПА) ³	1750 -1752	
25	Доржи (А)	1752-1754	Амбань в Синине 1760-1773
26	Шутай\Шучунь (АА)	1752-1756	
27	Чжаохэй (ПА)	1753 -1754	
28	Салашань (А)	1754-1757	
29	Умитай (ПА) (1)	1756 - 1759	
30	Гуаньбао (А) (1)	1757 -1761	
31	Цифу (ПА)	1759 - 1761	Сининский амбань 1759 и 1760, в Кобдо 1769-1771, Суйюаньский наместник 1784
32	Фунай (А)	1761 - 1764	
33	Фуцзин (ПА)	1761- 1764	Сининский амбань 1768-1770
34	Аминерту (А)	1764 -1766	

¹ (1) – амбань или помощник амбаня назначались на эту должность более одного раза

² (А)- амбань

³ (ПА) – помощник амбаня

35	Мачан (ПА)	1764 -1767	
36	Гуаньбао (А)(2)	1764 - 1767	
37	Туоюнь(ПА)	1767 -1769	
38	Мангулай (А)	1767 –1773	Сининский амбань 1740-1745
39	Чанцзай (ПА)	1769 -1771	
40	Суолин (ПА) (1)	1771 - 1773	
41	Хэнсю (ПА)	1773 -1776	Наместник в Жэхэ 1779-1783
42	Умитай (А) (2)	1773 -1775	Суйюаньский наместник 1776-1777
43	Любаочжу (А) (1)	1775 –1779	
44	Хэнжуй (ПА)	1776 – 1780	Наместник в Жэхэ 1783-1788, в Улясутае 1790-1791
45	Суолинь (А)(2)	1779 –1780	
46	Баотай \Фусихунь (ПА) (1)	1780 - 1783	
47	Боцин'э (А)	1780 –1785	
48	Цинлин (ПА)	1783 –1788	
49	Любаочжу (А) (2)	1785 -1786	Сининский наместник 1780-1783
50	Яманьтай (ПА) (1)	1786 -1788	
51	Фочжи (А)	1788 -1780	
52	Шулянь (А) (1)	1788 -1790	
53	Бачжун (А)	1788 -1780	
54	Пуфу (ПА) (1)	1789 – 1790	
55	Пуфу (А) (2)	1790	Сининский амбань 1786-1788, Ургинский амбань 1790-1791 и 1798-1799
56	Ямантай (ПА) (2)	1790 –1791	
57	Баотай \Фусихунь (А) (2)	1790 –1791	Кобдоский амбань 1787-1790, Чахарский наместник 1790-1791
58	Куйлинь (А)	1791	
59	Шулянь (ПА) (2)	1791 -1792	
60	Эхуй (А)	1791 –1792	
61	Эрденбао (ПА)	1792	
62	Чэндэ (А)	1792 -1793	Наместник в Жэхэ 1823
63	Хэлинь (А)	1792 – 1794	
64	Хэнин\Хэин (ПА) (1)	1793 -1800	
65	Сунюнь (А)	1794 -1799	Амбань в Урге 1785-1790, Илийский наместник дважды в 1802-1809 и в 1813-1815, Чахарский наместник 1818-1819

Правление императора Юн Яня (девиз правления Цзяцин (1796-1820))

66	Иншань (А)	1799 – 1803	
67	Хэнин\Хэин (А) (2)	1800	Наместник в Жэхэ 1814-1816
68	Фунин (ПА) (1)	1801 –1803	
69	Фунин (А) (2)	1803 – 1805	Сининский амбань 1834-1835
70	Чэнлинь (ПА)	1803 -1805	
71	Цэбаке (А)	1804 – 1805	Сининский амбань 1796-1796 и 1796-1797, Кобдоский амбань 1799-1802, 1809-1810 и 1810-1812
72	Вэньби (ПА) (1)	1805 –1808	
73	Юйнин (А)	1805 -1808	
74	Вэньби (А) (2)	1808 –1811	Сининский амбань 1805
75	Лунфу (ПА)	1808 - 1809	
76	Янчунь Янчуньбао (ПА)(1)	1809 – 1811	

77	Янчунь \Янчуньбао (А)(2)	1811 -1812	
78	Цинхуй (ПА)	1811 –1812	Наместник в Жэхэ 1821-1823
79	Хутули (А)	1811 –1813	
80	Фэншэнь (ПА)	1812	Хулунбуирский наместник 1840
81	Сянбао (ПА)	1812 - 1814	Чахарский наместник 1815-1818
82	Симин (ПА) (1)	1814	
83	Симин (А) (2)	1814 – 1817	Улясутайский наместник 1818-1819
84	Кешике (ПА)	1814 – 1819	
85	Юйлинъ (А)	1817 – 1820	Сининский амбань 1818-1819, наместник в Или 1829-1833
86	Линхай (ПА)	1819 – 1821	
87	Вэнь'гань /Вэньнин (А)	1820 - 1823	

Правление императора Мин Нина (девиз правления Даогуан (1821 - 1850))

88	Наданьчжу /Надан'а (ПА)(1)	1821	
89	Баочан (ПА)	1821 - 1825	Наместник в Жэхэ 1832-1834, в Улясутае 1836-1840 Сининский амбань 1821-1822 и 1823
90	Сунтин (А)	1823 - 1827	
91	Дуньян (ПА)	1825 – 1826	
92	Гуанцин (ПА)	1826 – 1828	Ургинский амбань 1821-1824
93	Хуйсянь (А)	1827 – 1830	
94	Шентай (ПА)	1828 – 1830	
95	Синкэ (ПА) (1)	1830	
96	Синкэ (А) (2)	1830 – 1833	
97	Лунвэнь (ПА) (1)	1830 – 1833	
98	Лунвэнь (А)(2)	1833 – 1834	
99	Сю Кунь (ПА)	1833 – 1834	
100	Вэньвэй (А)(1)	1834 – 1835	
101	Сунлянь (ПА)	1834	
102	Наданьчжу /Надан'а (ПА)(2)	1834	
103	Цинлу (ПА)(1)	1834 – 1836	
104	Цинлу (А) (2)	1836	
105	Эшунь'ань (ПА) (1)	1836 – 1837	
106	Гуаньшэньбао (А)	1836 – 1839	
107	Наэрцзин'э (ПА)	1837 – 1838	Сининский амбань 1838
108	Мэн Бао (ПА) (1)	1838 - 1839	
109	Мэн Бао (А) (2)	1839 – 1842	
110	Хайпу (ПА) (1)	1839 – 1842	
111	Хайпу (А) (2)	1842 – 1843	
112	Налэхэн'э (ПА)	1842	
113	Чжун Фан (ПА)	1842 - 1844	
114	Мэн Бао (А) (3)	1843	
115	Цишань (А)	1843 – 1847	
116	Жуйюань (ПА)	1844 – 1846	
117	Вэнькан (ПА)	1846	
118	Мутэнгэ (ПА) (1)	1846 – 1848	
119	Биньян (А)	1847 – 1848	
120	Мутэнгэ (А)(2)	1848 – 1852	
121	Чуньгэнь (ПА)	1848 –1849	
122	Эшунь'ань (ПА) (2)	1849 – 1851	

Правление императора И Чжу (девиз правления Сяньфэн (1851 - 1861))

123	Энтэхэн'э/Элэхэн'э/Элэхэнлэ (ПА)	1851 - 1852
124	Баоцин (ПА)	1852 –1853
125	Хаймэй (А)	1852
126	Чжуньлин	1852 - 1854
127	Вэньвэй (А) (2)	1853
128	Хэтэхэ (А)	1853 – 1857
129	Юйцзянь (ПА)	1854
130	Маньцин (ПА) (1)	1855 – 1857
131	Маньцин (А) (2)	1857 – 1862
132	Аньчэн (ПА) (1)	1857
133	Эньцин (ПА)	1857 – 1862
134	Чунши (А)	1859 - 1861
135	Цзин Вэнь (А)	1861 -1869

Правление императора Цзай Чуня (девиз правления Тунчжи (1862 - 1874))

136	Жуйчан (ПА)	1866 – 1867
137	Эньлинь (ПА) (1)	1867 - 1868
138	Эньлинь (А) (2)	1868 – 1872
139	Дэтай (ПА)	1868 – 1873
140	Чэнцзи (А)	1872 – 1874
141	Сикай (ПА)	1873 – 1876
142	Сунгуй (А)	1874 - 1879

**Правление императора Цзай Тяня (девиз првления Гуансюй (1875 - 1908) –
Правление императора Айсиньцзюйло Пу И под девизом Сюаньтун (1909 - 1911) –
Первый год (1912) Республиканского Китая**

143	Гуйфэн (ПА)	1876 – 1878
144	Сичжэнь/Сичунь (ПА)	1878 – 1879
145	Сэлэнгэ (ПА) (1)	1879
146	Сэлэнгэ (А) (2)	1879 – 1885
147	Вэйцин (ПА)	1879 - 1882
148	Эли (ПА)	1882
149	Чунган (ПА)	1882 - 1886
150	Вэньши (А)	1885 – 1888
151	Шансянь /Сянсянь (ПА)	1886
152	Шэнтай (ПА) (1)	1886 – 1890
153	Чангэн (А)	1888 – 1890
154	Шэнтай (А) (2)	1890 - 1892
155	Шаоцзянь/Шаосянь (ПА)	1890 – 1891
156	Куйхуань (ПА) (1)	1891 – 1892
157	Куйхуань (А) (2)	1892 – 1896
158	Янь Мао (ПА)	1892 – 1894
159	Нацинь (ПА) (1)	1894 – 1898
160	Вэньхай (А)	1896 – 1900
161	Юйган (ПА) (1)	1898 - 1900
162	Цин Шань (А)	1900

163	Юйган (А) (2)	1900 – 1902
164	Аньчэн (ПА) (2)	1900 – 1902
165	Ютай (А)	1902 – 1906
166	Нацинъ (ПА) (2)	1902 – 1903
167	Гуйлинъ (ПА)	1903 – 1904
168	Фэнцюань (ПА)	1904 - 1905
169	Ляньюй (ПА) (1)	1905 - 1906
170	Ляньюй (А) (2)	1906 –1912
171	Чжан Иньтан (ПА)	1906 – 1908
172	Чжао Эрфэн (А)	1908 – 1911
173	Вэнь Цзуняо (ПА)	1908 - 1910

Приложение iii

2. Родовая принадлежность амбаней Тибета (iii)
(по данным книги “Краткие биографии цинских амбаней в Тибете”)

а) Члены императорского дома (цзунши)

Вэньби (№ 72)
Гуйфэн (№ 143)
Иншань (№ 66)
Мангулай (№ 38)
Налэхэн’э (№ 112)
Салашань (№ 28)

Туннин (№22)
Хаймэй (№ 125)
Хайпу (№ 110)
Хэнсю (№ 41)
Хэнжуй (№ 44)

б) Члены маньчжурских родов**Айсиньцзюйло (Айсинь Гиро)**

Чуньгэнь (№ 121)
Хэнсю (№ 41)

Гуаньшенбао (№ 106)
Лунвэнь (№ 97)

Билу

Эхуй (№ 60)

Куяла

Янчунь /Янчуньбао (№ 76)

Бөөрцзигит (Борчжигит)

Цишань (№ 115)
Сичжень/Сичунь (№ 144)

Мацзя

Жуйчан (№ 136)
Шаоцзянь/Шаосянь (№ 155)

Ваньянь (Ваньень)

Чунши (№ 134)
Хутули (№ 79)
Ханилу (№ 13)
Суолинь (№ 40)

Мулу (Шумулу)

Шулянь (№ 52)
Вэйцин (№ 147)
Сянбао (№ 81)

Гуаэрцзя (Гуалгия)

Биньян (№119)
Дуньян (№ 91)
Эледенбао/Эрденбао (№ 61)
Мутенгэ (№ 118)
Нацинь (№ 159)

Нюхулу (Нехуру/Нюхуру)

Хэлинь (№ 63)

Дахулигобэйэр

Сэлэнгэ (№145)

Сакэда

Синкэ (№95)

Дунгэ

Лабудунь\Рабдан (№18)

Сахаэрча (см. Хаэрча)

Сулунь’эсули
Чэндэ (№ 62)

Игэхэй

Лунфу (№ 75)

Татала

Юйнин (№ 73)

Иэргэньцзюло

Чангэн (№ 153)
Фунин (№ 68)

Тунцзя

Фэншэнь (№ 80)

Наэрцин’э (№ 107)

Вэньхай (№160)
Вэнькан (№ 117)
Вэньши (№ 150)
Вэньвэй (№ 100)

Уя

Чжаохуй (№ 27)

Уя

Гуаньбао (№ 30)

Фуча (Фуца)

Боцин’э (№ 47)

Фэймо

Мала (№ 2)
Фуцин (№ 16) Куйлинь (№ 58)

Хаданала /Хадабола

Юйлинь (№ 85)

Хаэрча

Иншань (№ 66)

Чжэнцзя

Сунтин (№ 90)

с) Члены монгольских родов

Балинь	Намучжаэр /Намучжалэ (№ 24)
Сэнгэ (№ 1)	Уми
Бөөрцзицзигте (Борчжигит)	Умитай (№ 29)
Баньди (№ 23)	Уцитэ (Учжид)
Цэбакэ (№ 71)	Любаочжу (№ 43)
Кэлэтэ (Кэлэд)	Цзилэмотэ
Цзифу (№ 31)	Чжуотэ
Кунгэлисы	Шэнтай (№ 152)
Пуфу (№ 54)	Ютай (№ 165)
Маратэ (Марад)	Эледэтэ (Олёт)
Сунюнь (№ 65)	Хэнин/Хэин (№ 64)
Ямантай (№ 50)	
Туботе	

III. Знаменная принадлежность (ци)

А. Маньчжурское знаменное (чжэн)

Желтое (хуан)

Чангэн (№ 153)
 Чэндэ (№ 62)
 Чэнцзи (№ 140)
 Эледэнбао /Эрдэнбао (№ 61)
 Фунай (№ 32)
 Гуаньбао (№ 30)
 Гуйлинь (№ 167)
 Лабудунь/ Рабдан (№ 18)
 Ляньюй (№ 169)
 Мачан (№ 35)
 Мала (№ 2)
 Цишань (№ 115)
 Жуйюань (№ 116)
 Шутай/Шучунь (№ 26)
 Юйлинь (№ 85)
 Чжаохуй (№ 27)

Белое (бай)

Аэрсюнь (№ 11)
 Жуйчан (№ 136)
 Мутэнгэ (№ 118)
 Наэрцзинь'э (№ 107)
 Нацинь (№ 159)
 Салашань (№ 28)
 Сэлэнгэ (№ 145)
 Сэнгэ (№ 1)
 Хутулли (№ 79)
 Хэнжуй (№ 44)
 Хэнсю (№ 41)
 Чанцзай (№ 39)
 Шулянь (№ 52)

Эли (№ 148)
 Эхуй (№ 60)
 Янчунь/Янчуньбао (№ 76)

Красное (хун)

Биньян (№ 119)
 Чуньгэнь (№ 121)
 Дуньян (№ 91)
 Эшунь'ань (№ 105)
 Фочжи (№ 51)
 Хэлинь (№ 63)
 Лунфу (№ 75)
 Лунвэнь (№ 97)
 Мяшоу (№ 8)
 Вэньби (№ 72)
 Вэнь'гань/Вэньнин (№ 87)
 Юйнин (№ 73)

Синее (лань)

Аньчэн (№ 132)
 Баочан (№ 89)
 Гуанцин (№ 92)
 Мангулай (№ 38)
 Налэхэн'э (№ 112)
 Насутай (№ 12)
 Сунлянь (№ 101)
 Сунтин (№ 90)
 Суолинь (№ 40)
 Вэньвэй (№ 100)
 Симин (№ 82)
 Сичжень/Сичунь (№ 144)
 Юйцзянь (№ 129)

АА. Маньчжурское знаменное с каймой (сян)**Желтое с каймой**

Боцин'э (№ 47)
 Вэйцин (№ 147)
 Куйлинь (№ 58)
 Синкэ (№ 95)
 Суобай/Субай (№ 15)
 Сянбао (№ 81)
 Туоюнь (№ 37)
 Фэнцюань (№ 168)
 Фэншэнь (№ 80)
 Фуцин (№ 16)
 Хуйсянь (№ 93)
 Чунши (№ 134)
 Шаоцзянь/Шаосянь (№ 155)

Красное с каймой

Вэнькан (№ 117)
 Вэньхай (№ 160)
 Вэньши (№ 150)
 Гуйфэн (№ 143)
 Ханилу (№ 143)
 Цзишань (№ 14)

Синее с каймой

Баоцин (№ 124)
 Гуаньшэнбао (№ 106)
 Иншань (№ 122)
 Наданьчжу/Надан'э (№ 88 и 102)
 Сунгуй (№ 142)
 Фунин (№ 68)
 Хайпу (№ 110)
 Чэнлинь (№ 70)

в. Монгольское знаменное**Желтое**

Пуфу (№ 54)
 Сикай (№ 141)
 Умитай (№ 29)
 Шентай (№ 152)
 Ютай (№ 165)
 Эньлинь (№ 137)
 Эньцин (№ 133)
 Яманьтай (№ 50)

Белое

Баотай/Фусихунь (№ 46)

IV. Китайцы, не принадлежащие к знаменным войскам

Вэнь Цзуняо (№ 173)

Любаочжу (№ 43)
 Маньцин (№ 130)
 Намучжаэр/Намучжалэ (№ 24)
 Цинхуй (№ 78)
 Шансянь/Сянсянь (№ 151)

Красное

Цинлу (№ 103)
 Энтэхэн'э/Элехэн'э/Элехэнлэ/
 Элехэнлэ (№ 123)

Синее

Сунюнь (№ 65)
 Чунгань (№ 149)
 Шэнтай (№ 94)

вв. Монгольское знаменное с каймой**Желтое**

Баньди (№ 23)
 Хэнин/Хэйин (№ 64)
 Цебакэ (№ 71)
 Цзифу (№ 31)
 Цинлинь/Цинлин (№ 48)
 Юйган (№ 161)

Белое

Куйхуань (№ 156)

Красное

Бачжунь (№ 53)
 Хэтэхэ (№ 128)

с. Китайские знаменные войска (ханьцзюнь)**Желтое**

Цзин Вэнь (№ 135)
 Чжун Фан (№ 113)

Белое

Янь Мао (№ 158)

Синее

Сю Кунь (№ 99)
 Чжао Эрфэн (№ 172)

сс. Китайские знаменные войска с каймой**Желтое**

Мэн Бао (№ 108)
 Цин Шань (№ 162)

V. Не выяснена принадлежность

Аминерту/Амилэту (№ 34)
 Баоцинчжун (№ 6)
 Доэрцзи (№ 25)
 Дэтай (№ 139)
 Кэшикэ (№ 84)

Майлу (№ 3)
 Линхай (№ 86)
 Личжу (№ 9) Фуцзин (№ 33)
 Цинбао (№ 7) Чжоуин (№ 4)
 Чжуньлин (№ 126)

Служебная карьера сановника Баньди, цинского наместника в Тибете и Северной Монголии

В Приложении iv к диссертации представлена составленная нами по разным китайским, русским, тибетским и монгольским источникам, биография цинского военачальника Баньди, выполнявшего обязанности наместника в Тибете и Монголии. История его служебной карьеры помогает лучше понять, каким чиновникам поручалось заниматься монгольскими и тибетскими делами.

Биографические исследования имеют давние и прочные традиции в зарубежной и отечественной историографии. Есть тенденция формирования биографики как особой дисциплины, культурологической или междисциплинарной отрасли гуманитарного знания (58, 107). Жизнеописания были одним из важнейших жанров исторического повествования в Китае. Каждая династия публиковала специальные сборники официальных биографий. Однако, по мнению Б.Г. Доронина, отдельно взятое жизнеописание весьма мало напоминало подлинную биографию. *“В этом отношении цинские придворные историографы пошли много дальше своих предшественников. Ни жизнь человека, ни его служебная карьера сами по себе их не интересуют”*. Составители использовали принцип “хвалить-осуждать” (бао-бянь). В соответствии с ним, человек изображался предельно схематично: он либо герой, либо злодей (58,123).

Именно такой подход прослеживается в официальных биографиях цинского военачальника Баньди. При работе с материалами о цинских сановниках в Тибете и Монголии мое внимание привлекла фигура Баньди. Биография Баньди охватывает значительный промежуток времени и связана со многими событиями в Цинской империи в XVIII веке. На наш

взгляд, его биография является одной из самых интересных и в немалой степени “показательных” на фоне жизнеописаний крупных сановников и военачальников Цинской империи этого периода, включенных в состав династийной истории “*Цзинши гао*” в раздел “Биографии” (*ле-чжуань*).

Биография Баньди охватывает значительный промежуток времени и сопричастна со многими событиями Цинской империи в XVIII веке. На мой взгляд, его биография является одной из самых интересных, насыщенных и в немалой степени “показательных” жизнеописаний крупных сановников и военачальников Цинской империи этого периода, тем более что Баньди был одним из первых цинских наместников в Северной Монголии, Цинхае, Западной Монголии и Тибете, побывал в составе маньчжурской делегации в России в 1732 году. Было интересно, основываясь на различных источниках, в том числе и русских, дополнить “официальную” биографию и проследить как складывался жизненный путь монгольского тайчжи.

В целом, в биографии Баньди, несмотря на ее “героический” и “официально-дидактический характер” прослеживаются периоды взлетов и падений. Его биография стала ярким примером того, как маньчжуры всячески старались привлекать и использовать монголов в качестве “полицейской силы” для укрепления своего господства.

Судя по “Гениалогии монгольских родов” (31), Баньди был родом из Цзасактухановского аймака и принадлежал к высшей монгольской знати – “золотому роду борджигин”, к которому принадлежал и Чингис-хан (31,49). Прямым предком Баньди называется Даян-хан¹. В детстве Баньди учился в императорской школе для детей высших чинов из знаменных войск и был приписан к монгольскому желтому знамени с каймой. Баньди в 1717 году был назначен на пост секретаря Государственной канцелярии

---

¹ - Даян-хан (Бату Мункэ), родился в 1460 году, правил с 1479 по 1543 гг. Известен тем, что на время объединил Монголию, прекратив междуусобные войны, а в 1488 году, в грамоте, направленной Минскому императору, назвал себя “Великим юаньским хаганом”, также называл себя главой всех монголов (8,9).

(*Нэйгэ*), сменил много должностей, включая и пост в императорской обсерватории, параллельно находясь на службе в Государственной канцелярии, где в 1724 году получил звание “*Нэйгэ сюеши*”.

Таким образом, успешная карьера Баньди началась еще в период правления императора Сюань Е. Император Сюань Е, правивший под девизом Канси с 1662 по 1723 гг. правил Цинской империей 61 год. Но к концу его правления остро встал вопрос о престолонаследии. В решении этого вопроса немалую роль играли придворные группировки. Баньди возглавлял одну из них, группировку клана *борджигин*, имевшей большое влияние при маньчжурском дворе еще со времени правления Абахая. Баньди и его сторонники поддерживали Инь Чжэна, второго сына Сюань Е. Другая группировка, в которую входил старший сын Сюань Е - Иньди и крупный маньчжурский сановник Мади, выступала за другого претендента, Иньсу, 14-го сына Сюань Е. Однако престолонаследником был объявлен 4-ый сын Инь Чжэн (47,552). Девизом своего правления Инь Чжэн выбрал иероглифы “мир и справедливость” (*Юнчжэн*) и правил страной в течение 13 лет.

В период правления императора Инь Чжэна карьера Баньди складывалась относительно удачно, в основном на военном поприще. В 1723 году Баньди вместе с генералом Оци и Чжоу Инь возглавил карательную армию в две тысячи солдат в Тибет, чтобы опередить появление там войск мятежного монгольского князя Лубсан Данзана (122,50). Другая армия под командованием генералов Нян Гэн’яо и Юе Чжунци выступила в поход в Цинхай. В хронике “Пагсам Джонсан” эти события описаны следующим образом:

“1723 год, год воды-зайца. Олёты Кукунора и китайцы вступили в распри. В результате олеты были побеждены. Китайцы убили свыше 700 крупных и малых монахов, как настоятель монастыря Сэркхонон Чусан-Римпоче и другие, разрушили “три памятника поклонения”, сожгли храмы

и соборы. Также они разрушили 3 больших монастыря Швабокхога и некоторые кельи.

[Китайцы] убили много стариков в монастыре Гумбум.

1724 год, год дерева-дракона. Китайские полководцы Ньин-гун и Йоутэу (т.е. Нян Гэн'яо и Юе Чжунци - прим.Н.С.) сожгли храмы и соборы несчастного монастыря Гонлун и 13 комплектов Ганчжура и убили цзанцев” (11,138).

В 1725 году указом императора Баньди вновь был отправлен в Тибет, чтобы огласить решение императора о присоединении земель Западного Кама к внутренним районам Китая. Эти земли отошли под административное управление провинций Юньнань и Сычуань. Прибытие Баньди в Лхасу было записано в тибетских хрониках.

В 1727 году Баньди получил пост помощника министра (*шиланя*) *Лифаньюань*. Видимо, это была должность сверхштатного советника, так как эта должность предназначалась специально для монгольских князей, в то время как все “первые роли” отводились для маньчжуров.

Личные качества Баньди и его незаурядные полководческие и дипломатические способности выдвинули его в число крупных деятелей цинского двора.

В 1732 году ему поручается важная и ответственная миссия в период подготовки Цинской империей войны с Джунгарским ханством возглавить второе посольство цинского двора в Россию вместе с крупным сановником Дэ Вином (84,111)². В *“Обзрении разных происшествий до истории и*

---

² -Первое посольство было направлено в Россию в 1712 году. Посольство направлялось на Волгу, к калмыцкому хану Аюке, подданному России. Пройдя через территории Монголии, маньчжурские послы проехали через Удинск, Иркутск, Тобольск, Казань, Саратов и достигли ставки хана Аюки в низовьях Волги. Один из членов посольства, маньчжур Тулишень, оставил подробное описание миссии под названием “Июлу” (Записки о путешествии на край света) (16).

древностей касающихся, в Иркутской губернии и в сопредельных странах бывших, сообразно предписанию г-на главного губерний начальника сочиненное губернским землемером, надворным советником, императорского Санкт-Петербургского Вольного экономического общества членом Антоном Лосевым в городе Иркутске в 1812 г.” встретила запись от 1731 г. о прибытии китайского посольства в пределы Российской империи “... Послан из Москвы для встречи китайских послов титулярный советник Иван Глазунов в Селенгинск и прибыл туда в феврале, а оттуда в марте возвратился в Иркутск с китайскими послами, кои у воеводы угашаемы были обеденным столом и вскоре отбыли из Иркутска по Ангаре в Енисейск” (10,176). Запись 1732 г. “...китайские послы из Москвы возвратились и из Иркутска зимним путем отправились за Байкал”.

Благополучно добравшись до столицы, 28 апреля 1732 года второе китайское посольство имело аудиенцию у императрицы Анны Иоановны. Гостей торжественно приняли в Петербурге и Москве, где они ознакомились с предприятиями и прочими достопримечательностями. 6 июня 1732 года китайские гости посетили Петербургскую Академию Наук (95, 85). Санкт-Петербургские Ведомости того дня сообщали: “*Визит длился около шести часов и всё, смотрения достойное, показано было оным господам послам. Особливо смотрели они с удовольствием те эксперименты, которые для их увеселения некоторые профессоры делали. Китайские послы осмотрели с немалым удовольствием токарные вещи собственной работы благославленная и вечнодостойная памяти императора Петра I. В заключении гости Академии учинили благодарственный комплимент и в память о посещении Академии оставили свои подписи, которые затем были напечатаны по-китайски, по-*

русски и по-латыни” (цит. по 95,85).

В русскоязычных источниках указывается, что Баньди вошел в состав миссии в качестве главы Лифаньюань, хотя по китайским документам он в это время возглавлял Военное ведомство (*Бинбу*). Возможно, что он занимал обе эти должности одновременно, тем более, что в период правления династии Цин “*практика двойного, а иногда и тройного совмещения должностей, была очень распространенной*” (109,400). В любом случае, включение Баньди в состав посольства было оправдано. Он, как представитель “золотого монгольского рода”, мог способствовать успеху этой миссии в вопросах, касающихся волжских калмыков.

В 1733 году по возвращении посольства в Китай, Баньди был введен в состав Военного Совета (*Цзюнцичжу*), созданного императором в 1729 году, как совершенно особый коллегиальный орган. В состав членов Военного Совета входили особо избранные, близкие лично императору сановники для выработки государственной политики. Однако, из-за козней своих соперников, ссоры и доноса на него императору сановников Нация и Чжан Гуансы, Баньди был выведен из состава Военного Совета.

В 1737 году Баньди унаследовал родовой титул *тайджи 1 степени* после смерти своего отца Лали (29, стр.189 и 203). Этот титул соответствует статусу главы хошуна (*джасака*).

В 1739-1740 годах, будучи генерал-губернатором провинций Хубэй и Хунань, Баньди возглавил карательный поход против местных племен “красных мяо”. Быстрое подавление восстания было поставлено ему заслугой и в 1740 году император вновь включает его в состав Военного Совета и назначает на должность министра (*шаншу*) Военного ведомства (*Бинбу*). Когда восстали родственные тибетцам племена *тубутов* в округе Цзиньчуань на северо-западе провинции Сычуань, Баньди в 1748 году императорским указом назначен руководить карательной армией. Местные

племена оказали упорное сопротивление цинским войскам и нанесли им ряд тяжелых поражений. В 1749 году Баньди был назначен командовать знаменными войсками в провинции Сычуань, но военные действия против непокорных *тубутов* были безуспешны. Население Цзиньчуани, не превышавшее 30 тысяч, сопротивлялось маньчжурам несколько лет. Гнев императора распространился на всех военачальников этой кампании, и Баньди был наказан за то, что *“не желал взять на себя ответственность командовать военными действиями и не сообщил императору о нерешительности военного руководства”* (111, т. 1, 15). В итоге, Баньди понижен до ранга помощника *шилана* Министерства публичных работ (*Гунбу*), лишен всех других занимаемых должностей и отправлен на службу в Цинхай, округ Синин, помощником сининского амбана.

В 1750 году он назначен императорским представителем - амбанем в Тибете. Но до его прибытия в Лхасе произошли трагические события, связанные с мятежом тибетского князя Джурмэд Намжала, сыном светского правителя Тибета князя Пола³. Вот как об этих событиях Баньди докладывал трону: *“Стало известно, что тибетский князь Джурмэ Намгье замыслил заговор. Амбань фудутун Фу Цин и его помощник Лабудун, узнав об этом, решили убить его”*⁴. *Я прибыл в Тибет 21 числа 12 месяца, собрал чиновников и солдат, вел дознание о происшедшем. В*

---

³ - Пола Соднам Гобчжай (1689-1747гг.) при поддержке цинских войск положил конец джунгарской оккупации Лхасы в 1717-1722 гг., а в 1740 г. получил титул “Князя Тибета”, проводил "процинскую" политику. После его смерти, сын Джурмэд Намжал (Далай Батур Джурмэд Намжал) круто изменил политику своего отца и выступил против цинских властей. Был убит в 1750 году. В тибетских хрониках пишется, что он “отдал свою жизнь за тибетскую независимость” (11, 196).

⁴ - Эти события хорошо освещены историографии китайско-тибетских отношений (42;77; 114; 115; 117). По мнению Ричардсона, в этой истории *“амбани явно превысили свои полномочия, за что и заплатились своей жизнью”* (116, 58). О причинах мятежа и последующих реформах правительства Тибета подробно написано в книге А.С.Мартынова (77).

подробностях узнал, что 13 числа 10 месяца амбани вызвали Джурмэ Намгье в ямынь. В то время, когда он поднимался по лестнице навстречу Фу Циню, Фу Цин выхватил нож и убил Джурмэ Намгье и 5 человек свиты. Один из свиты спасся бегством и созвал мятежников. Толпа людей окружила ямынь и открыла стрельбу. Фу Цин послал за помощью к Пандите⁵. Пандита не смог вовремя прибыть и спасти амбаней, но известил Далай-ламу и послал людей удерживать заговорщиков.

Амбаня Фу Циня мятежники ударили ножом 3 раза, после этого он, истекая кровью, убил себя сам, чтобы не попасться живым мятежникам. Тело Лабудуна было найдено там же, оно было все исколото кинжалами. Из числа чиновников ямыня двое, боясь попасть в руки бунтовщиков, убили себя, битеши Цзи Чень пытался кончить жизнь самоубийством, а тунпань Чан Мин был забит камнями. Всего погибло: цян цзунов (офицерский чин, командир тысячи) — 2 человека, солдат — 29, торговцев и прочего люда — 77. Наша казна была полностью разграблена. На следующий день Далай-лама собрал остатки гарнизона и успокоил народ. Вместе с верными людьми Пандита схватил Джурмэ Намгье и ещё 13 человек и заключил их в тюрьму.

Я, Ваш покорный слуга, учинил допросы с пытками, после этого дали показания преступник Дэшенай и ещё 14 человек. Допрашивал каждого, кто мог подстрекать к мятежу, был причастен к убийству амбаней, к ограблению казны и тех, кто в проявлении жестокости дошел до крайности. Я непременно установлю [торжество] справедливого государственного закона. Затем, 25 числа того же месяца [я] предал казни через четвертование тех, кто поджёг ямынь и ограбил казну. А тела тех, кто боясь наказания, покончили жизнь самоубийством, были

---

⁵ - Пандита, родом из влиятельного рода Гобши, в течение 50 лет был одной из главных фигур в высшем административном аппарате Тибета, и тогда ж ему был жалован титул гуна. О его роли в подавлении мятежа и конфискации имущества мятежников подробно описано в работе А.С.Мартынова (77).

насажены на пики. Другие преступники были четвертованы публично, их головы выставлены на площади на обозрение люду. Остатки мятежников были сосланы, а их домашнее имущество распродано и передано в пользу казне” (36, цзюань 379, л. 22-27).

Император Хун Ли оценил усердие Баньди, и он получил звание *фудутуна*. 4 месяца 1750 император издал эдикт: *“Дутун Фу Цин и Лабудун погибли оттого, что пошли наперекор замыслам Джурмэ Намгье. Первым делом [они] искоренили зло, были самоотвержены и не думали о своей жизни. Их верность и преданность абсолютны. Я уже проявил [свою] милость и печаль [по поводу их гибели], велел внести их имена в церемониальные списки Храма Знаменитых Мужей⁶. В память о Фу Цине повелел провести церемонии в Храме [его] предков. [Однако] есть люди, которые не знают всю полноту событий и хулят этих двоих, к тому же выносят суждение, что я отметил их больше, чем они того заслуживают. Если бы [те, кто осуждают] знали как Баньди и Цэван докладывают о последствиях мятежа, то поняли бы от какой великой беды спасли нас эти два сановника. Они погибли мученической смертью, их заслуги перед государством очень велики. Необходимо специально построить Храм двух преданных сановников, каждый год поминать их заслуги, и двум чиновникам совершать церемонии жертвоприношения. Фу Циню и Лабдуну в Лхасе построить специальную кумирню” (36, цзюань 381, л.7-8).).* Фу Кан'ань, прославившийся в войне с непальскими гурками, был племянником Фу Циня и ему принадлежит хвалебный панегирик на могильной плите двух сановников.

Вслед за военным подавлением мятежа последовало реформирование местной власти. В помощь Баньди в Тибет был направлен сычуаньский генерал-губернатор Цэрин. Вместе они подготовили *“Проект Тибетского*

Уложения из 13 статей”⁷.

Баньди был в Тибете два года, вторым амбеном вместе с ним был фудутун монгольских знаменных войск Намжар. Вместе они подготовили документ о ликвидации последствий мятежа в Тибете (38, 33). Позже третий сын Намжара, Бао Тай, дважды будет амбеном в Тибете с 1780 по 1783 год и с 1790 по 1791 год. А внук Баньди, Цин Лин будет амбанем с 1783 по 1785 год.

В 1752 году Баньди вновь призван ко двору и в третий раз включен в состав Военного Совета. В 1753 году он направлен военным губернатором провинций Гуандун и Гуаньси. Между тем, по замыслу императора в это время активно шли военные приготовления к походу против Джунгарского ханства. Баньди срочно был призван обратно в столицу и, как глава Военного ведомства (*Бинбу*), контролировал обеспечение армии в продвижении на север через Улясутай. Его организаторские способности в мобилизации людей и улаживании конфликтов между враждующими монгольскими князьями были высоко оценены императором, и Баньди был присвоен почетный титул “*Хэшо цинван*”, князя первой степени с правом наследования, и возведен в ранг “*Императорского телохранителя*”.

Новое место назначения Баньди — Улясутайский край, где он стал военным наместником, представителем маньчжурской администрации в Северной Монголии, командующим маньчжуро-монгольской армией в Халхе. В 1755 году Баньди выдвинул план операции по покорению Джунгарии во время заседания Военного Совета, император одобрил этот план и Баньди получил титул *диньбэйский цзяньцзюнь* (генерал -

---

⁶ - Храм основан в 1734 году в честь выдающихся деятелей, служивших династии Цин. Перевод названия Храма взят из справочника И.С.Бруннера и В.В.Гагельстама (45, 171).

⁷ - А.С. Мартынов дал именно такой перевод названия документа. Вероятно можно перевести и как “Положение о ликвидации последствий [мятежа] в Тибете в 13 статьях”. Китайский автор называет этот документ “Программой новой администрации Тибета” (77,58).

усмиритель севера). Баньди стал командующим одной из двух армий, посланных в Джунгарию. В этом походе Амурсана⁸ был назначен заместителем Баньди с титулом “*динбяньский цзо фуцзянцзюнь*” и имел умысел с помощью цинских войск победить своего соперника Даваци (146,116). Весной 1755 года Даваци был разбит, и к лету 1755 года Джунгария была завоевана.

Баньди вновь был одарен императорскими милостями и наградами. На этот раз он получил почетное звание “Истинный герой” и назначен на новую должность наместника в Или (*Или цзянцзюнь*), Амурсана назначен главой хошуна и помощником илийского наместника. Однако он вместе с халхасским Чингунжавом⁹ выступили против цинских войск. Баньди, как сказано в “Записках о монгольских кочевьях”, командировал Эриньцин-Дорцзи конвоировать изменника Амурсану, для представления его богдохану. Когда Эриньцин-Дорцзи прибыл в Урунгу, чтобы арестовать Амурсану, Амурсана прибег к хитрости, он вручил Эриньцин-Дорцзи печать улясатуйского *фо цзу цзянцзюня*, и, соврав ему, что он должен приготовить багаж, бежал через Иртыш. Эриньцин-Дорцзи упустил Амурсану, и ему, как не выполневшему задание, было велено покончить с собой. (9,346).

Когда Амурсана напал на малочисленный гарнизон в Или, *цзянцзюнь* Баньди и его помощник О Цзюнь'ань (О-жунь-ань) после отчаянного сражения в Каши, окруженные неприятелями, кончили жизнь самоубийством. Император вновь послал армию в Джунгарию, в 1759 году

---

⁸ - Амурсана был одним из предводителей джунгаров, главой хойотских монголов. Для того, чтобы победить в междоусобной борьбе, он вступил в союз с Цинским двором. Но вскоре, став лидером всех джунгаров, выступил против цинских войск. Массовым избиением и бегством джунгаров в Среднюю Азию и Казахстан завершился карательный поход цинских войск. Джунгарское ханство было полностью уничтожено.

⁹ - Прежде Чингунжав (кит.Цингунцзанбу) участвовал в военных кампаниях вместе с Баньди, и ему был присвоен императором титул князя *цзюньвана*.

западный край (*Сиюй*) был “умиротворен”.

После окончания военных действий в Джунгарии император Хун Ли велел воздать Баньди посмертные почести: была проведена церемония в Храме Знаменитых Мужей. Баньди получил посмертный хвалебный эпитет “Герой непоколебимой верности”, а О Цзюн'ань стал “Мужественным героем”. В честь них было решено возвести Храм двух Преданных сановников (45, т. 1, 16). Шесть лет спустя, император, помня о его заслугах, велел выполнить портрет Баньди и поместить его в Зале Военных Заслуг. В “Мэнгу юму цзи” сказано: *“в честь помянутых доблестных военачальников сочинено императором Цянь-луном стихотворение; им же составлена была и песня в честь трех их сподвижников”* (9, 473).

Так закончилась служебная карьера монгольского тайджи и цинского сановника Баньди. Он, по воле судьбы и воле императора, участвовал в главнейших событиях, определивших в дальнейшем взаимоотношения Пекина, Тибета и Монголии, а именно: в подавлении мятежа светского правителя Тибета князя Джурмэ Намгье и разгроме Джунгарского ханства. Образно говоря, он “расправился” с теми, кто посягнул на безраздельное господство китайского императора. Биография Баньди наглядно показывает, что император назначал на должность наместников сановников, глубоко преданных трону, имевших военный и дипломатический опыт, пользовавшихся личным доверием императора. По-видимому, амбань представлял лично самого императора перед светской и духовной аристократией Тибета и Монголии, и император был взыскателен к тем, кто будет “представлять его лицо”.

Терминологический указатель:

<i>аймак (монг.)</i>	единица административного деления в Монголии
<i>алиха - амбань (маньчж.)</i>	глава ведомства, управляющий министерством
<i>амбань или аскамба, асхань (маньчж.)</i>	означают звание “член Государственной канцелярии”. Соответствует званию <i>Нэйгэ сюеши</i> (кит.)
<i>асханьи - амбань (маньчж.)</i>	помощник управляющего ведомством
<i>баньши дачэнь</i>	<i>см. дачэнь</i>
<i>битхэши (маньчж.)</i>	секретарь, письмоводитель
<i>гуза – амбань (от маньчж. гуса бэ кадалара амбань)</i>	командир корпуса (знамени) в знаменном войсках. <i>Дутун</i> (кит.)
<i>да сюеши</i>	один из 4-х членов Государственного Совета <i>Нэйгэ</i> . Назначаются двое из маньчжуров, двое из китайцев
<i>дачэнь(кит.)</i>	сановник, вельможа
<i>дзаргучи (монг.)</i>	судья, чиновник. Чиновник, присылаемый на 3 года в Маймачэн для наблюдения за русско-китайской торговлей и приграничными делами. Подчинялся амбаню в Урге. Соответствует <i>сыгуань</i> (кит.) или <i>буюань</i> (кит.)
<i>дзайсан (монг.)</i>	звание главы рода у монголов, владетельный князь аймака
<i>дзасаг (кит. чжасак)</i>	княжеский титул управителя хошуна
<i>диба (тиб.)</i>	регент, чиновник-администратор помогающий далай ламе в управлении Тибетом
<i>дутун (кит.)</i>	воинское звание командира знамени. Соответствует званию <i>Гуза – амбань</i> (маньчж.)
<i>калунь</i>	пикеты численностью в 10-12 солдат во главе с офицером, несли функции охраны границ между кочевьями
<i>ланчжун (кит.)</i>	начальник подразделения в министерстве
<i>ли (кит.)</i>	мера расстояния, равная 0,5 км.
<i>линдуй дачэнь</i>	должность существовала только в управлении Илийского цзянцзюня
<i>лян (кит.)</i>	мера веса равная 37,3 гр.
<i>селин</i>	командир полка знаменного войска
<i>сомон (монг.)</i>	низшая военно-административная единица в Монголии
<i>сюеши</i>	звание члена императорской академии Ханьлиньюань
<i>тайчжи (монг.)</i>	княжеский титул в Монголии
<i>тунлин</i>	командир отряда в знаменных войсках
<i>тунпан</i>	судья, чиновник - ревизор
<i>тусалагчи цзянцзюнь (монг.)</i>	фу цзянцзюнь (помощник командующего войсками
<i>фудутун (кит.)</i>	помощник цзянцзюня

<i>хошун (монг.)</i>	административная единица в Монголии, более мелкая чем аймак
<i>хэбэй- амбань(маньчж.)</i>	помощник корпусного командира или главнокомандующего знаменных войск
<i>цаньцзань дачэнь</i>	помощник наместника в Кобдо
<i>цзолин</i>	глава эскадрона в знаменных войсках
<i>Цзюньцзичу</i>	Военный Совет. Особый коллегиальный орган из приближенных императору, играл роль высшего правительственного органа в Цинской империи
<i>цинъван</i>	означает титул “кровнородственный ван”, даровавшийся сыновьям императора. Старшие внуки императора должны были наследовать титул отца после смерти.
<i>цзунгуань (кит.)</i>	начальник знаменного гарнизона
<i>цзюньван(кит.)</i>	остальные внуки императора по мужской линии получали титул “областной ван”
<i>цзянцзюнь(кит.)</i>	генерал, главнокомандующий армией.
<i>чжанцзин</i>	офицерский чин в знаменных войсках, полковой командир
<i>(дзангин,)(маньчж.)</i>	
<i>чжуцзан дачэнь(кит.)</i>	наместник –амбань в Тибете
<i>чуулган (монг.)</i>	сейм, съезд монгольских князей
<i>шаншу(кит.)</i>	министр, глава ведомства
<i>шилан(кит.)</i>	помощник министра
<i>ямынь (маньчж.)</i>	орган административного аппарата, присутственное место, государственное учреждение.